

63.5(2-6к4)

- 1 -

П78

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

454218

**ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ**

ЧЕРКЕССК—1983

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

(материальная и духовная культура, вып. 2)

ЧЕРКЕССК — 1983

63.5 (2-6кч)

П 78

В сборнике на основании археологического и этнографического материала раскрываются новые страницы истории народов Карачаево-Черкесии, решаются вопросы их материальной и духовной культуры в прошлом и настоящем.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е. П. Алексеева (ответственный редактор),

Х. Х. Биджиев, И. М. Шаманов

454218

**Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии
(материальная и духовная культура)**

Сдано в набор 29.12.82. Подписано в печать 30.09.83: Формат бумаги 60×84 1/16. Усл. печ. л. 12. Учетно-изд. л. 11,4. Заказ № 0323. Тираж 500 экз. ВУ 44732. Цена 80 коп.

Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома. Майкоп, Пионерская, 268.

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящий сборник включены статьи археологов и этнографов, посвященные интереснейшим археологическим памятникам Карачаево-Черкесии, вопросам истории, экономики и культуры народов Карачаево-Черкесии в прошлом и в советское время.

В статье В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева «О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья» пересматривается датировка некоторых памятников кобанского времени. Так, Инжиччукунский могильник, который ранее датировался VIII—VII вв. до н. э., теперь относится к рубежу II—I тысячелетия до н. э. Вещи из Терезинского могильника датируются IX—VIII вв. до н. э. Могильник у сел. Индустрия относится к концу VIII—VII вв. до н. э. Памятники кобанского времени представляют для нас большой интерес, так как в недрах кобанской культуры формировались племена, явившиеся субстратом при этногенезе многих народов Северного Кавказа, в том числе и народов Карачаево-Черкесии.

В большой статье В. Б. Ковалевский «Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии» на археологическом материале (грунтовой могильник кобанской культуры VII—начала VI вв. до н. э. Уллубаганалы в ущелье р. Эшкакон) решаются вопросы социальной структуры местного населения, проживавшего в долинах рек Эшкакона и Подкумка в скифское время. Могильник Уллубаганалы относится к небольшому числу памятников, раскопанных полностью. В этом могильнике автор выделяет погребения мужчин — воинов, более богатые, чем ос-

тальные захоронения. Материалы, приведенные в статье, а также выводы автора свидетельствуют о сильной имущественной и социальной дифференциации местного общества в скифское (позднекобанское) время.

В статье Х. Х. Биджиева «Раннесредневековые жилища и хозяйственные постройки Карачаево-Черкесии» дана характеристика построек V—XIII вв., известных на поселениях Карачаево-Черкесии. Значительная часть этих построек открыта самим автором. Жилища были четырех типов: юрты, полужемлянки и каменные постройки. Каменные постройки известны на территории Карачаево-Черкесии с эпохи бронзы. Традиции их строительства идут от местных племен, от алан. Юрты характерны для хазароболгарских племен. Кроме жилищ, на территории Карачаево-Черкесии, открыты хозяйственные постройки, связанные с жилищами. Статья Х. Х. Биджиева является первой сводной работой по раннесредневековым постройкам Карачаево-Черкесии.

А. П. Рунич, Я. Б. Березин, С. Н. Савенко в статье «Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок» впервые публикуют материалы о городище и могильниках VII—XII вв., расположенных на мысу Уллу — Дорбулла в верховьях реки Подкумок. Авторы считают, что на этом месте мог существовать город Фуст. Изучение раннесредневековых городов, расположенных когда-то на территории Карачаево-Черкесии, имеет для нас большое значение. Существование городов в эпоху раннего средневековья говорит о том, что местное общество было уже классовым, раннефеодальным.

В. И. Марковин в статье «Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма» анализирует технику изготовления и узор шелковой ткани, обнаруженной им при раскопках погребения в Сентинском храме (над сел. Нижняя Теберда). Автор приходит к выводу, что ткань изготовлена в Византии и датируется XI веком. В. И. Марковин считает, что раскопанное им погребение в Сентинском храме принадлежит византийскому миссионеру. Но возможно и другое объяснение: шелковая ткань проникла в эти места в результате обмена с Византией. Ведь территория Карачаево-Черкесии являлась одним из звеньев «великого шелкового пути», шедшего из Средней Азии и Закавказья в Византию.

Статья Е. П. Алексеевой «Археологические раскопки и разведки на территории Карачаево-Черкесии в 1975—1980 гг.» посвящена исследованию археологических памятников Карачаево-Черкесии, проведенному в 1975—1980 гг. Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом, Карачаево-

Черкесским областным музеем краеведения, Институтом археологии АН СССР и другими учреждениями. Открыты памятники, относящиеся ко времени от III тысячелетия до н. э. до XVI в. н. э. Больше всего памятников-могильников и поселений, исследованных в указанный период, датируется эпохой раннего средневековья — V — XIII вв.

В другой статье Е. П. Алексеевой «Малоизвестные сведения автора XV в. о карачаевцах и черкесах» приводится краткая характеристика данных автора начала XV в. Иоанна де Галонифонтибуса о карачаевцах и адыгах. Данные Галонифонтибуса являются единственным источником о карачаевцах XV века. До сих пор для изучения истории карачаевцев этот источник исследователями не привлекался.

И. М. Мизиев на основании письменных источников и данных археологии убедительно показывает, что верховья Баксана и Кубани в XIV — XVIII вв. были заселены балкарцами и карачаевцами.

В сборнике публикуется большая статья Р. Х. Керейтова. «Некоторые вопросы экономической основы семьи ногайцев в XIX — начале XX века». На значительном материале автор скрупулезно исследует основы экономики ногайской семьи в указанное время. Ведущее место занимало скотоводство, но в ряде мест существовало и земледелие. Дополнительный доход давали домашние промыслы, отходничество. Статья Р. Х. Керейтова ценна для нас тем, что в ней хорошо показана далеко зашедшая имущественная дифференциация в ногайском обществе XIX — начале XX века.

В сборнике печатается статья И. М. Шаманова «Современное животноводство и хозяйственный быт в Карачаево-Черкесии». В этой статье показаны социалистические формы и методы труда, характерные для животноводства в Карачаево-Черкесии в 60—80 годы. Автор говорит также о сохранении и умелом использовании традиционных рациональных навыков и знаний. Указанная статья И. М. Шаманова представляет интерес не только для историков и этнографов, но и для специалистов по животноводству, так как в ней приведены материалы и выводы, имеющие не только историческое, но и практическое значение.

Завершается сборник статьями аспирантов М. С. Тхайцухова «К вопросу об этнических связях абазин с адыгами и абхазами в XIX веке» и Ш. Ш. Хуранова «Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период».

В. Б. ВИНОГРАДОВА, С. Л. ДУДАРЕВ

О ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ И КОМПЛЕКСОВ НАЧАЛА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. ИЗ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ И ПЯТИГОРЬЯ

Значительная близость материальной культуры самого конца эпохи бронзы — начала раннего железа Пятигорья и прилегающей к нему территории Карачаево-Черкесии была обусловлена инфильтрацией в верховья р. Кубани кобанских элементов из бассейна рек Кумы и Подкумка. Так, в частности, для изучавшихся Е. П. Алексеевой Инжиччукунского могильника и Хумаринского селища «характерны черты как кобанской, так и прикубанской культуры. Такое смещение не должно удивлять — ведь территория Карачаево-Черкесии являлась «стыком» кобанской и прикубанской культур», справедливо полагает исследователь¹. Основателен, на наш взгляд, и другой вывод Е. П. Алексеевой о том, что «культура скифского времени Карачаево-Черкесии, как и в более ранние эпохи носит смешанный характер», хотя теперь «преобладают черты позднекобанской культуры», свойственные для памятников Пятигорья VI— IV вв. до н. э.² Близкой точки зрения придерживается И. М. Чеченов³. Показательно и то, что В. И. Козенкова рассматривает «верхнюю Кубань с ее левыми притоками в начале I тысячелетия до н. э. и до V — IV вв. до н. э. как район западного варианта кобанской культуры, а в металлургическом аспекте — как один из западных периферийных очагов металлообработки на ее территории»⁴. Все это побуждает решать вопросы интерпретации соответствующих бытовых и погребальных объектов с территории Карачаево-Черкесии с обязательным учетом материалов Пятигорья.

В настоящей статье мы обратимся к отдельным памятни-

кам и комплексам предскифского времени из Карачаево-Черкесии и Пятигорья и попытаемся определить их абсолютную датировку. Это актуально в особенности потому, что определенный сдвиг, наметившийся в разработке хронологии памятников начала I тысячелетия до н. э. Центрального Предкавказья и бассейна р. Терек, не коснулся еще синхронных верхнекубанских древностей⁵.

Памятники и комплексы, используемые в нашей работе, разделены на три хронологические группы: 1) X — IX вв. до н. э., 2) IX—VIII вв. до н. э., 3) конец VIII—VII вв. до н. э.

Одним из наиболее важных памятников Карачаево-Черкесии интересующего нас времени является Инжиччукунский могильник. В свое время он был датирован Е. П. Алексеевой VIII—VII вв. до н. э.⁶ Совсем недавно В. И. Козенкова и А. В. Найденко отнесли (без детального анализа) этот могильник к числу объектов самого начала I тысячелетия до н. э.⁷, синхронизировав его с комплексом прикубанских бронз — Кяфарским кладом, датировемым 900 г. до н. э. или X—IX вв. до н. э.⁸

Этот столь категорический вывод В. И. Козенковой нам представляется несколько преждевременным. В верховьях Кубани пока еще мало известно поселений и могильников кобанского времени, особенно памятников начала I тысячелетия до н. э. Поэтому соотношение прикубанских и кобанских культурных элементов в этих местах могут показать лишь дальнейшие полевые исследования. Верная в целом хронологическая оценка возраста памятника потребует, возможно, некоторого уточнения в сторону удревнения. В одном из случайно раскопанных инжиччукунских погребений топорик прикубанского типа был найден вместе с прекрасным набором раннекобанских украшений (браслет — «шина», две гривны, булавка с дисковидным навершием, фрагмент крупного двуспирального крючка и др.)⁹. Крючок и булавка являются наиболее архаичными вещами кобанского облика в комплексе. Крупные крючки, идентичные рассматриваемому, в большом количестве известны в погребениях Тлийского могильника, относящихся к XIV—X вв. до н. э., хотя в Северной Колхиде переживают и позднее, в VIII—VII вв. до н. э.¹⁰ Булавки с дисковидными навершиями также весьма характерны для тлийских инвентарей этого же периода в целом, и все же наиболее близкой инжиччукунской является булавка из погр. № 56 (XIV—XIII вв. до н. э.)¹¹ Труднее датировать вещи разбираемых типов, обнаруженные в Кобанском могильнике. Здесь они суммарно датированы XI—VIII вв. до н. э.¹² Браслет — «шина» имеет более древний, на наш взгляд, облик, нежели многочисленные

браслеты — «шины» Пятигорья VIII — VII вв. до н. э., представляя собой высокий усеченный «конус» в отличие от приземистых пятигорских¹³. Бронзовый кинжальный клинок пламевидной формы (рис. 1.) из погр. № 1 раскопок Е. П. Алексеевой 1957 г.¹⁴ по конфигурации лезвия тяготеет к группе центральнокавказских раннекобанских клинков XII—X вв. до н. э.¹⁵ По несколько округленной верхней части клинка инжицхунский экземпляр ближе к клинку из тлийского погр. № 12¹⁶. Но наиболее точные параллели можно привести из Самтаврского некрополя (погр. №№ 281 2462). Погр. № 281 было включено А. Н. Каландадзе в группу погребений XIV — XIII вв. до н. э.¹⁷ Г. А. Ламтатидзе датировал погребения с кинжальными клинками указанного типа концом II тысячелетия до н. э.¹⁸ В материалах Инжицхунского могильника известен и бронзовый вотивный топорик (экспозиция музея краеведения в г. Черкеске), аналогичный находкам XI—УШ вв. до н. э. из Кобанского могильника и экземпляру из погр. № 41 Сержень-Юртовского могильника, которое В. И. Козенкова датирует X—IX вв. до н. э.¹⁹ Керамические материалы из могильника весьма близки посуде Исправненского могильника и памятников предскифского времени Пятигорья²⁰.

На наш взгляд, нижняя дата могильника может быть более близка рубежу II—I тысячелетий до н. э., так как перечисленные категории бронзовых предметов раннекобанского облика относятся к числу наиболее архаичных в памятниках доскифского периода верховьев р. Кубани и в захоронениях рубежа IX—VIII, а также VIII в. до н. э. Исправненского могильника уже не встречаются, при близости керамических форм и деталей погребального обряда обоих памятников²¹.

Следующая хронологическая группа (IX—VIII вв. до н. э.) представлена, прежде всего, недавно опубликованным материалами из Терезинского могильника²². В них присутствует ряд предметов, дающих основания для абсолютного датирования. Наиболее древними в Терезинской коллекции являются, по-видимому, наконечники стрел кавказских типов, т. н. «площики», которые явно тяготеют к первой выделенной нами группе. По мнению Х. Х. Биджиева и В. И. Козенковой, VIII в. до н. э. является самой поздней датой бытования литых плоско-выпуклых в сечении «площиков» из с. Терезе наиболее распространенных в X—IX вв. до н. э.²³ Не исключено, что последняя дата может быть и несколько удревнена, о чем говорит, например находка аналогичного наконечника с острыми, опущенными вниз лопастями и длинным черешком из погр. № 7 Майртупского могильника № 3²⁴. Майртупский «площик» был найден в комплек-

се с месяцевидной поделкой из кабаньего клыка с тремя отверстиями для пропускания ремней (функциональное название предмета недостаточно ясно), которая находит определенные соответствия в белозерских древностях юга Украины (вторая половина XII—X вв. до н. э., по А. И. Тереножкину, XII—X вв. до н. э., по В. И. Отрощенко)²⁵. Глубокая архаичность подобных наконечников стрел, подтверждается, в частности, находкой из погр. № 180 Самтаврского некрополя, обнаруженной вместе с листовидным кинжальным клинком, булавой из обреза основания оленьего рога, узколистовидным наконечником копья с раскрытой втулкой и др. предметами²⁶. Это захоронение входит в группу могил конца II тысячелетия до н. э. Втульчатые двухлопастные наконечники стрел раннекобачевского облика из Терезинского могильника справедливо сопоставляются авторами публикации с III—м типом киммерийских наконечников стрел черноговровского времени (IX — первая половина VIII вв. до н. э.)²⁷. Инвентарь сугубо кобанского облика из с. Терезе сравнительно малоэффективен для определения абсолютных дат, ибо включает в себя категории вещей, бытующих в достаточно широком хронологическом диапазоне. Рассматриваемые материалы из Терезе датированы X—VIII вв. до н. э. в целом²⁸. На наш взгляд, большая часть изданной коллекции может быть включена в рамки IX—VIII вв. до н. э., поскольку здесь отсутствуют предметы типа раннекобанских материалов терезинской гробницы с трупосожжениями 1978 г. (бронзовые булавки с дисковидными и пятишишечными навершиями и пр.)²⁹.

Погребения, которые можно отнести к этому же времени, известны и в кобанских могильниках Пятигорья. На самом крупном из них — могильнике № 1 на Кисловодской мебельной фабрике — они весьма редки. К ним, в частности, относится погр. № 44, в инвентаре которого, помимо орнаментированной миски и некоторых мелких предметов был обнаружен бронзовый нож, очень близкий ножу-бритве из слоя X—VIII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения (рис. 1, 8—12)³⁰. Дата погребения должна быть определена, по-видимому, не позднее середины VIII в. до н. э., поскольку в погребениях новочеркасского времени того же могильника и ряда других погребальных памятников Северного Кавказа той же эпохи известны уже только железные ножи³¹.

Нельзя не согласиться с В. И. Козенковой в том, что дата VIII в. до н. э. является самой поздней гранью датировки погр. № 28 могильника № 1 на мебельной фабрике, содержавшего биметаллический кинжал с однорядной кольчатой ornamentацией, бронзовую крестовидную пуговицу и некоторые другие

предметы, «и может быть изменена лишь в сторону удревнения»³². К IX—VIII вв. до н. э. следует относить и погр. № 11а Белореченского могильника, № 2, содержавшего, в частности, гранитный топор-клевец, близкий находке из средних слоев Змейского поселения X—VIII вв. до н. э.³

Одним из самых ярких комплексов позднейшего предскифского времени в Пятигорье является погребение № 4 могильника «Индустрия» № I (находящегося поблизости от одноименного карачаевского поселка), открывающее третью выделенную нами хронологическую группу (конец VIII—VII вв. до н. э.). Первоначально оно было отнесено к рубежу VII—VI вв. до н. э.³⁴ Впоследствии дата погребения была уточнена в рамках VII в. до н. э.³⁵ Ныне у нас есть основания для ее удревнения. В богатом вещевом наборе (рис. 2, 1—4) помимо остатков бронзового чешуйчатого панциря ассиро-урартского типа, бронзовых «тесел» с заплечиками³⁶ и пр. присутствуют три бронзовых топора кобанского типа, аналогичные экземпляры из Новочеркасского клада (рубеж VIII—VII вв. до н. э., по А. А. Иессену), топорам из Жемталинского клада (конец VIII в. до н. э., по Е. И. Крупнову) и образцам из клада в г. Гали в Абхазии (вторая половина VIII—VII вв. до н. э., по Ю. Н. Воронову)³⁷. Одному из авторов данной статьи уже приходилось писать о топорах этого типа, датируя их рубежом VIII—VII — началом VII в. до н. э., но без подробной аргументации³⁸. Эти топоры характерны обушком с приплюснутой, гвоздевидной «пяткой», сильно оттянутым назад лезвием и парными выступами с одной или с обеих сторон проушины. Ю. Н. Воронов прослеживает бытование топоров, очень близких к описываемым, в колхидских древностях вплоть до конца VII в. до н. э.³⁹ Но для Северного Кавказа такая дата не подтверждена соответствующими материалами. Другие подобные топоры из бронзы (особенно сходные с рассматриваемыми в оформлении проушины) встречены в погребениях XII—X вв. до н. э. Тлийского могильника, и по данным Б. В. Техова, продолжали использоваться в IX—VI вв. до н. э.⁴⁰ Однако известные нам экземпляры из Тли почти не имеют гвоздевидных «пяткок», а отличаются округлыми обушками с огранкой. Новочеркасский, индустрийские, жемталинские и гальские топоры имеют характерный выгиб в средней части корпуса, создавая впечатление «перемломленности». В опубликованной части тлийской коллекции топоров такая черта нам почти не известна. Лишь экземпляр из погр. № 40 может быть поставлен в один ряд с указанными образцами, подтверждая, в свою очередь, наши предположения относительно хронологии анализируемых то-

поров. Он был обнаружен в сочетании с бронзовым гравированным трофейным поясом урартского происхождения, датированным Б. В. Теховым концом VIII — началом VII вв. до н. э.⁴¹ Мы, со своей стороны, готовы подкрепить эту дату следующими наблюдениями. Конные воины, изображенные на поясе, манерой посадки близки изображениям всадников с ассирийских рельефов эпохи Саргона II (722 — 705 гг. до н. э.)⁴². Конники с тлийского пояса сидят близко к холке, корпус прямой, колено на плече лошади, нога свободно опускается от колена вниз. Этим они отличаются от конных воинов, изображенных на предметах времени урартского царя Сардури II (760—730 гг. до н. э. по Б. Б. Пиотровскому; 764—735 гг. до н. э., по Г. А. Меликишвили)⁴³. Колени сардуровских воинов на уровне холки лошади, сами всадники сидят ближе к крупу. В. Б. Ковалевской на материалах Передней Азии доказано, что изменение положения ног всадников от сильно согнутых в IX в. до н. э. до выпрямленных в VII в. до н. э. является хронологическим признаком⁴⁴. Таким образом индустрийское погребение № 4 следует датировать концом VIII — началом VII в. до н. э.

В фондах Кисловодского филиала Ставропольского краеведческого музея им. Г. К. Праве нами выявлен беспаспортный комплекс из окрестностей г. Кисловодска (точнее не известно), содержащий большой (21,5 см.) серповидный нож и два бронзовых наконечника стрел новочеркасского типа (рис. 1,5—7)⁴⁵. Данный образец ножа наиболее близок некоторым находкам VIII—VI вв. до н. э. из Волго-Камья и Восточной Грузии⁴⁶. Дату этого набора вещей определяют наконечники стрел, бытующие в промежутке между концом VIII — началом третьей четверти VII вв. до н. э. (А. М. Лесков)⁴⁷.

Комплекс предметов, обнаруженный в 1950 г. у Лермонтовского разъезда (район г. Пятигорска) в кургане в «Широкой балке», уже служил предметом внимания специалистов (рис. 2,5—12). А. А. Иессен отнес его к VIII—началу VII в. до н. э., А. И. Тереножкин, опираясь на сочетание предметов конской сбруи и раннескифского акинака с бабочковидным перекрестием — к первой половине, или самое позднее, середине VII в. до н. э.⁴⁸ Прочие компоненты комплекса, не привлекавшиеся ранее археологами для анализа, не противоречат этой дате, находя аналогию в древностях Северной Колхиды позднейшего предскифского и самого начала скифского времени (бронзовый и железный наконечники копий)⁴⁹.

Завершают третью группу материалы погребения из окрест-

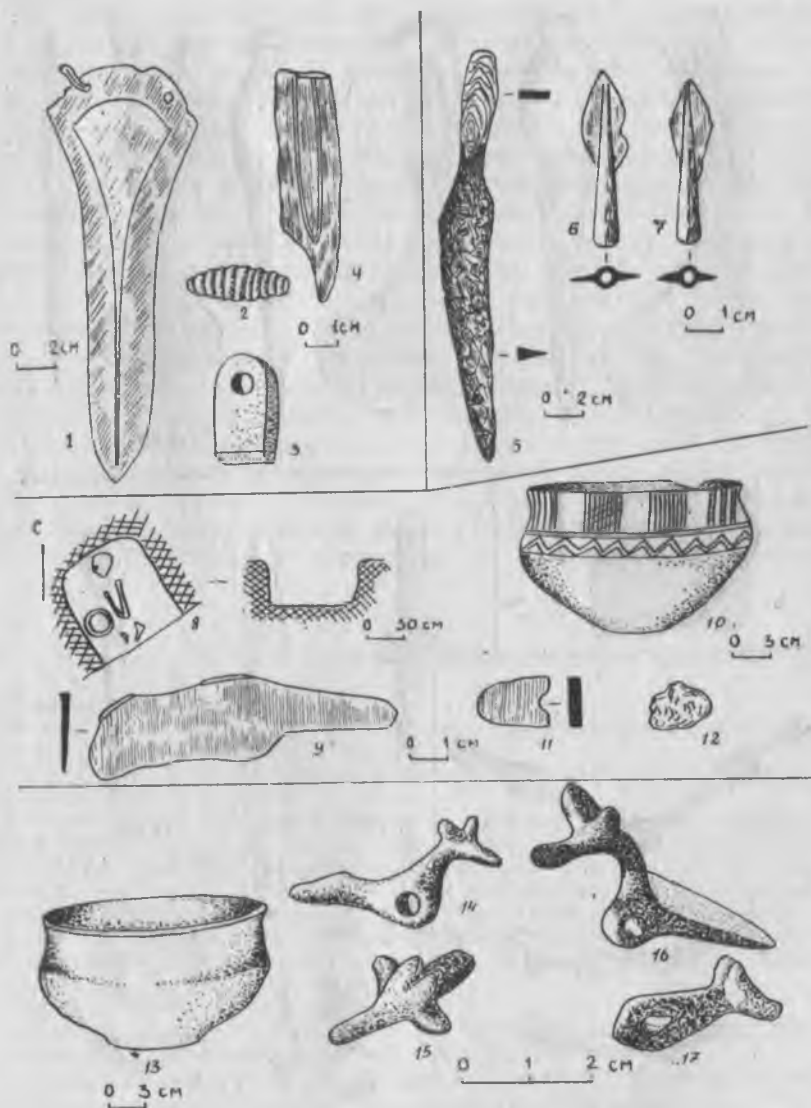

Рис. 1. 1—4 — некоторые предметы из погребения № 1 Инжиччунского могильника; 5—7 — комплекс из Кисловодского музея; 8—12 — материалы погребения № 44 могильника № 1 на Кисловодской мебельной фабрике; 13—17 — комплекс из окрестностей мебельной фабрики.

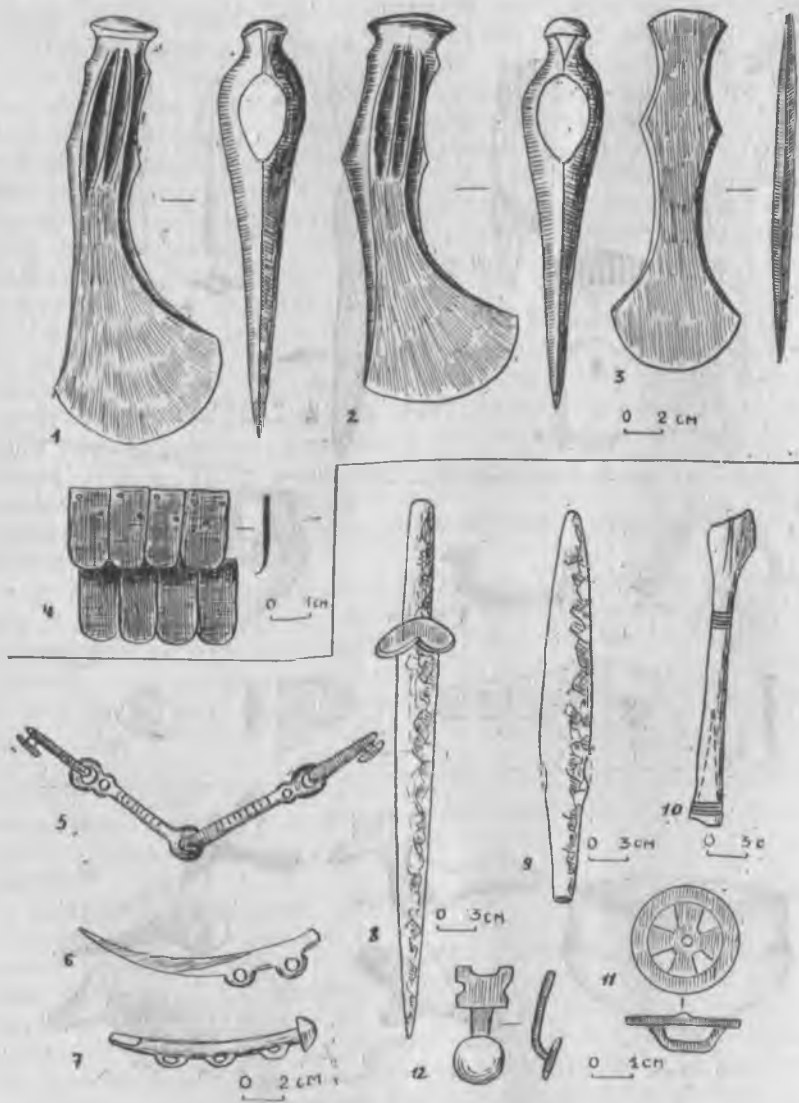

Рис. 2 1—4—часть комплекса из погр. № 4 могильника «Индустрия» № 1;
 5—12—вещи из кургана в «Широкой балке» (Лермонтовский
 разезд).

ностей мебельной фабрики г. Кисловодска⁵⁰. В грунтовой яме при скорченном на боку костяке найдены глиняная неорнаментированная миска и несколько зооморфных подвесок в виде фантастических «рогатых птичек» и головок ланей(?) (рис. 1, 13—17). Подвески в виде «рогатых птичек» известны еще в докобанскую эпоху⁵¹. Позднее они встречаются в XII—VII вв. до н. э. в раннекобанских погребениях. Случайные переживания подобных изображений известны в Пятигорье в сарматоаланскую эпоху⁵². Подлинное бытование данных артефактов, как и подвесок в виде головок ланей не заходит дальше VII в. до н. э. Что же касается глиняной миски, то интересно заметить, что в погребеньях Пятигорья, твердо датированных предскифским временем, встречаются, как правило, орнаментированные образцы. Таким образом, датировку погребения целесообразно ограничить в рамках VII в. до н. э.

Предложенная интерпретация — лишь малая часть работы по созданию общей хронологии памятников конца эпохи бронзы — начала раннего железа Карачаево-Черкесии и Пятигорья. Существующую между ними диспропорцию могут устранить лишь новые полевые изыскания.

¹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 53.

² Там же, с. 64—65.

³ Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. — АЭС, т. I, Нальчик, 1974, с. 24.

⁴ Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры. — СА, 1981, 3, с. 41.

⁵ Техов Б. В. Глийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. — СА, 1972, 3, с. 18 и сл.; его же. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 63 и сл.; Лесков А. М., Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автограф, докт. дисс., М., 1975; Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976; Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — МАД, VI, Махачкала, 1977 и др. работы.

⁶ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 53.

⁷ Козенкова В. И., Найденко А. В. Кобанский могильник близ станции Исправной (Ставропольский край). СА, 1980, I, с. 210.

⁸ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 43; Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия). — СА, 1980, 3, с. 235.

⁹ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 301—302, табл. 7А, 2, 4, 8, 13; табл. 76, 17, 18, 15.

¹⁰ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., с. 147—148, рис. 105; Воронов Ю. Е. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культуры. Сб. «Скифия и Кавказ», Кисв, 1980, с. 208.

¹¹ Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.). Тбилиси, 1980, рис. 21, II, 2.

¹² Техов. В. Б. О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. — Мадисо, т. II, Орджоникидзе, 1969, с. 50, таблица-вклейка.

¹³ Дударев С. Л. Отчет о раскопках в 1977 г. Архив ИА АН СССР, р—1, №6757, с. 9; №6757а, рис. 21 а, 23, 1.

¹⁴ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 52; с. 302, табл. 76, 14.

¹⁵ Техов Б. В. Центральный Кавказ... с. 89—94, рис. 84; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, VIII, М., 1980, с. 27, табл. XII, 1, 2; Дудко О. А. Опыт классификации археологического материала из Галиатского могильника «Фаскау». — АС. М., 1961, табл. 1, 19.

¹⁶ Техов Б. В. Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н. э.), рис. 32, 7.

¹⁷ Каландадзе А. Н. Самтавро. Археологические памятники доантичной эпохи. Мухета. Результаты археологических исследований. т. IV. Тбилиси, 1980, с. 133, рис. 643.

¹⁸ Ломтатидзе Г. А. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974, с. 163, табл. IX, 4.

¹⁹ Техов Б. В. О культурной общности..., табл.-вклейка; Козенкова В. И. Вопросы хронологии восточного варианта..., с. 81, 90, табл. VI. 3.

²⁰ Козенкова В. И., Найдено А. В. Кобанской могильник..., с. 202, рис. 7. Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья. — АЭС, т. IV, Грозный, 1976, рис. 1—10.

²¹ Козенкова В. И., Найдено А. В. Указ. соч., с. 198—199, 201—202, рис. 3—4, 6—7.

²² Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры..., с. 225—236.

²³ Там же, с. 227.

²⁴ Дударев С. Л. К этнической трактовке предкобанских древностей восточной части плоскостного Притеречья. — Сб. тезисов «Археология и краеведение — вузу и школе», Грозный, 1981, с. 24—25.

²⁵ Дударев С. Л. Отчет о раскопках в 1980 г. Архив ИА АН СССР, р—1, №7768, с. 31; №7768 г, рис. 84, а, б; рис. 85, 1; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 208; Отрощенко В. В. Срубная культура Степного Поднепровья. Автореф. канд. дисс., Киев, 1981, с. 17. А. И. Тереножкин и Н. Н. Чердниченко сочли возможным интерпретировать предмет как псалний, В. В. Отрощенко сравнил его с подвеской из Широцкого могильника. Признательны им за любезную консультацию.

²⁶ Каландадзе А. Н. Самтавро. Археологические памятники..., с. 101, №450, 438, 451, 444.

²⁷ Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры... с. 227.

²⁸ Там же, с. 236.

²⁹ Козенкова В. И. О работах Учкеевского отряда. — АО 1978 года, М., 1979, с. 129.

³⁰ Козенкова В. И. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. — АЭС, т. II, Грозный, 1968, с. 19, рис. 3, 14; Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Ук. соч., с. 225—226; Рунич А. П. Отчет о раскопках в 1971 г. Архив ИА АН СССР, р—1, № 4633. Находки публикуются с любезного разрешения А. П. Рунича.

³¹ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Киммерийско-кавказские связи. — Сб. «Скифия и Кавказ», 1980, с. 185—197; Аифи-

мов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры. — Сб. «Скифский мир», Киев, 1975, с. 47.

³² Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа. — В сб. «Фрако-скифские культурные связи», София, 1975, с. 97.

³³ Рунич А. П. Отчет о раскопках в 1974 г. Архив ИА АН СССР, р-1, №5249, с. 17; Дсопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры. — МАДИСО, т. 1, Орджоникидзе, 1961, с. 33.

³⁴ Виноградов В. Б., Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Ук. соч., с. 46—48.

³⁵ Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П. Ук. соч., с. 199.

³⁶ Рунич А. П. считает эти орудия специальными ножами для раскроя кожи (Рунич А. П. О назначении некоторых орудий труда VIII—VII вв. до н. э. — Сб. тезисов «Археология и краеведение—вузу и школе», Грозный, 1981, с. 26).

³⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 109; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 132; Воронов Ю. Н., Гунба М. М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии — СА, 1978, 2, с. 264.

³⁸ Дударев С. Л. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе. — Сб. тезисов «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы», Донецк, 1979, с. 95—97.

³⁹ Воронов Ю. Н. О хронологических связях..., с. 202—208.

⁴⁰ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., с. 81, 87.

⁴¹ Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 186.

⁴² Ковалевская В. Б. Конь и всадник М., 1977, с. 99; Техов Б. В. Очерки..., с. 175—177, рис. 66, 7; 67, 7.

⁴³ Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Меликашвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, с. 297.

⁴⁴ Ковалевская В. Б. Ук. соч., с. 85.

⁴⁵ Вещи публикуются с любезного разрешения дирекции музея.

⁴⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VII—VI вв. до н. э.) М., 1977, с. 144, 148, рис. 53, 28; Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — ВГМГ, XIX—А и XIX—В. Тбилиси, 1957, с. 140, табл. 1, 90.

⁴⁷ Лесков А. М. Заключительный этап бронзового века..., с. 52.

⁴⁸ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА, — М., 1954, с. 123, 127, рис. 123; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 128, рис. 78.

⁴⁹ Трапш М. М. Труды, т. 2. Сухуми, 1969, с. 181; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 20, табл. XXXVIII, рис. 10, 15; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. — СА, 1975, 2, с. 271, рис. 3, 7; Трапш М. М. Труды, т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1970, с. 160, табл. VI, 13.

⁵⁰ Дударев С. Л. Березин Я. Б. Работы Кисловодского отряда. — АО 1977 года. М., 1978, с. 118.

⁵¹ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., с. 25.

⁵² Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — АЭС, т. III Грозный, 1969, с. 116, 136, рис. 16, 83; Раскопки А. П. Рунича в 1968 г. на могильнике «Мокрая балка».

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КОБАНСКОГО МОГИЛЬНИКА УЛЛУБАГАНАЛЫ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

В 1977—1979 гг. работами Мало-Карачаевского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР под руководством автора¹ в зоне регулирующего Кисловодского водохранилища на Эшкаконе был полностью раскопан небольшой грунтовой могильник кобанской культуры конца VII—начала VI вв. до н. э.

Могильник расположен в ущелье р. Эшкакона, правого притока Подкумка, в 12 км от устья, на конусе выноса на правом берегу. В месте слияния с ручьем Уллубаганалы (или Муртаз-Кол-Айгн). По длинной оси он вытянут с юго-запада на северо-восток на 35 м, имея по короткой оси не более 10 м. С трех сторон могильник окружен одновременным ему поселением. С юга и юго-востока огражден невысокой каменной стеной, сохранившейся в виде развала камней под дерном. Северной границей могильника служит небольшая каменная гробница с захоронением мужского черепа, сопровождаемого заупокойной пищей в корчаге и акинаком с подкинжальным ножичком (погр. 15), от которой к юго-западу идет стенка из скальных обломков, ограничивающая могильник с северо-запада.

Могильник содержит 12 мужских, 7 женских, 5 детских погребений и два кенотафа. Уникальность его заключается не только в том, что могильник раскопан полностью, но, прежде всего в том, что он никогда не подвергался ограблению (лишь в двух случаях, п. п. 5 и 22) погребения были нарушены в древности, но инвентарь сохранился, судя по всему, нетронутым, и в погребении № 16 современный телеграфный столб задел череп и, очевидно, уничтожил небольшой сосудик. При по-

гребенных содержится богатый инвентарь: оружие, орудия труда, украшения, глиняная и металлическая посуда, напутственная пища. Удастся проследить ряд особенностей погребального обряда, проявляющихся в различной конструкции погребальных сооружений, форме могильных ям, их размерах, ориентировке, характере перекрытия, засыпи, позе, ориентировке и степени скорченности скелета² (см. табл.), что позволяет выделять в могильнике семейные и хронологические группы.

В данной статье я хочу акцентировать внимание на одном аспекте исследования могильника—рассмотреть те данные о социальной стратификации жителей поселка, которые можно почерпнуть из анализа погребального инвентаря мужских захоронений (прежде всего опираясь на набор оружия, свидетельствующий о потестарно-политической культуре³, характеризующей изучаемое нами общество в ранне-скифское время).

Но для того, чтобы сравнивать между собой погребения по этим признакам, предварительно следует их сгруппировать и упорядочить во времени. Уже при первой предварительной публикации можно было предложить дату использования могильника на основании анализа аналогий погребальному инвентарю, которая в дальнейшем, при раскопках более древней части могильника была уточнена и несколько удревнена⁴. Благодаря тому, что могильник очень невелик по числу погребений, следовало как можно более подробно рассмотреть все те признаки, которые могли охарактеризовать каждое из погребений. Целью группировок всех погребений могильника является вычленение семейных групп, распределенных по поколениям, следовательно упорядоченных во времени. Полученный результат нужно рассматривать лишь в плане предложенной автором гипотезы, отличающейся тем, что читатель может сам ее проверить, пользуясь материалами таблицы № 1 и приложения. Поскольку половозрастные отличия в инвентаре и, часто, в деталях погребального обряда, в древних могильниках очень существенны⁵, для хронологического стержня мы избрали наиболее представительную группу, состоящую из 12 мужских погребений (все определения пола произведены антропологами).

Мы подсчитываем в таблице типа турнирной все случаи сопряженности признаков погребального обряда, типов и расположения инвентаря (рис. 3), индексов керамики⁶ для каждой пары погребений (рис. 4). Затем мы отбрасываем все опосредствованные связи, оставляя для каждой пары только максимальное значение и получаем граф, связывающий между собой объекты по мере их наибольшего сходства между собой. Граф в

нашем случае получил древовидную форму (рис. 5), что, как справедливо указывали И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак и Я. А. Шер, отражает хронологическую последовательность погребений.

Сосуды характеризуются большой общей однотипностью при вариабельности деталей⁷. Принято считать, что лепные сосуды эпохи раннего железа являлись предметом домашнего производства и изготовление их было делом женским, возможно, делом хозяйки дома. Даже если предположить, что они попадали в семью путем покупки, разумно считать, что в одной малой семье сосуды должны были покупаться у одного мастера и поэтому сосуды в погребениях жены и мужа должны быть близкими между собой по деталям — степени отогнутости венчика, его относительной высоте и т. д. Следовательно особенности керамики должны оказаться тем общим, что позволит сгруппировать мужские и женские погребения.

Визуальные наблюдения не подкрепленные подсчетами, не привели к каким-либо интересным выводам, оставалось тогда подвергнуть керамику статистической обработке.

Для характеристики каждого сосуда подсчитывались замеры нескольких (пяти) диаметров на разной высоте и нескольких высот. Соотношение высот и диаметров (индексы) отражало все существенные особенности формы сосудов, которые можно было записать в табличной форме или выразить в виде графиков. Сравнивая между собой индексы керамики, мы из всей массы сосудов можем выбрать пары или тройки наиболее близких между собой форм и эти результаты объединить в таблицу типа турнирной, где наибольшее сходство выразится в наибольшем количестве случаев близости (см. рис. 7). Причем все эти подсчеты проводятся как по корчагам, так и по биконическим небольшим сосудикам, которые в ряде случаев встречаются в погребениях парами. На основании сравнения индексов керамики, мы можем сгруппировать между собой погребения, оценить связь между сосудами в пределах групп, между ближайшими и удаленными группами.

Данные стратиграфии и планиграфии позволяют нам ориентировать граф: проводить вертикальные линии, когда погребения разновременны, или горизонтальные, когда они одновременны. Картографирование (вычерчивание линий сопряженности на плане могильника) наглядно подчеркивает тот факт, что могильник рос с юга на север.

Для того, чтобы поставить в соответствие с указанным упорядочением мужских погребений все наличные женские погребения — мы подсчитываем сопряженность по всем возможным

признакам женских погребений с мужскими. На основании этих данных мы строим связный граф, где находит взаимозначное соответствие большая часть мужских и женских погребений могильника. Содержательной интерпретацией этих связей следует считать отражение семейных отношений между наиболее сходными мужскими и женскими погребениями.

Объединенные в семейные группы погребения оказываются наиболее близкими по ориентировке, типу могильного сооружения, характеру перекрытия могилы и керамике. Как правило, они находятся в непосредственной близости друг к другу, причем женские обычно восточнее или южнее относящегося к нему мужского.

Исходя из парных показателей максимального сходства, после построения графа в виде древа, мы получили модель, в которой все взрослые погребения оказались объединенными в одну систему, отражающую последовательность этих погребений во времени. Причем ярусы этого графа мы можем сопоставить с хронологическими этапами существования могильника, выраженными тремя или пятью группами (или поколениями).

Хронологическая последовательность этих групп подтверждается стратиграфическими данными. Погребение 9 из второй группы прорезает самое древнее мужское погребение 17 из первой группы, также как 23 погребение нарушило 22, 13 и 12 погребения третьей группы стратиграфически более древние, чем 11 погребение из четвертой, а 4 погребение из четвертой группы было стратиграфически более древним, чем 5 из пятой группы. Так что объективные данные позволяют нам выделить несколько групп в пределах могильника, отражающих последовательность их совершения. Причем в окончательном виде такой граф, моделирующий постепенное использование могильника, можно давать, суммируя связи между брачными парами по наибольшему количеству общих признаков погребального обряда, керамики и инвентаря.

Посмотрим, как определяется абсолютная датировка этого могильника по аналогии погребальному инвентарю и как можно заузить ее, смоделировав время существования некоего родового (или семейного, патронимического) коллектива, оставившего 24 (или условно, с учетом кенотафов) 26 погребенных.

Начнем со второго, «даты—срока», как предложили называть узкий промежуток времени использования могильника, когда известно полное число погребенных в нем людей, И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер⁸. Предмет нашего рассмотрения — очень компактно расположенный неболь-

шой могильник с ограниченной территорией не мог быть оставлен более чем за 40—50 лет, от силы 60 лет (4 поколения по 15—20, как принято считать, лет). Не повторяя предложенных Я. А. Шером и Абетековым выкладок о времени существования могильника Жаныш-Булак⁹, где мы имеем захоронения 24 взрослых, скажем, что эти выкладки удивительно подтверждаются нашим материалом. Средний возраст в 30 лет, принятый Я. А. Шером, соответствует вычисленному антропологом Т. М. Резниковой среднему возрасту в 30 лет для населения могильника на Эшкаконе. Логически справедливое предположение авторов о том, что в каждом последующем поколении количество семейных пар увеличивается, находит и здесь подтверждение.

Отличие, очевидно, в одном. Я. А. Шер и Абетеков говорят о поколениях, восходящих к двум брачным парам, в нашем же случае мы имеем, как будто бы, дело с патронимией, восходящей к одной начальной семье (погр. 17 и 22). Возможно, проверка этого предположения сможет оказаться экспериментальное получение обобщенного портрета по всем мужским черепам могильника с последующим его сравнением с черепами из 17 и 22 погребений.

За двумя брачными парами второго поколения и тремя мужскими погребениями следуют в третьем поколении три брачные пары: одно женское и три мужских погребения (одно из них отрубленной головы, поэтому остается неясным, относится оно к местному населению, либо это культовое (?) захоронение головы врага. Последнее находит подтверждение в антропологических отличиях погребенного). Следовательно дата — срок патронимического (?) могильника в Муртаз-Кол-Уллубаганалы определяется не более чем в 50—60 лет, а скорее 40—50 лет и скорее всего эти три поколения жизни.

Я не буду останавливаться подробно на пути определения абсолютной даты. Учтены:

а — все материалы, «работающие» и не «работающие» на хронологию; и возможно полно собраны все аналогии по опубликованным и не опубликованным данным;

б — приняты наиболее мелкие подразделения существующей типологии (типы, подтипы, варианты) для каждой категории инвентаря (или признака);

в — при упорядочении комплексов (если упорядочение верно) должны упорядочиться эволюционные ряды (так топор секира из 17 погребения несет на себе более архаические черты, чем топоры из погр. 10, 2 и 4).

Переход от относительной хронологии к абсолютной про-

исходит с учетом наличия в комплексах вещей, имеющих возможно более узкий период бытования (скифские двухперые и трехперые втульчатые стрелы, акинаки, костяные застежки от колчанов, гагатовые «подушкообразные» бусы, стремячководные железные удила). Если придерживаться закавказских аналогий, то датой должен быть конец VII — первая половина VI в.¹⁰, если же скифских степных — то первая половина VI в.¹¹ Если рассматривать наш могильник на фоне близких ему по времени и территории, недавно очень тщательно исследованных памятников, то хронологически он окажется между Краснознаменским могильником конца VII в., раскопанным В. Г. Петренко¹² и уникальнейшим погребальным сооружением середины VI в. из Султан-Горы, раскопанных Н. Л. Членовой¹³, одновременно Моздокскому¹⁴ и ранним погребениям Комаровского могильника¹⁵ и ряду комплексов из района от Кисловодска до Минеральных Вод¹⁶. Очень близки ему (особенно по архаическим женским бронзовым ожерельям) комплексы VII—VI вв. до н. э. верхней Кубани¹⁷.

Для того, чтобы рассмотреть все дошедшие до нас мужские погребения могильника Муртаз-Кол, как характеристику потестарно-политической культуры позднекобанского населения скифского времени из небольшого родового поселка на Эшкаконе, нам недостаточно знать дату—срок использования могильника и распределение во времени всех погребений. На этом основании для каждого периода мы сможем говорить лишь о тех мужчинах, которые в этот период умерли и были захоронены, но ведь в это время жили те мужчины (были взрослыми, юношами или детьми), которые умерли позже. Зная же возраст каждого из погребенных по определениям антропологов Г. П. Романовой и Т. М. Резниковой, мы можем составить таблицу, в которой это будет достаточно наглядно.

Так, для первого выделенного нами периода, когда было совершено наиболее древнее мужское погребение № 17, достигли уже возраста 35—45 лет мужчины, захороненные в погребениях 10, 13, 14, 16, несколько моложе был всадник из 4 погребения, юношами были те, кто захоронены позднее в погребениях 2 и 7. То есть по меньшей мере можно говорить о шести взрослых и двух юношах.

Во второй период, когда умерло пятеро мужчин и один юноша (погребения №№ 10, 14, 12, 13, 16), взрослыми были еще трое мужчин (погребения 2, 4, 7) и два юноши (погребения №№ 3, 5). Следовательно, было по меньшей мере восемь взрослых мужчин и трое юношей¹⁸.

О последнем периоде судить трудно, так как или население

ушло или могильник был перенесен на другую территорию. У нас нет никаких оснований для подсчетов, кроме данных о трех погребениях (№ 3, 5, 16), во всех случаях воинских. Из 12 мужских погребений в семи (если не в восьми) найдены предметы вооружения — оружие дальнего боя: луки (детали колчана — погр. № 4''10), стрелы (погр. №№ 3, 4, возможно, 7) и копья (погр. № 17 и, возможно, 7); оружие ближнего боя — акинаки (погр. №№ 4, 5 и 15), кинжал кавказского типа (п. 3), боевые топоры—секиры (погр. №№ 2, 4, 10, 17). В четырех мужских погребениях оружия нет, в одном (погр. 7), возможно, как мы говорили, оно было. Причем только в погребении № 12 отсутствие оружия, очевидно, объясняется юношеским возрастом погребенного. В других случаях без оружия погребены немолодые мужчины (40—55 лет), погребения их отличаются как тщательностью сооружения могилы, так и достаточно богатым инвентарем, но своеобразным.

Следовательно, нельзя объяснить отсутствие оружия неравноправным положением погребенного (достаточно указать на наличие бронзовых пиршественных чаш в погребениях №№ 13 и 14), это отражение иной, чем у воинов, позиции в социальной структуре. И только в одном из погребений лишенных оружия, последнее можно объяснить объективными обстоятельствами— погребенный в могиле № 13 мужчина 45—55 лет был хромым, что не мешало ему быть погребенным в тщательно сделанной могиле с обычным набором посуды: корчага и даже 2, а не один, биконических сосудика, бронзовой пиршественной чашей, тремя раковинками каури (единственными в могильнике). Особый интерес представляет инвентарь из погребения № 14. Начать с того, что погребение было перекрыто крупными и мощными каменистыми плитами в несколько рядов, а сам костяк лежал на большой каменной плите. Корчага была (в отличие от всех других) богато орнаментирована. Как и у знатных воинов— у этого пожилого мужчины (50—60 лет) была бронзовая пиршественная чаша. У подбородка, с направленным к шее острием, лежали три стальных ножика, остальной набор вещей— уникален. 10 пряслиц, найденные в погребении скорее всего связаны с гаданием (в детских погребениях они найдены в количестве 1—2 экземпляров только при погребениях мальчиков — служили, очевидно, для игры). Вместе с этим в погребении № 14 найдены специфически женские вещи—глиняное пряслице (в районе Кавминвод в VII—VI в. их часто клали в погребениях женщин) и бронзовое ожерелье. Такое смешение специфических мужских и женских вещей безусловно нарочито; если вспомнить свидетельства Геродота о женоподобных энареях в скифском

обществе, то можно предположить, что, по мнению окружающих, погребенный должен был обладать особой, очевидно, сакральной властью (возможно, для того, чтобы его преемник получил по наследству часть его «сверхъестественной силы» в нижней части черепа в месте сочленения с первым позвонком был выпилен и изъят посмертно кусок черепа). В этой группе мужских погребений разного возраста без вооружения, но с достаточно богатым (а иногда и своеобразным) инвентарем мы не можем видеть неполноправных (а потому и невооруженных) членов рассматриваемого нами коллектива. Значит принцип их объединения как мы сказали—это иная их социальная роль в коллективе. Но какая? С одной стороны по набору инвентаря мы можем говорить о сакральной роли; с другой стороны, следует учесть, что это первое проникновение железных изделий в материальную культуру кобанских племен, причем анализы, произведенные Н. Н. Тереховец, привели ее к точке зрения, что примененные продуманные методы обработки железа (цементация, закалка, вваривание стальной полосы и т. д.) и высокий процент стальных орудий и оружия говорят о глубоком и давнем знании мастерами всех этих очень сложных для эпохи раннего железа приемов, что должно было иметь длительную культурную традицию железодельного производства (что не прослеживается на археологических памятниках Северного Кавказа). Следовательно, мы можем предположить, что в группе безоружных, но облеченных (в некоторых случаях) подчеркнутой сакральной властью мужчин, можно видеть погребения выделившейся профессиональной группы кузнецов (тем более, что в этнографии мы знаем, что именно кузнецы всегда наделялись сверхъестественными колдовскими способностями и соединяли свои производственные функции с жреческими).

Воинские погребения, таким образом, составляют всего около 60% мужских погребений могильника. Причем отличия в наборе оружия отражают относительное место каждого мужчины в воинской иерархии. Время существования могильника относится к эпохе скифских походов в Переднюю Азию, когда население гор и предгорий Кавказа оказалось тесно связанным со степным миром Передней Азии и Закавказьем¹⁹. На примере могильника Уллубаганалы ярко виден тот факт, что «занятие более эффективных видов вооружения существенно повышало действенность той или иной потестарной или политической культуры»²⁰. Если наиболее раннее погребение № 17 воина 45—55 лет содержало в качестве оружия дальнего боя копье с железным наконечником, типичное для местных памятников этой, а в бронзе и предшествующей эпохи, и боевой топор-секиру,

аналогичный подобному оружию в северокавказских, закавказских и степных памятниках VII—VI в., то уже в следующем поколении (погр. 10) оружием дальнего боя становится лук. Скифские наконечники стрел не были ни особенно часты, ни многочисленны в погребениях позднекобанской культуры вообще и рассматриваемого могильника в частности, но находки их в самом богатом оружием всадническом погребении № 4, наряду с костяными деталями колчана, акинаком, топором-секирой и стремячкovidными железными удилами документируют именно эти связи позднекобанского населения гор и предгорий. Причем интересно, что эти наконечники найдены вонзенными в дно могилы (у края могильной ямы и у черепа). Здесь мы уже сталкиваемся с теми чертами погребального обряда, которые нашли отражение в материалах могильника — вопрос об обезвреживании погребенного путем его смертного вторичного убийства в процессе погребения. Ведь чем сильнее и влиятельнее был при жизни покойный, тем опаснее он мог бы оказаться после смерти, тем важнее для живущих надежно его обезвредить. Так сильная скорченность погребенных, особенно женщин, объясняется тем, что они были связаны. Антропологи при анализе костяков в полевых условиях определили, что неестественно изогнутые и вывернутые кости рук (погребения №№ 8, 11, 13, 21, 22) объяснялись тем, что посмертно были подрезаны сухожилия. Как мы уже указали выше, погребенный из могилы № 4 (шаман? кузнец? гадатель?) был «убит» 3 ножичками-стилетами, нацеленными в подбородок, а старая женщина из погребения № 1 найдена была с воткнутыми в землю над ключицей узким стальным ножом-стилетом. Круг аналогий подобному «обезвреживанию» покойников очень широк от этнографических аналогий до ранних скифских погребений Поднепровья, памятников VII—VI вв. до н. э. на территории Абхазии, района Кавказских Минеральных Вод; правда, там, из-за недостаточной тщательности раскопок, произведенных краеведами, не отмечены те случаи, когда стрелы, топоры или копья найдены вонзенными в дно могил, а в тех случаях, когда стрелы найдены в костяке, они трактованы как причина смерти погребенных; из чего были сделаны далеко идущие выводы о характере (враждебном) взаимоотношений между аборигенами и степняками. На примере же погребения № 4 могильника Уллубаганалы видно, что скифские наконечники стрел, которые были воткнуты в дно могилы, причем не исключено, что кроме посмертного «обезвреживания» они несли чисто практическую функцию—древки стрел с оперением могли быть видимым—наряду с каменной выкладкой—наземным зна-

ком могилы, но они при этом входили в комплекс вооружения воина.

Посмотрим, можно ли по составу оружия, его количеству, набору другого инвентаря ранжировать²² воинские погребения могильника Уллубаганалы. К выделению устойчивого сочетания разных типов оружия в группы вертикальной структуры объединяющих воинов одного ранга можно придти несколькими путями (табл. 4). Мы можем придать вес (связанный с уровнем престижности) разным признакам. Так, например, при достаточной редкости погребения коня вместе с воином (1 случай в Уллубаганалы) мы можем считать этот факт символизирующим погребение предводителя, тем более, что значение культа коня, роль его в ритуалах были уже предметом исследования. Далее чем полнее по своему составу представлен набор оружия, тем выше ранг воина, хотя лук и стрелы сами по себе также служили символом власти. Оценить относительную значимость разных видов оружия в плане социальной ранжированности (или стратификации) воинов можно будет лишь располагая убедительным материалом для столь ранних периодов — трудно сказать в одну ли группу входили, предположим, воины вооруженные только луком со стрелами или только акинаком, письменные источники не помогают нам в решении этих вопросов. Путем для проверки и подкрепления наших выводов по оценке полноты набора вооружения является суммирование всех иных находок в погребении, оценка труда, потраченного на сооружение погребения, наличие золотых или ценных импортных вещей и т. д. Указанный подход привел к очень интересным наблюдениям К. Рандсборга, рассмотревшего 944 погребения с 10000 вещей эпохи ранней бронзы в Дании²³, распределенных на 5 локальных вариантов и хронологических периода. Весь материал (разделенный дополнительно по полу на мужские и женские погребения) характеризовался весом бронзовых вещей в каждом погребении (в нашем случае мы предпочитаем брать количество вещей) и фактом наличия золота. Анализ этого цифрового материала с привлечением метода математической статистики показал, что могут быть выделены группы (4 для мужчин, 3 для женщин) причем социальный статус мужчин относительно выше чем у женщин (это же наблюдается в Уллубаганалы), погребения, содержащие золото, богаче и по бронзовым вещам (аналогично — в Уллубаганалы) следовательно, вес (а также и количество) последних может служить отправным пунктом для подобного рода расчетов.

Слабость наших выводов заключается в небольшом статистическом основании для подсчетов, но сила материала в его це-

лостности: могильник, пусть он и невелик, но раскопан полностью и является срезом сложной динамической системы²⁴. Выделенные нами группы воинов ранжированных на основании полноты набора вооружения: наличие коня или уздечки, лук со стрелами иногда копье, топор-секира, акинак или кинжал местного типа, боевой нож, он же орудие труда или по количеству вещей—проверены сопоставлением с материалами из кобанского могильника Тли в Южной Осетии (15 комплексов), Лугового могильника (66 комплексов), Исти-Су (10 комплексов), Комаровского могильника (5 комплексов), Моздока (2 кургана) и комплексов VII—VI вв. до н. э., происходящих из района Кавказских Минеральных Вод (42 комплекса опубликованных или хранящихся в музеях и известных по полевым отчетам). Материалы из 140 воинских комплексов, рассмотренных теми же методами показал, что для VII—VI вв. до н. э. для воинов, принадлежащих к кобанской общности, наблюдалось уже достаточно четкое вертикальное членение на ряд ранжированных групп (табл. 2, 3) надо полагать, что здесь вступили в действие факторы войны и освоения железа²⁵ (возможно, были переселены на Северный Кавказ высококвалифицированные специалисты по производству железа), что явилось катализатором процесса стратификации. Причем дальше, само это членение явилось фактором, обеспечивающим быстрое распространение инноваций,²⁶ в данном случае широкое вхождение в традиционную культуру (а набор оружия традиционен) железных, правильнее сказать, стальных орудий труда и оружия более эффективных и престижных.

Приложение № I (к таблице I)

1. Форма могильной ямы (1—прямоугольная, 2—овальная, 3—неправильная).
2. Длина могильной ямы (в см.)
3. Ширина могильной ямы (в см.)
4. Глубина (от современной дневной поверхности)
5. Ориентировка в градусах ((1—2—В \pm 22,5°, 2—сз—юв \pm 22,5°, 3—св—юз \pm 22,5°, 4—СЮ \pm 22,5°).
6. Сооружения в яме: 0 — нет конструкций.
 1. камни на уступах
 2. каменная кладка вдоль стен поверху из горизонтально-положенных в 1,2 ряда.
 - 3а. каменный ящик из 4-х вертикально-поставленных плит
 - 3б. смешанная кладка из вертикально-поставленных и горизонтально-лежащих камней.
 4. каменная гробница из горизонтально-положенных камней в несколько рядов.
 7. Форма перекрытия (1—камни в 1 слой; 2—камни в несколько слоев;
- 3 — камни по контуру; 4 — плита).
8. заполнение ямы

Т а б л и ц а 1

Кодовой номер	№№ погребений Описание погребений	2	3	4	5
1.	Формы могилы	1	1	1	1
2.	Длина могилы	140	130	270	140
3.	Ширина могилы	70	82	100	100
4.	Глубина могилы	54	73	80	73
5.	Ориентировка могилы	4	3	4	4
6.	Сооружения в яме	4	4	0,1	0
7.	Перекрытие	4	2	2	3
8.	Засыпь	16	16	16	16
9.	Количество скелетов	1	1	1+конь	1
10.	Место в камере скелета	1	1	1	—
11.	Поза скелета	3	2	3	—
12.	Степень скученности	70—90	90	105	—
13.	Ориентировка	9	9	9	9
14.	Расположение вещей:				
	корчага	7	3	7	7
	биконический сосуд	3	3	3	3
	бронзовая чаша	4	4	4	—
	напутственная пища	3	3	3	—
	нож	—	—	3	—
	акинак, кинжал	—	4	4	4
	ожерелье	2	—	2	
15.	Топор	—	—	5	4
16.	Стратиграфия	—	—	5	4
17.	Плиты под костяком	—	—	—	—
18.	Ранг	III	II	I	IV
19.	Пол	м	м	м	м
20.	Возраст	—	—	—	—

7	10	12	13	14	15	16	17
1(3)	2	1(3)	1	1	1	1(3)	2
127	165	135	130	157	70	160	145
89	95	105	100	111	60	100	90
62	63	55	58	45	76	70	80
2	1	1	4	1	2	1	2
36	1	2	2	0,2	36	2	2
2	3	3	2	2	2	2	2
16	16	16	16	16	16	16	16
1	1	1	1	1	1	1	1
1	1	1	1	1	2	1	1
3	3	2	2	2	—	3	2
90	90—100	60—70	70—90	85	—	47—70	70—77
9	5	5	9	5	6	5	5
5	5	7	7	7	7	7	7
2	2	—	3,7	3	—	—	—
—	—	—	4	4	—	—	—
2	7	3	3	3	—	6	8
2	7	3	—	4	—	6	8
—	—	—	—	—	4	—	—
—	1	—	—	4	—	—	3
—	—	11	11	—	—	—	9
—	—	—	—	+	—	+	—
III	III	V	III	II	IV	V	II
M	M	M	M	M	M	M	M
30—40	50—60	14—16	45—55	40—50	25—35	—	—

1а — материк

1б — культурный слой

2 — земля с угольками. Описать керамику

9 — Количество костяков

10 — Место, занимаемое костяком в камере 1 — по центральной оси, 2 — у стены.

11. — Поза костяка 1—на спине, 2—на правом боку, 3—на левом боку, 4—на животе.

12. Степень скорченности (в градусах, угол между бедренными костями и позвоночником).

¹³ Ориентировка погребения (костяка, отдельно черепа) 3 — св. 3,4 — св/в, 5 — в, 6 в — юв, 7 юв, 9-ю, 13-з (по Каменецкому).

¹⁴ Расположение вещей по зонам: 1 у головы, 2 слева, 3 справа, 4 на груди и около рук, 5 — у таза, 6 за тазом, 7 у колен, 8 в ногах.

¹⁶ Стратиграфия и плантиграфия.

¹⁷ Наличие плит под костяком (или отдельных камней на уровне погребения, под погребальным инвентарем).

¹⁸ Имущественный ранг.

¹⁹ Пол

²⁰ Возраст.

Таблица 2

Распределение процента мужских погребений по выделенным четырем группам

Памятник ранги	I	II	III	IV	Кол-во
1. Уллубаганалы	10	30	30	30	7
2. Кавминводы	5	22,5	22,5	50	42
из них меб. ф-ка	12	37	32	28	8
Султан-Гора	1,5	7,5	60	25	9
3. Луговой	7	38	23	36	66
4. Тли	13	26	47	13	15
СКИФЫ IV—III	4,55	20,2	60,5	6,4	534

Таблица 1

Распределение различных видов оружия (% погребений)

Находки памятн Вооружение коня	Уллубага- налы	Кавминводы	Тли.	Скифы IV—III
Конь	8	10	13	—
Лук	25	18	6	97,1
Копье	8(16?)	14	40	61,8
Акинак	25	14	100	43,5
Кинжал	8	3,4	—	—
Топор железный	33	6	53	—
Топор. бронзовый	—	—	26	—
Нож	90	50	25	—
Оселок	8	4	20	—

Погребения, ранги	I	II	III	IV	Метод ранжирования
Мужские с оружием	4	3,17	2(7)10	5 15	по оружию
	4	3,17	2(7)10	15 по	числу находок
Мужские без оружия	14	7,13	12	16	»
Женские	11,22	23 1,6	8	—	»

В высший, первый ранг входит всадник (он может быть погребен с конем или только с уздечкой), вооруженный луком, конем, акинаком или кинжалом, топором — секирой и боевым ножом. Составляет эта группа не более 1,5—2%. Мы в эту же группу включаем воинов, у которых отсутствует не больше одного из указанных компонентов.

2 ранг — коня нет, три (в любом сочетании) вида оружия.

3 ранг — оружие двух видов, дальнего боя (лук или копьё) ближнего (акинак или топор)

4 ранг — один вид оружия, как правило, акинак.

¹ В работе принимал участие большой коллектив сотрудников, в частности из Института археологии АН СССР С. А. Беляев (1977), В. И. Козенкова (1978), антрополог Г. П. Романова (1978), из музея Грузии реставратор О. Д. Бедукадзе-Кирова (1978). Работы по реставрации и консервации керамики и бронзовых вещей проведены в лаборатории музея Грузии под общим руководством Р. А. Бахтадзе. Склейка и обмер черепов в лабораторных условиях проведены сотрудниками ИА АН СССР Т. М. Резниковой и Г. П. Романовой. Анализ металлического инвентаря Н. Н. Тереховой. Всем лицам, помогавшим исследованию и всему многочисленному коллективу экспедиции я хочу высказать свою глубочайшую благодарность.

Результаты работы отражены в следующих публикациях:

Ковалевская В. Б. Разведки и раскопки на р. Эшкаконе. — АО 1977, М., 1978, с. 122—123; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Мало-Карачаевского отряда. — АО 1978, М., 1979, с. 128—129; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. Периодизация памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в предгорьях Карачасво-Черкесии (по новейшим данным). — Труды Сигнахской конференции. Тбилиси, 1980.

² В работе использован предложенный И. С. Каменецким детализированный код для описания погребений, подготовленный им в настоящее время к печати. Включено 85 признаков, объединенных в группы по типу погребальных сооружений, характеру и распределению инвентаря и т. д.

³ Вслед за Ю. В. Бромлеем мы называем «потестарными» те общности, власть в которых не носила еще политического характера. См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 15), но уже выделилась. Подробнее смотри: Куббель, Л. Е. Потестарная и политическая этнография — Исследования по общей этнографии. Издательство Наука, М., 1979, с. 241—277.

⁴ Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах..., с. 122—123, 128—129.

⁵ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в

свете данных археологии). Л., 1976, с. 149—177; Хлобыстина М. Д. Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника. — СА, 1978, № 3. Hodson F. R. Quantifying Hallstatt: some initial results. *American Antiquity*, 1977, p. 394—411.

6 Набор керамики очень определен: это крупные корчаги вместимостью 12—20 литров, небольшие биконические сосудики, миски и кувшинчики (редко.)

7 Каменецкий И. С., Маршак Б. М., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975, с. 88.

8 Там же, с. 90.

9 Там же, с. 91.

10 Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье. — СА, 2, 1969; Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII—VI вв до н. э. (по материалам Тлийского могильника).

В кн. «Скифия и Кавказ», Киев, 1980; Пирцхалава М. С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии (на груз. яз.) — В кн. «Вопросы археологии Грузии». Тбилиси, 1978, с. 31—52.

11 Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. — В кн. «Скифия и Кавказ», Киев, 1980 г., с. 31—63; Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине раскопки 1972—1975 гг.), там же, с. 70—154.

12 Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция — АО 1974, М., 1975, ст. 125; Петренко В. Г., Корневский С. Н., Кореняко В. А., Михальченко С. Е. Работы Ставропольской экспедиции. — АО 1975, М., 1976, с. 143—144; Петренко В. Г. Работы Краснознаменной экспедиции. — АО 1978, М., 1979, с. 141.

13 Исмагилов Р. Б., Сурзаков А. С., Членова Н. Л., Султан-Гора III—двухслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском. АО. — 1976 М., 1977, с. 100—101; Членова Н. Л., Раскопки под Султан-Горой. — АО 1977, М., 1978, с. 148.

14 Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник, Л., 1940.

15 Абрамова М. П. Погребение скифского времени Центрального Предкавказья. — СА, 1974, № 2, с. 195—214.

16 Бобин В. В. Могильник и поселение VII—VI веков до нашей эры на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске. — Труды Крымского медицинского института. Каф. нормальной анатомии, т. XIX, 1958, с. 147—161; Афанасьев Г. Е., Рунин А. П. Минераловодский могильник VI—IV веков до н. э. — Известия ЮОНИИ, вып. XX, 1976, с. 23—40; Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

17 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 50—57.

18 О возрасте, с которого юношу начинали относить к взрослым, свидетельствует погребение №12 юноши 15—16 лет, захороненного на кладбище для взрослых. Мальчики 1, 5—6-летнего возраста все были погребены на южном участке могильника, который состоял только из детских погребений (18—21) и двух, детских, судя по размерам, кенотафов.

19 Ковалевская В. Б. Скифия, Индия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели. — Известия Академии наук Гр. ССР. Мянэ, Серия истории, археологии, этнографии искусства, 1975, № 3, с. 62—73

²⁰ Куббель Л. Е. Потестарно-политическая культура докапиталистического общества (к постановке проблемы). — СЭ, 1980, №1, с. 12.

²² Вслед за М. Фридом я считаю, что первым этапом социальной дифференциации доклассовых обществ следует считать ранжирование, когда мы можем проследить иерархию рангов, некое вертикальное членение общества на ряд ступеней, границы между которыми заметны еще очень слабо, поскольку нет еще четкого имущественного неравенства. Fried M. H. On the evolution of Social Stratification and the State. — Culture and History: Essays in honor of Paul Radin. New York, 1960.

²³ Ransborg K. Wealth and social structure as reflected in bronze age burials. — A quantitative approach. In: The Explanation of Culture Change, 1972, p. 565—570.

²⁴ Как справедливо говорил Колин Ренфрю в своей университетской лекции «Социальная археология» в 1973 г. «Отдельное погребение может научить нас немало, но анализ всего могильника начинает нам говорить о рангах индивидуумов и о делении общества на группы». (Social archeology. An inaugural lecture. Delivered at the University 20 th March, 1973 University of Southampton, с. 13).

²⁵ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 136—140.

²⁶ Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 47—48.

Х. Х. БИДЖИЕВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

Благодаря усилиям археологов (Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской и др.) на территории Карачаево-Черкесии исследованы большое количество средневековых поселений. Здесь открыты самые разнообразные жилища, изучение которых представляет большой интерес для выяснения различных аспектов материальной культуры и социальных отношений народов края в средние века.

Первым исследователем, занимавшимся археологическими раскопками средневековых жилищ Карачаево-Черкесии, была Т. М. Минаева. Ею с 1939 по 1967 годы в процессе изучения Узун-Колского поселения, Адиухского, Кубинского и других городищ открыто большое количество разнообразных жилищ и хозяйственных построек¹. В 1952 — 1953 годы жилища первых веков н. э. были открыты Е. П. Алексеевой при раскопках поселения у аула Жако².

В течение многих лет изучением Нижне-Архызского городища занимается В. А. Кузнецов. Им на городище исследованы самые разнообразные археологические объекты, в том числе жилища³. Разнообразные жилища в указанном городище в последние годы открыты также У. Ю. Элькановым и Г. Х. Теевым⁴.

Большую работу по изучению средневековых памятников Карачаево-Черкесии проводит В. Б. Ковалевская. Для нашей работы особенно ценны ее раскопки на городище «Указатель», где раскопаны различные объекты, в том числе жилище и хозяйственные постройки⁵.

Разнообразные жилища открыты также раскопками автора в

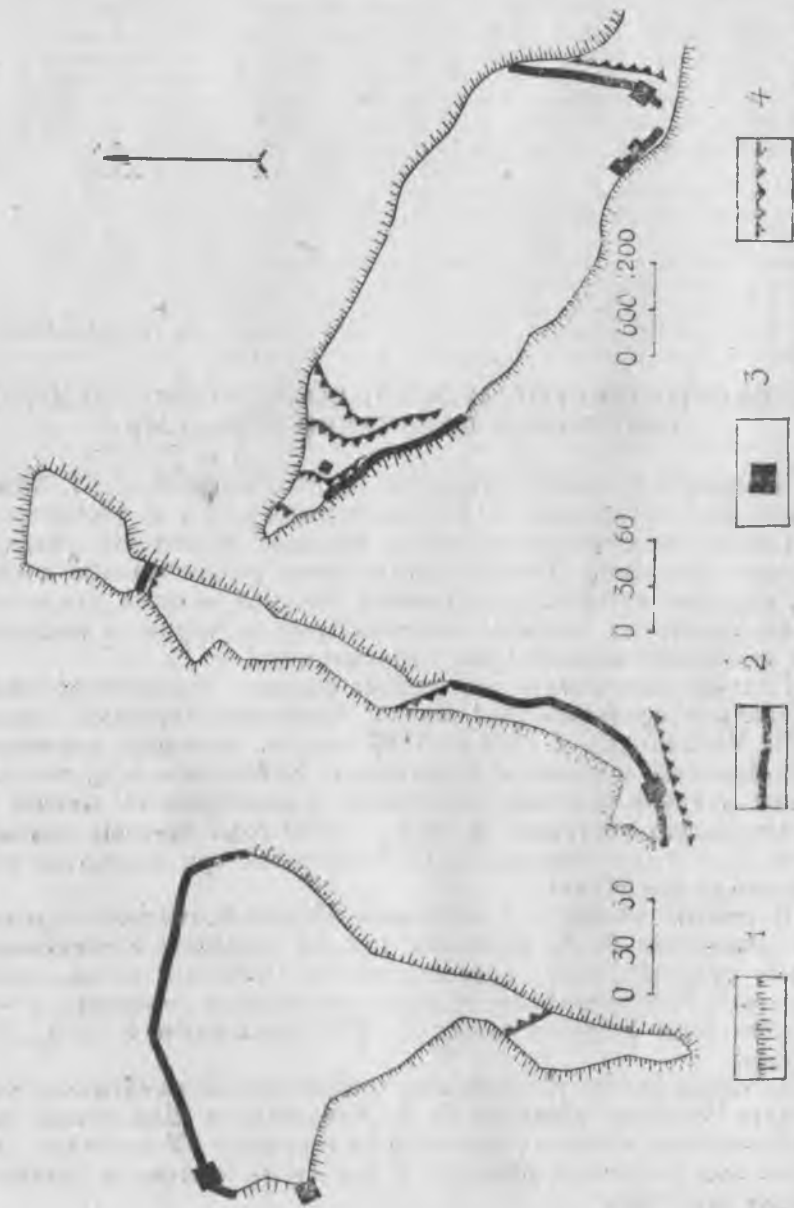

Рис. 1. План средневековых городищ у ст. Исправная (Балашовское, Курлукское и Клевцевское). 1 — об-
 рыв, 2 — крепостная стена, 3 — башня, 4 — ров.

поселении «Джамагат» в Тебердинском ущелье и на Хумаринском городище. Помимо того, экспедиция института в последние годы наряду со стационарными раскопками ряда важных объектов, проводила разведки по выявлению новых памятников на территории области.

С 1969 года экспедицией, возглавляемой автором, в верховьях Кубани, Теберды, Кумы, Подкумка, Большого Зеленчука открыто и в разной степени исследовано довольно много средневековых поселений⁶. Ценность их в том, что во многих из них, расположенных в труднодоступных местах, хорошо сохранились остатки жилищ и хозяйственных построек, которые очень важны для изучения топографии, планировки и других аспектов сельских поселений.

Специальных работ, посвященных изучаемой проблеме, нет. Первый очерк истории средневековых жилищ и хозяйственных построек на основе археологических материалов сделаны Е. П. Алексеевой. Она отмечает, что в Карачаево-Черкесии в рассматриваемый период строили наземные постройки, полуземлянки, дает краткое, но детальное описание основных элементов их⁷.

Постройки Нижне-Архызского городища тщательно изучены и обобщены в работах В. А. Кузнецова⁸.

Наконец, в недавно вышедшем фундаментальном труде «Степи Евразии в эпоху средневековья», изданном Институтом археологии АН СССР, четвертая и восьмая главы посвящены средневековой археологии Северного Кавказа. Автор этих глав В. Б. Ковалевская на основе богатого материала всесторонне освещает археологические памятники Северо-Кавказского региона, в том числе жилища и хозяйственные постройки⁹.

В настоящей публикации делается первая попытка обобщить материалы о раннесредневековых жилищах и хозяйственных постройках Карачаево-Черкесии.

Все известные жилища Карачаево-Черкесии изучаемого времени делятся на следующие группы: юрты, полуземлянки, турлучные и каменные наземные постройки.

§ 1. Юрты

Юрты наиболее хорошо представлены на Хумаринском городище. Всего открыты остатки шести юрт. Они исследованы в 1980 г. в раскопе «А», все они близко примыкали к восточной стене городища с внутренней стороны. От них обычно сохраняются ямки от каркасов и очаги, углубленные в землю. Судя

по ямкам, расположенным по периметру постройки, юрты в плане были круглые или овальные, с диаметром не более 3—4 м и предназначались для небольшой семьи. Диаметр ямок 0,05—0,10 м, глубина 0,15—0,20 м.

Очаги сооружались в центре постройки и имели тарелкообразную форму, они слегка углублены в землю. Диаметр их от 0,5 до 0,7 м. Очаги заполнены золой и углями.

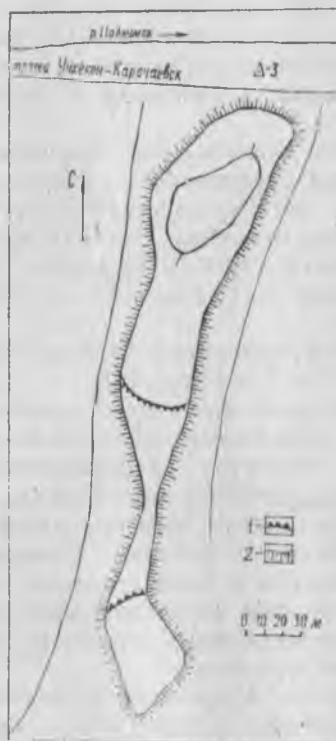

Рис. 2. План Первомайского городища. 1 — ров, 2 — материк, 3 — с. Первомайское.

В некоторых случаях вокруг очага зафиксированы ямки от кольев-стояков для перекладины, на которой подвешивали котел.

В некоторых жилищах сооружали еще один очаг, в виде ямки. Их обычно заполняли горячими углями и раскаленными камнями, которые долго сохраняли тепло и обогревали помещение. По археологическим материалам трудно судить о конструкции

и внутреннем устройстве описываемых построек. Но наш труд облегчается тем, что намного раньше, чем в Хумаре, аналогичные постройки в большом количестве открыты в памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья. Материалы из этих районов обобщены в работах В. Б. Белецкого,¹⁰ И. И. Ляпушкина,¹¹ С. А. Плетневой¹².

С. А. Плетнева в капитальном труде «От кочевий к городам», изданном в 1967 г., дает стройную классификацию жилищ названной культуры, в том числе юрт. По С. А. Плетневой здесь представлены юрты двух типов: юрты, не углубленные в материк и юрты, углубленные в материк¹³.

Юрты Хумаринского городища по всем деталям тождественны с постройками первого типа салтово-маяцкой культуры. Наши юрты, как и указанные постройки не углублены в землю, в плане овальные или круглые. Они сближаются между собой и по форме и расположению очага, по размерам и другим деталям.

Так, в некоторых постройках салтово-маяцкой культуры колья в пол вбиты не наклонно, а вертикально. Это свидетельствует о том, что бытовали юрты не только шалашеобразные, но и решетчатые, т. е. сравнительно более благоустроенные. То же самое можно сказать о наших постройках. Так, в четырех постройках колья вбиты в пол вертикально, в двух — наклонно. На

Рис. 3. Хумаринское городище. Раскоп «А». Остатки юрты.

основе тщательного анализа остатков юрт, открытых на памятниках названной культуры, С. А. Плетнева полагает, что они были аналогичны юртам хорошо известным по письменным и этнографическим источникам, широко бытовавшим у различных степных народов, начиная с древности до недавнего времени включительно. По С. А. Плетневой это легкие наземные каркасные постройки, конусовидные или куполообразные, крытые лубом или войлоком. В центре пола обычно помещается очаг. Дым выходит через отверстие в верху купола¹⁵.

Тождественность всех элементов наших построек с юртами салтово-маяцкой культуры дает основание полагать, что они также сооружались по этой схеме.

Юрты, помимо вышеописанных, открыты В. Б. Ковалевской в городище «Указатель». Они имели неправильно-округлую форму и были сооружены на каменном фундаменте из плит, поставленных на ребро на материковую скалу¹⁶.

Жилища описываемого типа не характерны для средневековых памятников Карачаево-Черкесии и центральных районов Северного Кавказа. Можно только отметить, что юрты указанного типа открыты в Нижнеджулатском городище И. М. Чеченовым в Кабардино-Балкарии, но они относятся к золотоордынскому времени¹⁷.

Но юрты широко бытовали у северокавказских ногайцев — прямых потомков степных тюркоязычных половцев, вплоть до 1930 г. Они неоднократно были описаны исследователями¹⁸. У ногайцев Северного Кавказа существовали несколько типов юрт, из которых для нас наибольшее значение имеет постройка, называемая терме¹⁹. Она состоит из деревянного остова и кошм, покрывающих ее сверху. Основная часть остова — деревянная решетка терме (или терим) образуется из нескольких, обычно из восьми отдельных частей — конта, скрепленных между собой шерстяными веревками (юн ийп) или ремнями (туар кайс, сыйр кайс). Сверху в решетку втыкают и привязывают изогнутые у основания купольные рейки — уок. — Верхний конец уок вставляется в деревянный круг тундук²⁰. Полусферическое навершие юрты называлось шагарак. Оно служит окном и отверстием для выхода дыма. Очаг находился в центре юрты, тер напротив двери²¹.

Как видно из приведенного текста, ногайская юрта по основным элементам близка хумаринским постройкам, что бесспорно свидетельствует об устойчивости древних традиций культуры.

Итак, юрты Хумаринского городища, сближающиеся с аналогичными постройками салтово-маяцкой культуры и различных степных народов, вместе с юртами городища «Указатель», яв-

ляются первыми постройками этого типа на территории Кара-чаево Черкесии. Они, по материалу, собранному в слое, где они залегают и внутри них относятся к VIII—IX вв. н. э. Пока на территории городища исследована небольшая площадь, поэтому трудно сделать окончательные выводы. Но изучение стратиграфии раскопа и залегания юрт приводит к предположению, что эти постройки особенно были характерны для населения памятника в начальный период, в период постройки крепостных сооружений городища. Об этом свидетельствует то, что на месте некоторых юрт позже появляются полуземлянки и каменные постройки. Очевидно, кочевые племена в начале заселения хумаринского плато придерживались кочевых традиций, но постепенно освоили оседлый образ жизни и начали строить и другие типы жилищ. В этническом отношении эти постройки принадлежат, очевидно, хазаро-болгарским племенам, которые являлись основным тюркским населением Хумаринской крепости и степей юго-восточной Европы в VIII—X вв. н. э. В пользу принадлежности их указанным народам свидетельствует то, что юрты являлись характерной формой жилья хазаро-болгарских племен, что засвидетельствовало и в письменных источниках²². Так, арабский историк Ал-Истахри, описывая столицу хазар город Семендер писал: «Постройки этого города — войлочные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины»²³. Археологические материалы подтверждают сообщение письменных источников. Так, в хазарское время в Северо-Восточном Дагестане наиболее распространенным типом жилища являлась юрта²⁴. В пользу нашего предположения говорит и близость юрт Хумары с постройками Подонья, Приазовья, где также обитали указанные племена.

Наконец, об этом же свидетельствует то, что юрта широко бытовала в среде различных тюркоязычных народов Евразийских степей и сохраняется поныне у казахов, киргизов, ногайцев и других народов²⁵.

§ 2. Полуземлянки

По строительному материалу и конструкции стен среди них можно выделить два типа. К 1-му относятся постройки, открытые в Хумаринском городище в 1977 году и в 1980 г. автором²⁶. Они представляют собой постройки четырехугольной формы с закругленными углами, углубленные в землю от 0,25 м и до 1,00 м. Размеры 4,10×3,50; 3,80×3,70 м (рис. 31—42). Вдоль стенок построек с внутренней стороны по периметру сохранились

ямки (гнезда) от вбитых в пол жердей и колышков. Все ямки примерно имеют одинаковый размер и глубину (диаметр 10—13 см, глубина 0,20—0,40 м). Пол у землянок глинобитный, плотно утрамбованный. Вход в жилище, судя по полуземлянке, исследованной в 1977 г., сооружался в западной стене. Он представлял собой ступеньки, сделанные на материковом грунте²⁷. У одной из стенок (обычно у восточной или северной) полуземлянок имеется небольшое углубление (размерами 1,00×0,25 м). Очевидно, эти углубления имели хозяйственное назначение. В них хранились различные продукты. Очаг в полуземлянках, как и в юртах, сооружали в центральной части постройки. В плане очаги чашеобразные, углубленные в землю на 5—6 см, диаметром 0,30—0,40 м. Они имели самую несложную конструкцию. Очаг был открытого типа. В полуземлянке, открытой в 1980 г. на южной части раскопа «А», в центральной части постройки, открыт очаг-ямка, расширенный в нижней части (рис. 32—12) с диаметром 1,10 м, глубиной — 0,30 м. Дно очага выложено камнями-гальками по периметру. На камнях-гальках имеется тонкий слой золы. Очевидно он предназначался для обогрева помещения — раскаленные камни долго сохраняли тепло. Аналогичные очаги были открыты в жилищах салтово-маяцкой культуры. По мнению С. А. Плетневой они имели обогревательные цели²⁸.

Как видно из описания, полуземлянки отличались от юртов тем, что основания их углублены в землю и имеют четырехугольную форму. По всем остальным элементам конструкции, по форме и расположению очага они ничем не отличаются от построек первого типа. Несмотря на углубленность в землю, жилища имели каркасные легкие стены. Об этом убедительно свидетельствуют ямки от кольев по периметру построек, идущие примерно на одном расстоянии друг от друга. В полуземлянках так же, как и в юртах, очаги расположены в центре постройки, которые сближаются и по конструкции. Для настоящей полуземлянки, как справедливо пишет С. А. Плетнева, характерны не только углубленность, но «и постройка остова стен и крыши из толстых бревен»,²⁹ чего нет в наших жилищах. Описанные жилища технологически близки к юртам и отражают определенную стадию перехода от кочевнических форм жилища-юрты к оседлым типам построек. Причем, некоторые из них сооружены на месте, где до них бытовали юрты. Так, полуземлянка, о которой только что шел разговор, была сооружена там, где раньше стояла типичная юрта.

Хумаринское плато, где находится городище, расположено высоко и зимой здесь сравнительно холодно. Видимо, поэтому

жители начали строить углубленные в землю постройки, более теплые, чем юрты. Возможно здесь сказывалось и влияние местного оседлого населения на степное тюркоязычное население.

Найденные в заполнении полуземлянок и хозяйственных ям, расположенных рядом с жилищами, обломки горшков, амфор, кувшинов аналогичны керамике, обнаруженной в других участках слоя VIII—X вв. н. э. Они позволяют датировать рассматриваемые постройки указанным временем, но предпочтительнее их отнести к IX—X вв. н. э., учитывая их более позднее, сравнительно с юртами, возникновение.

В средневековых памятниках Восточной Европы, в том числе и на Северном Кавказе, полуземлянки широко распространены и давно хорошо известны. Постройки типа рассматриваемых в целом не характерны для средневековых памятников Карачаево-Черкесии.

Сопоставительное изучение остатков вскрытых сооружений позволило установить, что по размерам, конструкции, внутреннему устройству и по назначению исследованные постройки тождественны аналогичным жилищам салтово-маяцкой культуры.

Так, постройки указанного типа открыты на Правобережном Цимлянском городище и Дмитровском селище³⁰. При классификации построек салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева их отнесла к жилищам типа П и называла юртами-землянками³¹.

К этому типу построек относятся исследованные нами жилища. Правда, юрты-полуземлянки указанной культуры отличаются от наших по форме. Они в плане круглые, а наши, как было сказано выше, имеют четырехугольную форму. Но опять, по планировке наши постройки сближаются с полуземлянками первого типа (по С. А. Плетневой) средневековых памятников Нижнего Дона, синхронных и близких по материалу Хумаринскому городищу. Названные полуземлянки, как и Хумаринские постройки, имеют квадратную, реже — прямоугольную форму. Они также углублены в землю, нередко очаг располагался в центре постройки³².

Итак, постройки рассмотренного типа типологически близки к юртам и находят самые близкие аналогии в жилищах салтово-маяцкой культуры. Важно отметить, что эти постройки двух районов также сближаются по материалу, найденному в них, что свидетельствует не только об общности культуры, но и о этнической близости населения их.

Полуземлянки 2-го типа открыты в Кубинском городище³³ и в поселении у аула Жако³⁴. Они представляют собой постройки прямоугольной формы, пол которых углублен в материк на 0,3—0,8 м. Описываемые постройки от предыдущих отличаются

тем, что стены их сложены из камня. Обычно стены сложены из битого камня или из брусков насухо и на глине, пол глинобитный. Очаг располагается в середине пола или на углу одной из стен постройки. Размеры их: 3,4×2,4×4,3 м.

Постройки указанного типа существовали весь период эпохи раннего средневековья. Аналогичные жилища были характерны поселению Джамагат.

§ 3. Наземные жилища

К наземным жилищам относятся постройки, стены которых выстроены из камня, глины и турлука. По строительному материалу и конструкции стен среди них можно выделить два типа.

К 1-му типу относятся жилища со стенами из турлука, обмазанного с обеих сторон глиной. Постройки изучаемого типа открыты в Хумаринском городище,³⁵ в городище «Указатель»,³⁶ в поселении у аула Жако³⁷.

В 1975 г. в Хумаринском городище в юго-восточной части раскопа «А» были расчищены фрагментарные следы турлучной постройки, погибшей в пожаре. Они представляли собой отдельные скопления различных кусков глиняной обожженной обмазки, горелой относительно плотной белой глины, мелкой гальки и осколков камней, а также скопления небольших песчаниковых плиток со следами пребывания в огне, перемешанные с частицами угля и золы. Большая часть кусков глиняной обожженной обмазки имела достаточно хорошо прослеживаемые отпечатки в виде изогнутой полосы, имеющей у основания ширину 1,40 м, длину около 4 м, ориентированная с востока на запад.

Несмотря на отрывочность данных, зафиксированные в участке куски глиняной обмазки с отпечатками турлука, свидетельствуют о том, что это остатки сгоревшей наземной турлучной постройки, обмазанной с обеих сторон глиной. Следовательно, стены ее были сооружены из плетня, обмазанного глиной.

В силу плохой сохранности постройки, трудно судить о планировке, конструкции стен и кровли ее. Отсутствие внутри нее очага дает основание предполагать, что это было не жилое помещение, а постройка или навес хозяйственного назначения. Такое предположение подтверждается и расположением данного помещения по отношению к жилым постройкам в этом участке городища. С юго-запада и севера к указанной постройке довольно близко примыкают юрты и полуземлянки. Очевидно, эти комплексы жилых и хозяйственных построек представляли собой отдельные двory или усадьбы.

Сравнительно лучше сохранилось строение, исследованное в 1980 году. Оно также представляет собой наземную турлучную постройку, обмазанную глиной. Об этом свидетельствуют куски обожженной глины с отпечатками турлука, обнаруженные в процессе расчистки постройки. Но последняя отличается от первой тем, что она имела каменный цоколь или фундамент.

Цоколь, выложенный из плит местного известняка, сохранился в один ряд. Он был уложен прямо на земляную глиняную поверхность. Постройка в плане имеет круглую форму с диаметром 3,4 м. Пол жилища земляной, хорошо утрамбованный и обмазан желтой глиной. Очаг тарелкообразной формы, углубленный в землю, располагается в центре постройки.

Под каменными плитами, составлявшими фундамент или цоколь, выявлены ямки от кольев, располагавшиеся по периметру строения. Диаметр их колеблется от 0,15 до 0,20 м. Выявленные элементы планировки и конструкции строения дают основание предполагать, что оно представляло собой остатки глинобитной постройки (т. е. турлучной постройки, обмазанной глиной) на каменном цоколе, шалашообразной формы, типологически близкой вышеописанному помещению. Обе они в слое VIII—X вв. н. э. и соответственно должны быть датированы этим периодом. В пользу такой датировки говорят обломки керамики и железные ножи, обнаруженные в них. Турлучная постройка на каменном фундаменте открыта также в ауле Жако. Турлучные постройки хорошо представлены и в памятниках других районов Северного Кавказа. Так, турлучные постройки, наряду с юртами, широко были распространены в поселениях VII—VIII вв. Дагестана, отождествленные М. Г. Магомедовым с хазарскими городищами³⁸. Факт бытования построек указанного типа в хазарских памятниках Дагестана зафиксирован и в письменных источниках.

Так, о жилищах, выстроенных из глины, сообщает арабский исследователь Истахри при описании города Семендера³⁹. Важно отметить, что постройки, выстроенные из плетня, обмазанного глиной, на Северном Кавказе бытуют с эпохи бронзы и сохраняются до позднего средневековья. Так, они в большом количестве открыты в поселениях кобанской культуры на территории Чечено-Ингушетии⁴⁰.

Наземные жилища, выстроенные из дерева, глины богато представлены и в памятниках VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья. Жилища указанной культуры отличаются тем, что стены их выстроены из тростника, что объясняется отсутствием леса в степных районах Подонья и Приазовья. По другим элементам конструкции стен и планировке

они имеют много общего с нашими постройками. Так, они также, как и хумаринские постройки, были обмазаны с обеих сторон глиной, имели материковый пол. Кровля их опиралась на столбы, врытые в пол или просто упирающиеся в него. Очаги их, как и у нас, тарелкообразные и сооружались в центре жилища⁴¹. Важно отметить, что в VIII — IX вв. в Приазовье, Подонье и в Восточном Крыму широко бытовали наземные постройки на каменных цоколях⁴². За пределами СССР глинобитные постройки были распространены на поселениях изучаемого времени Болгарской Народной республики,⁴³ куда эту традицию занесли тюркоязычные болгары, этнически близкие населению Хумаринского городища. Вышеприведенные аналоги позволяют полагать, что рассмотренные жилища также оставлены тюркоязычными хазаро-болгарскими племенами, перешедшими к оседлой жизни в условиях Северного Кавказа, ибо такие постройки характерны для всех оседающих на землю кочевых народов⁴⁴. По мнению большого знатока истории тюркских народов Восточной Европы С. А. Плетневой в глиняных домах жили наиболее бедные жители, не имевшие достаточного количества скота для изготовления войлока, покрывавшего каркас юрты⁴⁵.

Ко 2-му типу относятся каменные постройки. Они представляют собой, за редким исключением, постройки прямоугольной и квадратной формы, сложенные из рванного и грубо обработанного камня насухо или на глине. В некоторых поселениях стены построек были двухпанцирные, а пространство заполнялось мелким камнем и землей⁴⁶. Как и в других постройках, в каменных жилищах пол также земляной. Правда, в некоторых поселениях встречаются постройки с полом, выложенным каменными плитами. Аналогичные жилища открыты Е. П. Алексеевой у аула Жако, Т. М. Минаевой в Адюхском городище⁴⁷. Отличительной особенностью жилищ Адюхского городища являются лежанки и нары вдоль одной из стен жилища. Основная часть каменных построек имела сравнительно небольшую площадь. Они были рассчитаны на отдельную семью, состоящую в подавляющем большинстве из одной комнаты. Размеры их колеблются от 12 до 30 кв. м.⁴⁸ Но в последние века средневековья в больших городищах раннегородского типа появляются многокамерные и двухэтажные здания⁴⁹. Толщина стен наземных каменных жилищ обычно составляет 0,5—0,8 м. В. Б. Ковалевской в городище «Указатель» открыто каменное жилище с площадью около 23 кв. м., толщина стен его составляет от 0,8 до 1,7 м⁵⁰.

Очаги обычно сооружались в центре или на одном из углов постройки. Они слегка углублены в землю, обложены камнями

и заполнены золой и углями. На одном и том же поселении встречаются жилища с очагом в центре и на углу. Так, в Адиухском городище очаги располагаются в центре, в юго-западном, в северо-восточном, в юго-восточном углах построек. Аналогичная картина прослеживается и в жилищах Кубинского городища. В жилищах Узун-Колского поселения очаги помещались у дальней от входа стены, в углу или возле одной из длинных стен.⁵¹ На поселении «Джамагат» открыта постройка с открытым очагом в центре. По мнению В. А. Кузнецова открытые очаги, расположенные в центре постройки, были характерны также жилищам Нижне-Архызского городища⁵². В. Б. Ковалевской на городище «Указатель» открыта постройка, которая у южной стены имела печь-камин, частично углубленный в стену, что находит параллели в этнографии карачаевцев⁵³.

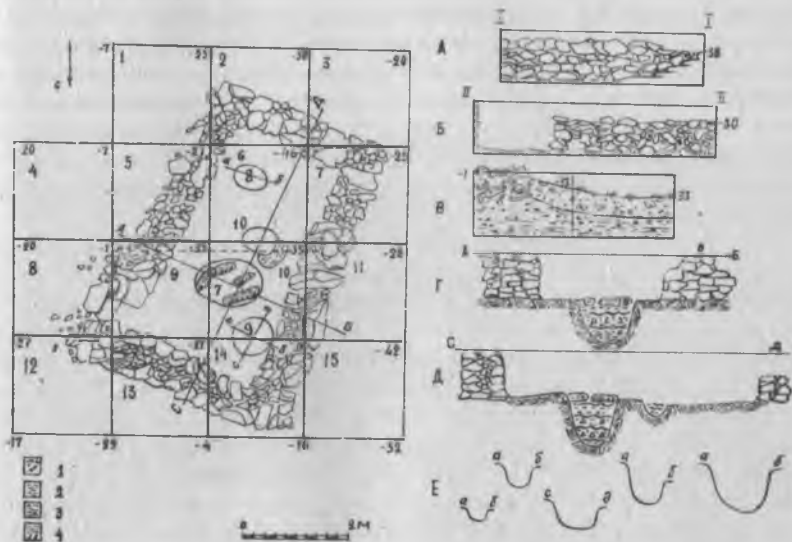

Рис. 4. Каменное жилище из Джамагатского поселения. А, Б — фасировка северной и восточной стен жилища, В — профиль бровки, Г, Д — разрез жилища, Е — очаги, 1 — перемешанный слой, 2 — глина, 3 — горелый слой, 4 — горелое дерево, 5, 6 — керамика, 7—9 — хозяйственные ямы, 10 — очаг.

Итак, для каменных построек, как и для других типов жилищ, раннего средневековья наиболее были характерны открытые очаги. В изучаемый период открытые очаги были характерны и памятникам других районов нашей страны⁵⁴.

Наиболее сложным вопросом, встающим при описании средне-

вековых построек, представляется изучение конструкции дверного проема и верхних частей. Можно только отметить, что входной проем сооружали в середине или в углу одной из стен шириной не более 1 м. Так, в Узун-Колском поселении вход был устроен: «или посредине одной из поперечных стен, или в углу»⁵⁵. В Адихском городище вход располагался в западной стене, в юго-западном и северо-западном углу. В Кубинском городище, где исследованы большое количество жилищ, входной проем зафиксирован только в квадратной постройке с размерами 2,6×2,6 м, которую Т. М. Минаева считает землянкой. Здесь вход располагался в западной стене⁵⁶. В жилищах поселений у аула Жако вход располагался в южной и северной стене⁵⁷. В Нижне-архызском городище открыты постройки, где вход располагался в юго-западной стене⁵⁸. В Джамагате вход был устроен в северо-восточной стене. Что касается кровли построек, то она была земляной, которая поддерживалась деревянными брусьями и балками. Т. М. Минаева на материалах Узун-Колского поселения пришла к заключению, что крыша жилища состояла из деревянного настила, покрытого хворостом и присыпанного землей и глиной. Об этом свидетельствуют куски обгоревших плах, найденных на полу жилища⁵⁹. Куски обгоревших плах, хвороста найдены нами в поселении «Джамагат», что подтверждает мнение Т. М. Минаевой.

Аналогичное перекрытие было характерно поздним карачаевским жилищам. Судя по этнографическим материалам, карачаевцы на деревянный каркас кровли укладывали сплошной накат из жердей диаметром 10—15 см или полубревен толщиной 15 см. На этот накат накладывался слой можжевельника, хвороста или сосновых веток, затем слой ячменной соломы⁶⁰. На этот слой сверху накладывалась глина, а затем сухая земля⁶¹. Очевидно аналогичная конструкция была характерна и жилищам изучаемого времени. По мнению Т. М. Минаевой крыша жилищ была плоская⁶². Очевидно также, что одновременно существовали жилища с плоской крышей, а также со скатом и двухскатные. Двухскатные жилища были наиболее характерны для горных районов, где выпадает много осадков, а плоские — в предгорной части края. В пользу наличия двухскатных жилищ свидетельствует то, что они были характерными населению края еще в эпоху поздней бронзы⁶³.

Постройки описываемого типа составляют основную часть жилых помещений Карачаево-Черкесии в эпоху раннего средневековья. Каменные постройки открыты в Адихском, Кубинском, Нижне-Архызском, Инжургатинском городищах, а также в поселениях Узун-Кол, у аула Жако, в Джамагате. Остатки камен-

ных жилищ и хозяйственных построек хорошо сохранились почти во всех средневековых городищах Карачаево-Черкесии. В качестве примера можно называть Байтал-Чапканское, Первомайское, Учкурское, Красногорское (Кольцо-гора), Римгорское, Красновосточное, Курлукское, Клевцовское, Балашовское и другие городища.

Что касается построек поселений, расположенных в труднодоступных горных частях края, в урочищах и на притоках рек Кубани, Теберды, Кумы, Подкумка, Большого и Малого Зеленчуков, то они все целиком сооружены из камня. Благодаря труднодоступности местности, в указанных поселениях постройки сохранились сравнительно лучше, чем в городищах предгорной части. Так, исследованиями автора в 1978 году в Тебердинском ущелье открыты десятки поселений (например: Гидам, Ачитара, Джамагат), где зафиксированы каменные постройки хорошей сохранности. Судя по сохранившимся постройкам, последние представляли собой небольшие родовые и патронимические поселения. В каждом таком поселении функционировали и другие родовые постройки (кладбище, святилище и т. д.).

Рис. 5 Хумаринское городище. Раскоп «А» Остатки туркучной постройки на каменном цоколе.

В Карачаево-Черкесии планировка поселения, описываемого типа, сохранилась до недавнего времени. В качестве приме-

ра можно называть карачаевские аулы Картджурт, Хурзук, Учкулан. Так, селение Картджурт в конце XIX—начале XX в. состояло из более 30 «тийре», (патронимическое поселение), селение Учкулан — из 40 «тийре»⁶⁴.

Итак, каменное строительство в условиях Северного Кавказа глубоко традиционно и имеет преемственность от более ранних памятников края. На территории Карачаево-Черкесии еще в эпоху ранней и средней бронзы строили каменные гробницы, склепы и монументальные дольмены. Но каменное строительство особенно широко было распространено в Карачаево-Черкесии в средние века. В этот период жилые и хозяйственные постройки района преимущественно строились из рваного или обработанного камня насухо или на растворе.

Таким образом, население Карачаево-Черкесии в изучаемый период строило несколько типов жилищ: юрты, полуземлянки, турлучные и каменные постройки. Каменные постройки восходят к кавказским строительным традициям. Основными носителями традиции каменного строительства являлись местное население—частично аланы и тюрки, испытавшие культурное влияние первых.

Юрта — традиционная кочевническая постройка. Она была характерна кочевникам Евразии с древнейших времен⁶⁵. Юрты и полуземлянки первого типа, открытые в Карачаево-Черкесии, оставлены хазаро-болгарскими племенами. Судя по материалам Хумары и городища «Указатель» на рубеже VII—VIII вв н. э., очевидно, на многих поселениях происходит смена аланского хазаро-болгарским населением, что связано усилением экспансии Хазарского каганата. Другие типы жилищ могли принадлежать местному населению, аланам и тюркоязычным племенам, перешедшим к оседлости.

В раннесредневековых памятниках Карачаево-Черкесии часто встречаются хозяйственные сооружения — ямы, очаги, постройки для скота.

Во многих поселениях к жилищам примыкало помещение для скота, связанное в один комплекс с жилищем⁶⁶. Аналогичные постройки открыты в Адиухском и Нижне-Архызском городищах⁶⁷. Во многих поселениях, как уже отмечали, расположенных в горных районах, наряду с постройками небольших размеров, являющихся остатками жилищ, имеются сооружения больших размеров, предназначенные для скота. Они так же, как и жилища, сооружены из рваного и обработанного камня без раствора, имеют четырехугольную, овальную, круглую форму.

На поселениях часто встречаются ямы хозяйственного назначения. Они располагались рядом с жилищами или внутри них у

стен и очагов, вырыты в материковой глине, имеют конусовидные, цилиндрические формы, дно тщательно выровнено. Ямы имели узкую горловину и широкое дно. Размеры ям: глубина 0,4—1,50 м, диаметр устья — 0,7—1,30 м, диаметр дна 1,20—1,70 м. Часть хозяйственных ям была заброшена и превращена в мусорные еще раньше, чем перестало существовать поселение. Они обычно заполнены костями животных и битой керамикой, попеременно с углями и золой.

Ямы использованы различно. В них хранили зерно, там держали различные животноводческие продукты. В ямах часто попадаются почти целые сосуды: горшки, кувшины, амфоры⁶⁸. Видимо в этих ямах хранили молочные продукты и запасы воды. В Хумаре в двух полуземлянках у стен открыты помимо ям небольшие углубления.⁶⁹ Очевидно они служили для хранения продуктов повседневной необходимости.

Хозяйственные ямы рассмотренных типов широко распространены повсеместно и в памятниках разных эпох⁷⁰.

Итак, в изучаемый период населению Карачаево-Черкесии были характерны разнообразные типы жилища — юрты, полуземлянки, каменные и наземные постройки и хозяйственные сооружения.

Рис. 6 Остатки каменной постройки из Гидамского поселения в Тебердинском ущелье.

Рис. 7 Кольцогорское городище у ст. Красногорская.

Рис. 8 Каменная постройка из Гидамского поселения.

¹ Мянсаева Т. М. Поселение в устье р. Узун—Кюл.—СА. 1960, № 2, с. 193—207. Ее же. Городище близ аула Кубина в Черкесии, ИСОНИИ, том XXII вып. IV (история), Орджоникидзе, 1960, с. 156—187. Ее же. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 45.

² Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, с. 73—79.

³ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

⁴ Текеев Г. Х. Новые сведения о Нижне-Архызском городище. — АО. 1979, М., 1980, с. 128.

⁵ Ковалевская В. Б. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции. — АО 1977, М., 1978, с. 102.

⁶ Биджиев Х. Х. Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии и об этнической принадлежности некоторых из них. IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 40—41.

⁷ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М. 1971, с. 128—129.

⁸ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. с. 176—181.

⁹ Ковалевская В. Б. Северо-Кавказские древности. — В кн. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 83—93. Северный Кавказ X — XIII вв, там же, с. 224—228.

¹⁰ Белецкий В. Д. Жилища Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

¹¹ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона — МИА, № 62, 1958, с. 100.

¹² Плетнева С. А. От кочевий к гордам. М., 1967, с. 51—58.

¹³ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.

¹⁴ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 52.

¹⁵ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.

¹⁶ Ковалевская В. Б. О работах Средневекового отряда Ставропольской экспедиции. — АО 1976, М., 1977, с. 102.

¹⁷ Чеченов И. М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г., — УЗКБНИИ с. XXV, Нальчик, 1967, с. 192—227.

¹⁸ Кочекаев Б. Б. Ногайская юрта и ее убранство. — История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Выпуск 1, Ставрополь, 1975 г., 129—137. Там же приводится литература вопроса.

¹⁹ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 132.

²⁰ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., там же.

²¹ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 132—134.

²² Ибн Хаукаль. Из книги путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. — СМОМПК XXXVIII, Тифлис, 1908, с. 108.

²³ Ал—Истахри. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. — СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, с. 41.

²⁴ Магомедов М. Г. Образование Хазарского Каганата. Автореф. докторской диссертации. М. 1981, с. 18.

²⁵ Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 129.

²⁶ Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 г. Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии, с. 43.

²⁷ Биджиев Х. Х. Указ. соч., там же.

²⁸ Плетнева С. А. Указ. соч. с. 52.

²⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 58.

³⁰ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 57.

- ³¹ Плетнева С. А. Указ соч., там же.
- ³² Плетнева С. А. Указ. соч., с. 58—59.
- ³³ Минаева Т. М. Городище близ аула Кубина в Черкесии, с. 161.
- ³⁴ Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии с. 74.
- ³⁵ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. — Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 16.
- ³⁶ Ковалевская В. Б. Указ. соч., там же.
- ³⁷ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 74.
- ³⁸ Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андреяульское городище. — Древности Дагестана, Махачкала 1974, с. 137.
- ³⁹ Ал Истахри. Указ. соч., с. 41.
- ⁴⁰ Козенкова В. И. Кобанская культура, восточный вариант. — САИ В 2—5, М., 1977, с. 13.
- ⁴¹ Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение. — ТВДАЭ, т. 1, с. 265—285. Плетнева С. А. Указ. соч., с. 61.
- ⁴² Плетнева С. А. Указ. соч., с. 63.
- ⁴³ Плетнева С. А. Указ. соч., там же.
- ⁴⁴ Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, СПб, 1896, с. 99—100.
- ⁴⁵ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 63.
- ⁴⁶ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол, с. 205.
- ⁴⁷ Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, с. 74; Минаева Т. М. Отчет о раскопках городища Адюх в 1960г. — Архив ин-та археологии АН СССР, Р—1, 2229, с. 7.
- ⁴⁸ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. — АО 1975, М, 1976, с. 126.
- ⁴⁹ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв., с. 177—181.
- ⁵⁰ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. АО 1975 г., с. 126.
- ⁵¹ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун—Кол, с. 205.
- ⁵² Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 178.
- ⁵³ Ковалевская В. Б. Указ. соч. с. 126.
- ⁵⁴ Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврии. — МИА, №168, 1970, с. 118.
- ⁵⁵ Минаева Т. М. Указ. соч., с. 205.
- ⁵⁶ Минаева Т. М. Городище близ аула Кубины в Черкесии, с. 163.
- ⁵⁷ Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии, с. 73—79.
- ⁵⁸ Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 177.
- ⁵⁹ Минаева Т. М. Поселение в устье р. Узун-Кол., с. 205.
- ⁶⁰ Поляшова—Куранцева О. П. Архитектурные традиции карачаевцев. АЭК—Ч, Черкесск, 1979, с. 139—140.
- ⁶¹ Поляшова—Куранцева О. П. Указ. соч., там же.
- ⁶² Минаева Т. М. Указ. соч., там же.
- ⁶³ Ковалевская В. Б. О работах Малокараваевского отряда. — АО, 1979, М., 1980, с. 112.
- ⁶⁴ Тамбисв И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. — Журн. «Революция и горец», 1931, с. 96.

65 Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юго-восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н.). — В кн. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 1—14.

66 Минаева Г. М. Указ. отчет. с. 10.

67 Кузнецов В. А. Алания, с. 179.

68 Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 году. — Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 44.

69 Биджиев Х. Х. Указ. соч., рис. 9.

70 Козенкова В. И. Указ. соч., с. 14; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 65; Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Указ. соч. с. 129; Кузнецов В. А. Раскопки Змейского поселения VIII—X вв. МАДИСО, том III, Орджоникидзе, с. 93.

А. П. РУНИЧ, Я. Б. БЕРЕЗИН, С. Н. САВЕНКО

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ПОДКУМОК

В Малокарачаевском районе и на прилегающей территории Кисловодской котловины сосредоточено исключительное количество археологических памятников, в том числе крупных и значительных. Для эпохи раннего средневековья следует назвать поселение городского типа на Рим-горе¹, могильник в Мокрой балке² и другие.

Интересные сведения об археологических объектах долины реки Подкумок содержатся в описании поездки по Кавказу Авр. Фирковича. Среди ряда памятников он отмечает развалины «города» в 13—14 верстах от станицы Бургустанской³. Он писал, что, миновав Абуков аул⁴ и казачий пикет в шести верстах от последнего, он обнаружил слева тропу, ведущую в гору. На этой горе находились «остатки стен, сложенных из камня в один, а в иных местах в два и больше аршина высотой и в 2—2,5 сажень толщиной... к северо-востоку заметны остатки ворот... Груды камней, положенные правильными четырехугольниками, указывают на бывшие здания».

С целью составления более полного представления об этом «городе» нами было предпринято частичное обследование памятника⁵. Он располагается на правом более высоком берегу реки Подкумок в 13 км на юго-запад от Рим-горы и находившейся у ее подножья станицы Бургустанской. Высота плато, на котором находилось городище, над пойменной террасой р. Подкумок около 300 м. В этом месте плоскогорье представляет собой мыс, обращенный острием на север. С северо-запада протекает река Подкумок, с юго-запада он ограничен балкой Камурег-Кол, с северо-востока — балкой Уллу-Дорбунла, а с

юга он примыкает к плоскогорью (рис. 1, 1а, 2). К западу от мыса, который местные жители называют Уллу-Дорбунла (большие пещеры) в Подкумок впадают два его левых притока — Малая и Большая Корсунки (р. Фист)⁶.

На вершине мыса обнаружены остатки древней каменоломни. По западному склону мыса Уллу-Дорбунла еще и сейчас хорошо сохранилась древняя колесная дорога шириной в среднем около 3 м. Она серпантином поднимается в северную часть мыса. На отдельных участках дорога была вырублена в скале и укреплена подпорными стенами, сложенными из бутового камня без раствора. В самом верху она круто поворачивает на восток и входит в своеобразный коридор, вырубленный в скале. Слева и справа скала имеет следы подтески, на который сохранились остатки кладки из бутового камня без раствора. По-видимому, здесь находились ранее ворота. Севернее их расположена мощная крепостная стена, идущая с востока на запад и перегораживающая мыс. Длина ее 104 м, толщина 4 м, сохранившаяся высота кладки ко времени осмотра 2 м, ширина развала у основания 7—8 см, что свидетельствует о том, что первоначально стена имела высоту 3—4 м. Внутренние и наружные стороны стены сложены из довольно крупных каменных блоков со средними размерами $0,9 \times 0,6 \times 0,8$ м без раствора, но с соблюдением правил перевязки швов. Внутренняя часть стены забунтована более мелкими камнями. На расстоянии 118 м на север от этой стены, параллельно ей проходит вторая длиной 25 м, шириной 4,4 м. Сохранившаяся высота 1,5—2 м. Тип и характер кладки тот же, что и у первой. С востока и запада эту территорию защищают естественные обрывы высотой от 5 до 10 м и очень крутые склоны, достигающие 60 градусов. Внутри укрепления имеются руины от крупного и более мелких зданий, но их назначение и планировку без раскопок выяснить трудно.

В 95 м на юг первой станки имеются остатки от вала длиной около 185 м, который идет с востока на запад и также перегораживает мыс. Внутри этого вала местами сохранились остатки каменной кладки, сложенной также без раствора. По-видимому, мы имеем дело с еще одной менее мощной каменной стеной, из которой уже почти полностью выбрали камень.

В промежутке между стеной и «валом» следов от строений нет, кроме группы массивных каменных глыб, уложенных в западной части в виде дуги, длиной между концами 22 м и шириной 7,6 м. Несколько в стороне расположен квадрат, сложенный из четырех плит 2×2 м (рис. 2,1). На юг за валом находятся развалины многочисленных каменных сооружений, кото-

рые тянутся в этом направлении около 400 м и занимают площадь в 15 га. Фундаменты и стены этих строений сложены из бутового камня без раствора. В основном они имеют вид прямоугольников и квадратов, но здесь встречаются и сооружения в виде круга диаметром 2—3 м и отдельно стоящие каменные глыбы, поставленные вертикально. В северо-восточной части этой территории имеются руины от двух крупных каменных фундаментов. Насколько удалось выяснить без раскопок одно из них возможно является остатками от храма с полукруглой абсидой, обращенной на восток. Размеры этого здания 12×12 м и абсиды 5×5 м при толщине цоколя 1,12 м. Заложенные на этом участке мыса два шурфа 1×1 м и глубиной 0,3 и 0,8 м (до скалы) показали, что культурный слой здесь бедный и находится в слое дерна на глубине 0,2 м. В шурфах найдены несколько фрагментов керамических сосудов темно-серого цвета, в основном с орнаментом типа «рогожки» (рис. 3,8). Встречались также фрагменты от глиняных котлов с внутренними ручками (рис. 3,7). Тесто, из которого были изготовлены сосуды, однородное с значительной примесью кварцевого песка. Кроме обломков сосудов были обнаружены два пряслица в виде колеса (рис. 3,6). На одном из них оказалась надпись, которую Г. Ф. Турчанинов прочел так: «моей жене прялка (прясло)»⁷. Аналогичные фрагменты сосудов были, наряду с разбитыми костями животных, древесными углями, выявлены на распаханном участке поселения, находящегося на пойменной террасе реки Подкумок и западного подножья этого мыса. Выходы культурного слоя фиксируются на площади около 7 га.

Западнее этого поселения на левом склоне долины Подкумка находится катакомбный могильник. Он задет при расширении дороги, идущей от аула Терезе на г. Карачаевск. Среди разбросанных человеческих костей и древесных углей здесь были подобраны: 4 литые бронзовые пуговицы в виде запонок, полые бронзовые бубенчики, обломок клинка сабли, фрагмент железного ножа. Интересный инвентарь происходит изочищенного в 1977 г. отрядом Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского Госуниверситета погребения № 1, размытого ливневым потоком⁸. В прямоугольной яме размерами 1,94×1,08 м было погребено 3 скелета: первый — взрослый мужчина на правом боку в скорченном положении; второй — смещен в ноги первого; третий — костяк ребенка вытянуто на спине головой на юг. Из сопровождающего инвентаря необходимо отметить три железных палаша с прямыми перекрестиями, окачивающимися шаровидными утолщениями. Один из них в ножнах с бронзовыми оковками и тонким кожа-

ным пояском с бронзовыми накладными бляшками (рис. 3, 26—28). Важными для датировки являются обнаруженные вместе с фрагментами каркаса колчана, наконечники стрел: крупные листовидные, двурогий (рис. 3, 24, 25). Остальной инвентарь был представлен бронзовыми пуговицами — литыми и полыми, железными ножами.

На вершине мыса среди остатков строений была произведена зачистка четырех гробниц типа склепов⁹. Склепы располагались в юго-западной части развалин построек. Сооружение № 1 представляло собой прямоугольник 1,93×1,46 м, ориентированный длинной осью по линии север — юг. Углы северной стенки слегка закруглены (рис. 4,1). Стенки толщиной 0,5—0,55 м сложены из бутового камня без раствора и обмазки. Сохранившаяся высота кладки 0,63 м. Среди грунта и камней, заполнявших сооружение и в отвалах из него были обнаружены остатки троих взрослых и одного ребенка. Там же найден оставшийся инвентарь: бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 3,3), две железные пряжки (рис. 3, 4, 5), фрагменты от стеклянного сосуда желтого цвета со следами от ножки и накладным орнаментом (рис. 3, 15). Кроме этого здесь находится полый бронзовый бубенчик (рис. 3, 11), два полых бубенчика меньшего размера (рис. 3, 10), прямой железный нож с клеймом на клинке, состоящим из пяти точек, две шаровидные пастовые бусины грязно-белого цвета, пластинка из листовой бронзы, кусочек перламутра и клык дикого кабана.

Ориентировка и принцип строения остальных склепов тот же, что и у сооружения № 1. Из инвентаря необходимо отметить: фрагменты темно-серого сосуда с одной ручкой (рис. 3, 14), обломки треугольного в сечении стеклянного браслета (рис. 3, 13), разбитый стеклянный браслет желтого цвета, серебряная серьга в виде колечка (рис. 3, 12). Из-за разрушенности не удалось установить как была устроена верхняя часть склепов, однако небольшая глубина до дна (0,3—0,4 м), вероятно, свидетельствует о том, что они являлись наземными.

Таким образом устанавливается, что на северной части мыса находился целый комплекс памятников, включавший господствующее над дорогой укрепление с мощными оборонительными стенами и крупный склеповый могильник.

Южнее по водоразделу располагаются три холмообразных возвышенности на двух из которых заметны остатки каменных строений прямоугольной формы. За этими холмами тянется относительно ровный медленно повышающийся участок плоскогорья, в западной части которого имеется мощный пресный источник (рис. 1,1). В районе источника остатков строе-

ний не обнаружено, но в слое дерна здесь встречаются фрагменты керамической посуды раннего средневековья, кусочки древесного угля и разбитые кости животных. Со слов местных жителей здесь были кучи камней, которые они собрали и использовали при строительстве находящейся там фермы. В 750 м на юго-запад от родника остатки каменного сооружения. Оно представляет собой прямоугольник 6×7 м, ограниченный массивными плитами, поставленными на ребро и выступающими из земли в среднем на один метр¹⁰. По-видимому это место имело культовое значение, но точно об этом без раскопок судить трудно (рис. 2, 2). Вблизи от описанного сооружения на краю обрыва были обнаружены остатки еще одного строения из камня, которое, вероятно, представляло собой прямоугольник 10 на 5 м с основанием из крупных подесанных плит. К сожалению строение сильно разрушено при выборке камня и без раскопок его назначение определить трудно.

В 1,5 км от сооружений находятся остатки от различных каменных строений, которые называются «развалины аула Абукова»¹¹. На одной из возвышенностей находится огороженное кладбище с характерными мусульманскими надгробиями. По всем признакам это селение функционировало в конце позднего средневековья, но на этой территории встречаются и фрагменты раннесредневековой керамики. Возможно, что ранее здесь имелось и поселение эпохи раннего средневековья. У аула мы обнаружили участки древней дороги, шедшей в долину реки Эшкакон. Дорога продолжалась по склону балки, местами вырублена в скале и укреплена подпорными стенами, сложенными из крупных камней без раствора. У спуска дороги на мысу находится укрепление. На расстоянии 25 м от края мыса прослеживаются фундаменты смежных построек из камня. В 40 м от них по линии север — юг мыс перегораживает стена из крупных каменных блоков, поставленных на ребро. За стеной тянется свободное от построек пространство. В 220—200-х метрах западнее стены прослеживаются фундаменты крупных прямоугольных построек. Они занимают площадь 2,4—2,5 га (рис. 1,3). В верхней части южной от мыса балки можно проследить еще одну группу фундаментов каменных построек.

В районе этого укрепления и дороги располагаются шесть больших могильников, состоящих из погребений в отвесных скалах, обнаруженных А. П. Руничем¹².

Со слов местных жителей, далее по плоскогорью, между верховьями балок Бабугай-Кол и Кублес-Кол имелись остатки «большой стены».

Рассмотренные нами памятники находятся в определенной взаимосвязи. Их соединяет дорога, выходящая из долины Подкумка на плоскогорье и далее в ущелье реки Эшкакон и к Римгорскому городищу. Дорога вероятно имела важное значение так как была проложена при помощи большого числа людей (о чем свидетельствуют участки вырубленные в скале и укрепленные подпорными стенами). Возможно, что эта дорога являлась частью древнего караванного пути из Севастополиса (теперешний Сухуми) через горные перевалы вглубь Кавказа, далее к низовьям Волги и городам Средней Азии. Надо полагать, что этот путь ранее упоминается у византийского историка VI в Менандра под названием—Даринская дорога¹³. Капитально сделанные подъезды дороги из долины Подкумка и реки Эшкакон защищали мощные укрепления со сложной системой фортификации. Выходы культурного слоя на плоскогорье свидетельствуют, что возле дороги существовали взаимосвязанные поселения на территории общей площадью около 100—120 га. Возможно, что на позднем этапе раннего средневековья они представляли собой единый комплекс.

Возникновение этого интересного комплекса памятников относится по-видимому, к VII—VIII вв. н. э., о чем могут свидетельствовать материалы из скальных могильников¹⁴. На позднюю датировку указывает материал из склепов и катакомб. Это стеклянные браслеты, широкое распространение которых на Северном Кавказе относится к XI—XII вв. н. э. Аналогичные рассматриваемым браслеты найдены в поздних катакомбах на территории мебельной фабрики города Кисловодска и городской свалки¹⁵, в катакомбах того же периода на Рим-горе¹⁶ и поздних камерах скального Хасаутского могильника¹⁷. Очень типичны для этого времени полые бронзовые бубенчики. Уникальным оказался найденный в склепе № 1 стеклянный сосуд, по-видимому, византийской работы, который пока не имеет аналогий (рис. 3,15). Концом IX—XI в. н. э. могут датироваться палаши из катакомбы № 1 (1977 г.) Подобные им обнаружены на Северном Кавказе в Змейском могильнике¹⁸, катакомбах Рим-горы¹⁹, в могильнике у селения Мартан-Чу (Чечено-Ингушетия)²⁰ и других. Керамический сосуд из склепа № 2 (рис. 3,14) аналогичен сосудам из Рим-горы.

Комплекс памятников, существовавший с VII по XII, а возможно и начало XIII в. на позднем этапе мог приобрести характер крупного торгового и административного центра Алании в этом районе Северного Кавказа.

В описаниях путешествия по Кавказу константинопольского монарха Елифания имеется упоминание о городе Фуст в Ала-

нии²¹. Вполне возможно, что его путь проходил и по долине реки Подкумок. Изучая аланские города, В. А. Кузнецов высказывает предположение, что городом Фуст (Фист) могло быть Рим-горское городище VII—XII вв.²² Мы не оспариваем в корне этого предположения, но ряд оснований может свидетельствовать, что Фуст находился на месте описанных нами памятников. Об этом косвенно свидетельствует и близость к археологическому комплексу Уллу-Дорбунла реки под названием Фист — Б. Корсунка²³, от которой мог получить свое имя город Фуст. Говоря об укреплениях на Римгоре, турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби указывает его древнее название — Бургустан-Боргустан. Интересно, что говоря о крепости «с четырех сторон (окруженной) неприступными горами и ...глубочайшими ущельями»²⁴ Э. Челеби описывает значительную окрестную территорию долины Подкумка, на которой в эпоху раннего средневековья существовало много укреплений и поселений. Вероятно здесь отражается особенность средневекового понимания города — как крупной основной крепости с обширной сельскохозяйственной округой, включавшей более мелкие поселения. Исследователями уже отмечалось «кустовое» расположение раннесредневековых укреплений и поселений в Центральном Предкавказье²⁵. Вероятно, что именно такие «кусты» поселений являлись основой для формирования северо-кавказских городов эпохи раннего средневековья.

¹ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 151—152; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 135; Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Городище Бургустан или Рим-гора. — МИСК, вып. 14, 1976, с. 162—182.

² Рунич А. П. Аланский катакомбный могильник у гор. Кисловодска. — МАДИСО, т. 3 1975, с. 132—150; Афанасьев Г. Е. Новые находки в Мокрой балке близ Кисловодска. — СА, 3, 1979, с. 171—185.

³ Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе. — ЗАО, т. IX, СПб, 1857, с. 380—381.

⁴ Карта Терского Округа. 1908, XVI—25. В настоящее время здесь находится поселок Первомайский.

⁵ Рунич А. П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод 1962 г. — Архив ИА АН СССР, р-1, № 2454.

⁶ Специальная карта Европейской России. Изд. Военно-топографического отдела Генерального штаба. Л. 79, 1919.

⁷ Турчанинов Г. Ю. Памятники письма и языки народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971, с. 80—81, табл. 33, рис. 1, 2.

⁸ Дударев С. Л., Березин Я. Б. Работы Кисловодского отряда. — АО, 1977, М.; с. 118—119. Выражаем благодарность начальнику отряда ППАЭ за предоставление права пользования неопубликованными материалами.

9 Рунич А. П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 год. — Архив ИА АН СССР, р—1, №2694.

10 Рунич А. П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 г. — Архив ИА АН СССР, р—1, №2454.

11 Указ. карта 1908 года.

12 Рунич А. П. Скельні могилини у верхівях р. Ешкакон на Північному Кавказі. — Археологія, 16, 1975, Киев, с. 65—76.

13 Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. — «Византийские историки». Перевод Сп. Дестуниса. СПб, 1860. с. 383.

14 Рунич А. П. Указ. соч., с. 65—76.

15 Рунич А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска. — СА, 3, 1963, с. 243—244.

16 Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы. — СА, 2, 1970, с. 206.

17 Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, рис. 25—5.

18 Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник. — Сб. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 110—111.

19 Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы..., с. 285—287.

20 Виноградов В. Б., Петренко В. А. Раскопки у селения Мартан—Чу — АО 1976, М; 1977, с. 92.

21 Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью. — ЗООИД, т. XXI, Одесса; 1898, с. 182.

22 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв..., с. 151.

23 Указ. карта 1919 года. То же название речки Фист имеется на карте 1914 г. — Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель к пятиверстной карте Кавказского края. — ЗКОРГО, кн. Тифлис, 1914, с. 257, лист. 7—14.

24 Об отождествлении см. Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов XIV—XV вв. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, 1959. Серия историческая. вып. III. с. 49. Новая публикация текста источника в кн. Эвлия Челеби. Книга путешествий. вып. 2, М., 1979, с. 90—91.

25 Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, В, М—Л., 1941, с. 24, 25; Ковалевская В. Б. Северокавказские древности. — В кн. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 84 и другие.

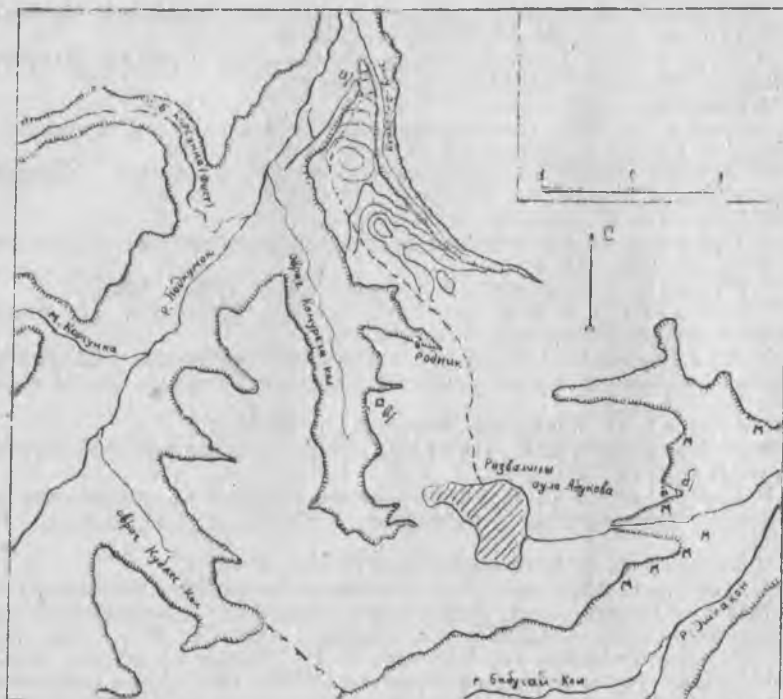

Рис. 1.
 1. Общий план изучаемого объекта
 2. Укрепление на мысу Уллу—Дорбунла
 3. Эшаконское укрепление

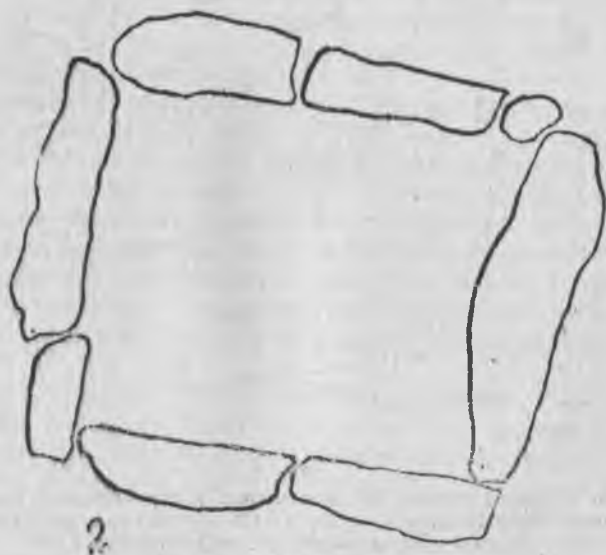
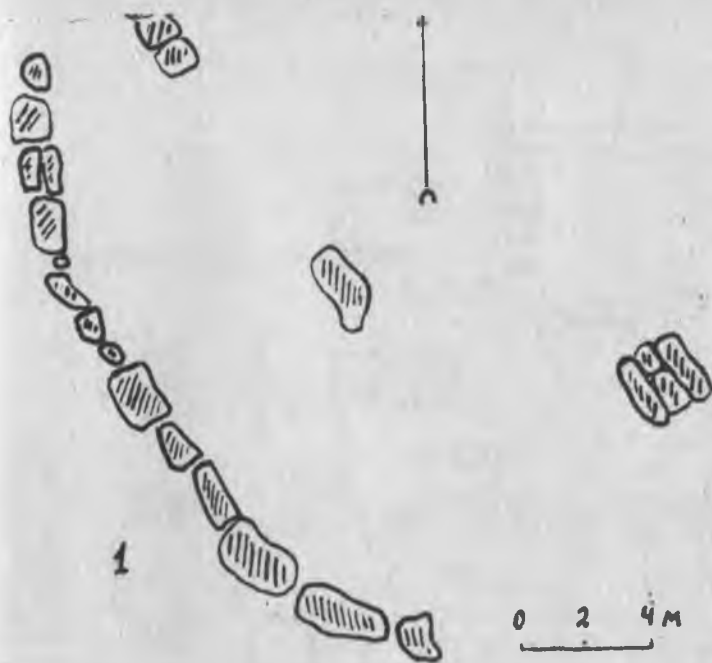

Рис. 2.

1. Подковообразное сооружение на территории укрепления на мысу Уллу-Дорбунла.
 2. Прямоугольное сооружение из массивных плит в районе родника.
5. Заказ 0323.

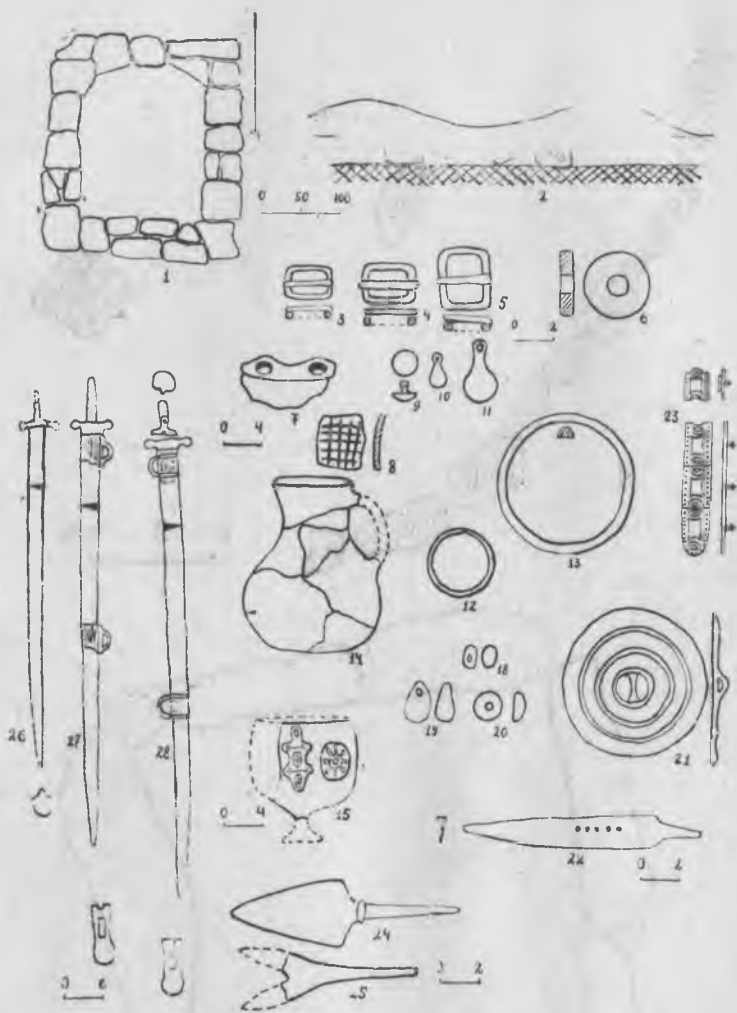

Рис. 3.

1—2—план и разрез склепа №1 могильника в юго-западной части укрепления на мысу Уллу-Дорбулла. 3—5, 9—22 — находки из склепов в юго-западной части укрепления на мысу Уллу-Дорбулла. 6—8 — находки из культурного слоя на мысу Уллу-Дорбулла. 23—28 — инвентарь из катакомбы № 1—1977 г., могильника на левом склоне горы Подкумок.

В. И. МАРКОВИЧ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ТКАНЬ С ЗОЛОТЫМ ШИТЬЕМ ИЗ СЕНТИНСКОГО ХРАМА

Среди древностей Карачаево-Черкесии, как писал Д. М. Павлов, «по значению и интересу Сентинскому храму принято отводить первое место»¹. В этом высказывании некоторая гипербола. Однако раскопки 1976 г., проведенные внутри храма и давшие много первоклассных находок², действительно позволяют говорить о нем, как о памятнике, обладающем большой исторической ценностью.

Сентинский храм стоит в устье Тебердинского ущелья, на скальном уступе Бурун-Сырт (отрог горы Артмак), возвышаясь над аулом Нижняя Теберда. Архитектурные особенности этой крестовокупольной постройки почти с первых лет изучения (конец XVIII в.), позволили датировать ее в основном X в., видя в ней произведение византийских зодчих³. Сейчас эта дата хорошо обоснована В. А. Кузнецовым, а сама церковь причислена им к «верхнекубанской группе монументальных храмов Алании», наряду с известными зеленчукскими постройками⁴.

Многие ученые и путешественники говорили о необходимости проведения раскопок внутри храма. Однако огромное число грабительских ям останавливало их от такого намерения. О бесполезности таких раскопок писал еще в 1829 г. И. Бернардацци — архитектор г. Пятигорска и один из первых исследователей храма⁵. Подобного мнения был Н. А. Нарышкин, посетивший Сенты в 1867 г.⁶ И все же древняя постройка содержала ценности. Известно, что в Александро-Афонском Зеленчукском монастыре, к которому в 1890 г. был приписан Сентинский храм⁷, хранилась довольно большая коллек-

ция археологических предметов⁸. Вполне вероятно, что некоторые из них были найдены в Сентах. Позже, в 1904—1905 гг. во время ремонта храма были сделаны интересные находки: золотая греческая монета X в. (эпохи Константина). Остатки митры (?), металлические пуговики — бубенчики и другие предметы⁹. К сожалению, эти находки не сохранились.

В 1976 г. Горнокавказской экспедицией Института археологии АН СССР были предприняты детальные исследования храма¹⁰. Во время тщательных зачисток внутри него удалось обнаружить два захоронения. Особенно интересно погребение I, находившееся в южном рукаве постройки. Это была глубокая гробница, перекрытая сверху тремя каменными плитами. Вдоль ее южной стены лежал деревянный гроб, оббитый медными листами. К сожалению, могила оказалась ограбленной. Судя по железным наконечникам стрел, это могло произойти еще в XIV в., скорее всего в тот период, когда воины Тамерлана двигались к Главному Кавказскому хребту и Эльбрусу¹¹. Тогда между служителями храма и грабителями, очевидно, завязалась перестрелка и гробница была потревожена: часть вещей и остатки умершего были выброшены из гроба (отдельные кости и обломки черепа лежали возле него).

В этом погребении собрана большая коллекция различных предметов — 127 наименований, в том числе вещи из золота и серебра (браслеты, пряжки, медальоны, крупное украшение с эмалевым изображением птицы), вставки — жуковины из цветных камней и фаянса, позолоченные пуговики — бубенчики и проч. В процессе расчистки гробницы обнаружены обрывки ткани, вероятно, служившие пеленой-покрывалом¹². Они прилипли ко дну гроба и встречались клочками среди земли, заполнявшей могилу. Удалось собрать девятнадцать фрагментов ткани и небольшую, плохо сохранившуюся сумочку, украшенную бронзовыми бляшками. Эти находки были переданы на хранение в Государственный Исторический музей¹³, где их удалось очистить от загрязнений и расправить. Ткани оказались уникальными, заслуживающими особой публикации.

Собранные образцы представляют собой шелк тонкой выделки. В момент находки обрывки его сохраняли еще довольно яркий красный цвет (карминного тона), но в процессе высыхания они тускнели. Их можно отнести к так называемым «паволокам» русских летописей, т. е. к дорогим тканям¹⁴.

Все образцы шелка сработаны единой техникой — двумя основами и одним утком, иначе говоря, ткань имеет саржевое плетение (одна из основ, внутренняя, при таком плетении позволяла создавать двусторонний узор)¹⁵. Нити основы у нее

плотного и тонкого плетения, уток — из тонкой некрученой пряжи. Узор ткани мелкий, плохо просматривается. Следует отметить плотность плетения: 80—90 нитей основы \times 35—40 нитей утка на 1 см².

Некоторые обрывки шелка были подбиты полотняной подкладкой. Эта ткань выткана из крученых нитей основы и некрученых — утка. Плотность ее: 38—40 \times 24—25 нитей на 1 см². Цвет красный¹⁶.

По технике и качеству изготовления найденные в Сентах образцы тканей не оставляют сомнений в их византийском происхождении, так как шелкоткацкие мастерские Ирана и Средней Азии применяли для основы некрученые нити и, наоборот, нити утка иногда слегка скручивали¹⁷. Однако уникальность сентинских находок не в том, что они вытканы в Византии (подобные находки на Кавказе уже известны)¹⁸, а в вышивках, хорошо сохранившихся на отдельных фрагментах.

Выполнены они золотыми нитями в виде тонких, длинных и плоских пластин (полос) чистого золота шириной до 0,5—0,3 мм. Некоторые из них были предварительно скручены с шелковой нитью красного цвета. Узор вышивки сделан «в прикреп», т. е. пришит к ткани редкими стежками шелка¹⁹. В некоторых случаях две золотые полосы сплетены вместе и тогда к ткани прикреплены они еще более крупными стежками. Сама техника вышивки золотом сложна, но она дает богатые световые эффекты: сильно прижатая к ткани золотая нить едва мерцает, а свободно, упруго выступающая — ярко светится, словно горит²⁰. Этими качествами обладают и фрагменты вышивок из Сентов.

Обратимся к сохранившемуся узору. К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь небольшие фрагменты, очевидно, сложного и красочного рукоделья. Отдельные куски шелковой ткани содержат только части орнаментального декора, другие — сочетания узора с изображениями животных и птиц.

Орнамент на одном фрагменте представляет собой гирлянды, обрамляющие сверху какой-то более сложный, плохо сохранившейся, крупный узор (рис. 1,1). Подобный орнамент широко использовался в византийском искусстве, примерно, с V в. Им обрамляли различные произведения, включая архитектурные детали (даже верхние части капителей) и украшали графические листы в книгах²¹. Можно предположить, что упомянутый обрывок ткани размещался в верхней части шитья. Гирлянды на нем являлись частью бордюра, ограничивающего сверху композиционное поле вышивки.

На двух других кусках ткани — более сложный орнаментальный мотив, напоминающий лист винограда, обвитый лозой с отходящими от нее молодыми побегами — усиками (рис. 1, 2, 4). Точных аналогий этому мотиву я не нашел, но близкий узор можно видеть на мозаике «Рождество Христово» в Палермо (Марторана, около 1143 г.), в резном обрамлении иконы св. Пантелеймона в Нарезе (1164 г., храм св. Пантелеймона)²², на мраморном парапете XI в. с изображением двух павлинов (собор в Тарчелло)²³ и среди узора чеканного серебряного оклада XI в., покрывающего мозаичную икону с изображением св. Николая (монастырь св. Николая на острове Аатмосе)²⁴. Подобные орнаментальные мотивы встречаются и на мозаиках собора св. Софии в Киеве (XI в.), выполненных при непосредственном участии греческих мастеров²⁵.

Особый элемент декора составляют трилистники в виде лепестков, тянущихся вверх (рис. 1, 3). Это так называемый крин. Он широко представлен в убранстве фресок и мозаик упоминавшегося собора — Софии Киевской²⁶.

Описанные орнаментальные мотивы, сохранившиеся на ткани из Сентов, стилистически едины: каждый имеет свисающие в стороны лепестки-побеги.

Однако необычную декоративность ткани придавал не узорчатый декор, а изображения зверей и птиц. Особенно выразительны фигуры двух хищников (рис. 1, 3, 4). Они переданы в движении. Упруго опираясь на лапы, звери движутся вправо и влево. Их тела несколько прижаты к земле. Хвосты животных распушены, по экстерьеру они напоминают лис. Интересно, что на византийском кувшине с музами, найденном в бассейне р. Сурджи (Курская область), таким же густым зигзагом отчеканен хвост животного на придонном фризе²⁷. С подобными хвостами изображены волки и на чаше из Березова (XII в.)²⁸.

Манерой исполнения близки животным (лисам) и фигуры птиц, скорее всего трех уток (рис. 2, 1—3). Они приглаживают головками нагрудные перья (одна из них слегка приподняла крылья, как бы сбрасывая влагу. Рис. 2, 3). До предела лаконичен рисунок птиц, крайне несложной кажется и техника вышивки — всего несколько движений золотой нитью. Но, пожалуй, именно высокая степень стилизации и делает уток исключительно выразительными.

Описание обрывков ткани с вышивками из Сентов следует завершить упоминанием изображения «двуглавого орла». Название это для данного рисунка несколько условно — два сближенные птицы, имеющие каждая отдельное туловище, слиты

лишь в грудной части, головы их направлены в разные стороны (утрированно кривые клювы выдают в них орлов), крылья спокойно опущены (рис. 2,4). Нижняя часть этой вышивки не сохранилась, но ясно видно, что фигуры птиц завершались четырьмя ногами.

Следует напомнить, что Византия, являясь наследницей Восточной части Римской империи, сохранила герб — двуглавого орла, который с I в. н. э. служил символом единого государства. Изображение это весьма характерно-птичье туловище с двумя головами²⁹. Рисунок герба не очень оригинален — двуголовые фигуры различных животных и птиц, расположенные статично, а порой и полные динамики, известны с глубокой древности — по меньшей мере с эпохи бронзы. Они служили оберегами³⁰. Собственно, и в виде европейских средневековых гербов (в России в XV в. после брака Ивана III на Софье Палеолог), подобные изображения должны были символически охранять государства и их монархов. Однако не следует очень прямолинейно трактовать смысловой образ двуглавого орла, бытующего на различных предметах и в геральдике от древности и до наших дней, только как оберег. В мышлении византийцев и этот символ, очевидно, был подчинен христологии и литургическим предписаниям, и в той же мере, в какой подобным требованиям были подчинены конструкции храмов или даже орнаментальный узор³¹. Так, парящего орла вышивали на небольших ковриках (орлецах). Стоять на нем имел право епископ, тем самым «подобно орлу, возвышаясь над паствой» и служа ей примером³². Образ двуглавого орла олицетворял, вероятно, мощь и смелость и не только реально-физическую, но и духовную. На одежде «Симеона — полубрата Душанова», изображенного на фреске монастыря Дечаны (около 1350 г.), можно видеть двуглавого орла³³.

На обрывке шелка, найденного в Сентинском храме, орлы, как уже говорилось, не имеют единого туловища и, несмотря на их симметрично-геральдическую позу, каждая птица обладает своими чертами — левая более крупная, а у правой голова имеет нечто подобное хохолку. Можно сделать два предложения: первое, автор вышивки не видел герба империи и не знал, что надо изобразить единое туловище; второе, вышивальщик и не стремился изобразить герб, он вышивал традиционный оберег, должный охранять умершего со всех сторон. Я думаю, что это предположение наиболее верно. Кстати заметим, что византийцы были крайне суеверны³⁴. И пелена с по-

добной вышивкой могла способствовать благополучному пребыванию умершего в ином мире.

Элементы орнаментального декора, некоторые характерные детали, отмеченные в изображении животных, довольно примитивная техника крепления золотой нити к ткани, все это свидетельствует о возможности ее датировки XI в. Такой дате не противоречит и найденное в Сентах сложное золотое украшение с эмалевым изображением птицы, находящее аналогии в некоторых произведениях провинциальных мастеров Византии и относящиеся по времени изготовления также к XI в. (этой находке будет посвящена особая статья).

К сожалению, нам никогда не удастся представить общий рисунок пелены, но те немногие сохранившиеся реалистические детали (уточки, лисы) указывают на живой, образный настрой вышивки. При всей возможной символичности ее сюжета, ее делал наблюдательный мастер, знавший и любивший животный мир. Двуглавый орел, вероятно, занимал главенствующее и наиболее видное место в декоре пелены. Но это только предположение.

Итак, в Сентинском храме обнаружено исключительно богатое захоронение. Известно, что шелковые ткани, выпускавшиеся византийскими мастерами, ценились очень дорого. Древние аксамиты (тяжелые, но не золототканые, парчевые шелка)³⁵ и другие шелковые ткани ценились почти в истинном смысле этого слова на вес золота. Византийское государство стремилось монополизировать их производство и торговлю ими³⁶. Отголоском данного обстоятельства служит хотя бы такой факт, что, согласно русским летописям, дорогие ткани (паволоки) похищали наравне с золотыми и серебряными изделиями³⁷.

Сентинская ткань была окрашена в красный (пурпурный) цвет, который в глазах византийца относился к разряду высших цветов³⁸. Тканями этого божественного тона могли пользоваться императорская семья, аристократия и весьма имущие люди. Несомненно, этим лишним раз подчеркивается знатность лица, погребенного в Сентах.

К высшему символическому разряду относилось и золото, которое являло собой образ света. Оно олицетворяло «славу», «блеск» и «умность»³⁹. Очевидно, самим наличием золотой вышивки на изучаемой ткани еще более подчеркивается земная важность лица, захороненного в гробнице Сентинского храма⁴⁰.

Дальнейшее изучение всех сентинских материалов позволит более полно представить эпоху проникновения византийских миссионеров в горы Северо-Западного Кавказа.

1 Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая — СМОМПК, вып. 45, Махачкала, 1926, с. 258.

2 Марковин В. И. Сентинский храм. — Газ. «Ставропольская правда» № 16 (155000) от 20 января 1977 г.; Его же. Раскопки в Сентинском храме. — АО 1976, М., 1977, с. 110, 111.

3 Минаева Т. М. Из истории археологического обследования верховьев реки Кубани. — Ученые записки Ставропольского гос. пединститута, т. VII, Ставрополь, 1951, с. 212—222 (там же библиография).

4 Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 79, 80.

5 Бернардацци И. Христианские древности за Кубанью. — ЖМВД, ч. III, кн. 4, СПб., 1830, с. 190.

6 Отчет Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. — Известия РАО, т. VIII, вып. 4, СПб, 1877, с. 356.

7 Позже, с 1897 г. вокруг Сентинского храма образовался Спасо-Преображенский женский монастырь. См. Соловьянов И. Спасо-Преображенский монастырь в дебрях Кавказа и Сентинский храм и его фрески. Журн. «Монастырь», № 4, Нижний Новгород, 1908, с. 69; Воскресенский А. Святой Фавор Северного Кавказа — Спасо-Преображенский женский монастырь на р. Теберде в Кубанской области. Одесса, 1910, с. 18.

8 Древне-христианские храмы и св. Александрo-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелии Кавказского хребта. Изд-3-е, Одесса, 1896, с. 33.

9 Воскресенский А. Указ. соч., с. 39; Павлов Д. М. Указ. соч., с. 258.

10 В работах принимали участие: В. И. Марковин (начальник экспедиции) М. И. Каленкина, Н. А. Багровников, А. И. Лопатин, С. Н. Алексеев, Г. Я. Вилков, И. Н. Давыдов, И. Г. Сиволапова, Г. А. Лебедева, Е. Ю. Макарова, Н. А. Ежова.

11 Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Ставрополь, 1967, с. 107.

12 Об употреблении покрывала в погребальном ритуале свидетельствует византийский историк Никифор (VIII—IX вв.) См. Никифор. Краткая история после царствования Маврикия. — Сб. «Памятники византийской литературы IX—XIV веков». М., 1969, с. 57.

13 Акт приемки-сдачи от 10 октября 1977 г., инв. № 104196 2451—1—7.

14 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, М., 1958, с. 855.

15 Фехнер М. В. Изделия шелкотканых мастерских Византии в древней Руси. — СА, № 3, 1977, с. 132, 133, рис. 1.

16 Пользуюсь консультацией Майи Васильевны Фехнер, за что приношу ей искреннюю благодарность.

17 Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. — СА, № 2, 1967, с. 60, 61; Фехнер М. В. Указ. соч., с. 136, 137.

18 Иерусалимская А. А. Указ. соч., с. 68, 69, табл. 1, 2.

19 В XII—XIII вв. способ вышивки золотом получил распространение на Руси. См. Фехнер М. В. Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси. — В кн. «Средневековая Русь» (Сборник памяти Н. Н. Воронина), М., 1976, с. 224. Свириц А. Н. Древнерусское шитье. М., 1963, с. 10.

20 Свириц А. Н. Указ. соч., с. 10.

21 Вельтинг Г. Константинопольская капитель в Ленинграде. — В кн. «Византия, южные славяне и древняя Русь, Западная Европа» (искусство и культура). М., 1973, с. 137—140, рисунки: Rajković M. Bizant. «Enciklopedija likovnih umjetnosti», t. I, Zagreb, 1959, s. 392, 394.

²² Лазарев В. Н. История Византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 202, 225.

²³ История Византии в трех томах. Т. 2., 1967, с. 395, рисунок.

²⁴ Банк А. В. Взаимопроникновение мотивов в прикладном искусстве XI—XV веков. В кн. «Древнерусское искусство». (проблемы и атрибуции). М., 1977, с. 73, 74, рисунок.

²⁵ Лазарев В. Н. Указ. соч., табл. 115.

²⁶ Макарова Т. И. Симметрия в растительном орнаменте древней Руси — В кн. «Древняя Русь и славяне» (Сборник в честь Б. А. Рыбакова) М., 1978, с. 371—375, рис. I (крин).

²⁷ Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза М. — Л., 1972, с. 277, рис. 5.

²⁸ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. М., 1975, с. 81, 94, 99, рис. 142, 143, 160.

²⁹ Каменцева Е. И., Устюгов Н. Э. Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е, М., 1974, с. 22.

³⁰ Mode Heinz. Fabeltiere und Dämonen. Die phantastische Welt der Mischwesen. Leipzig, 1977, s. 175—177.

³¹ Делеков Л. А. Искусство древней Руси в его связях с Востоком. — В кн. «Древнерусское искусство» (зарубежные связи). М., 1975, с. 62—64.

³² Соколов Д. Учение о богослужении православной церкви. СПб., 1912, с. 28.

³³ Постникова-Лосева М. М. Серебряные изделия ювелиров Сербии и Дубровника XIV—XVIII веков в музеях Москвы и Ленинграда. — В кн. «Древнерусское искусство» (Зарубежные связи). М., 1975, с. 183—185.

³⁴ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 31.

³⁵ Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология. М., 1925, с. 11; Фехнер М. В. Изделия..., с. 139.

³⁶ История Византии в трех томах. Т. 1, М., 1967, с. 230; т. 2, М., 1967, с. 142—144.

³⁷ ПСРЛ, т. II. вып. (изд. 3-е), Петроград, 1923, с. 187; Срезневский И. И. Указ. соч., с. 855.

³⁸ Каждан А. П. Книга и писатель в Византии. М., 1973, с. 95.

³⁹ Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры. — В кн. «Византия; южные славяне и древняя Русь. Западная Европа» (Искусство и культура. Сборник в честь В. Н. Лазарева), М., 1973, с. 46 и сл.

⁴⁰ Обломки черепа, найденного в гробнице, принадлежат очень молодой женщине грациального облика. Череп осматривал антрополог Абдурашид Гаджиевич Гаджиев, за что приношу ему искреннюю благодарность.

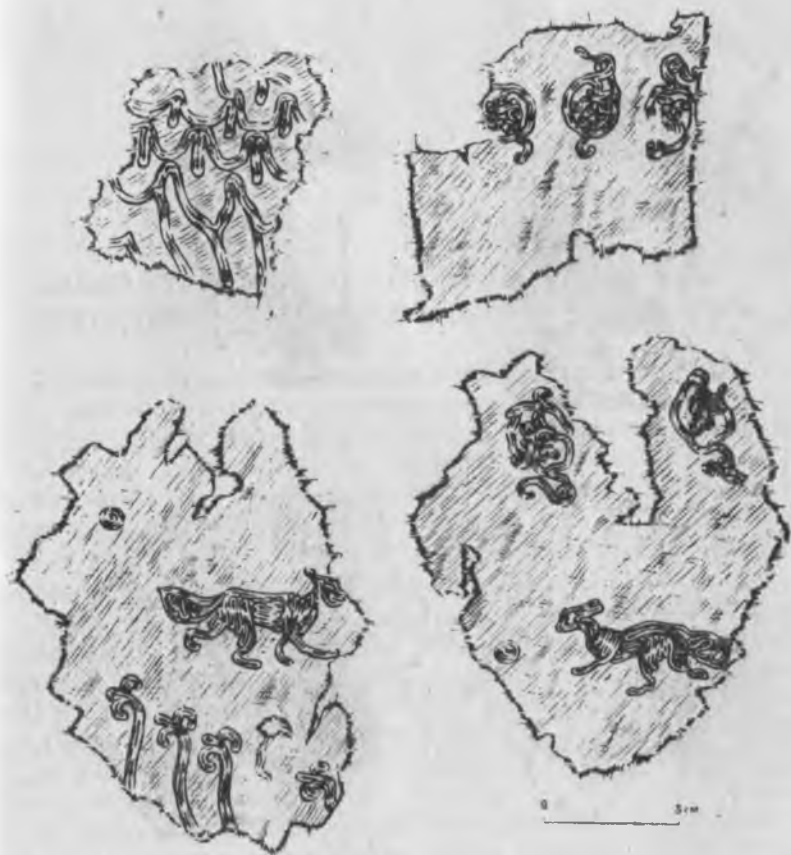

Рис. 1. Сентийский храм. Фрагменты ткани с золотым шитьем из погребения I.

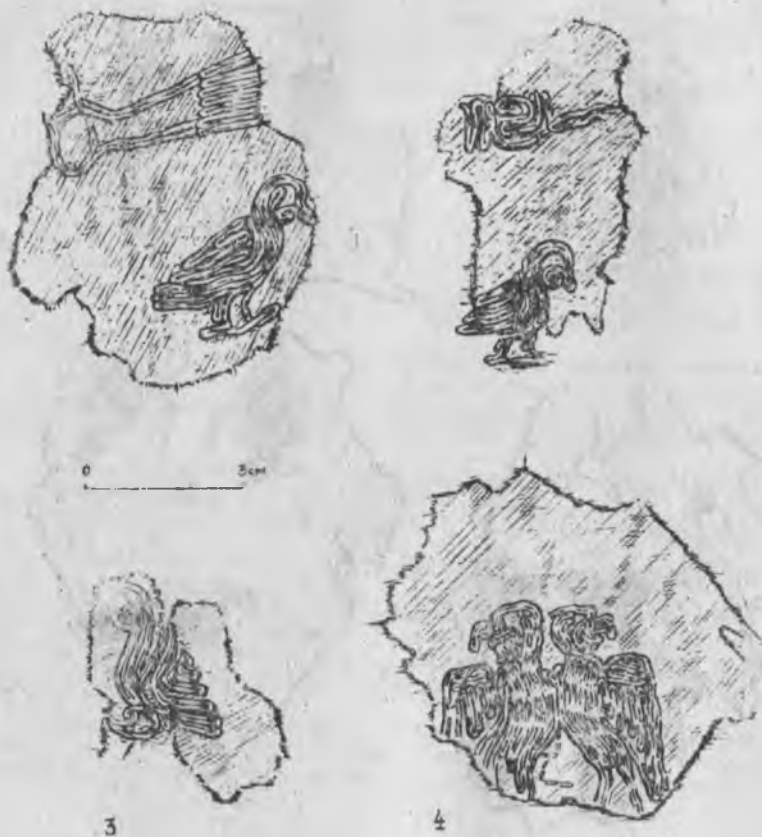

Рис. 2. Сентийский храм. Фрагменты ткани с золотым шитьем из погребения I.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ И РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ 1975—1980 гг.

В 1975 г. мною была закончена монография «Археологические памятники Карачаево-Черкесии. Материалы к археологической карте». Монографии был предпослан очерк об археологических исследованиях на территории Карачаево-Черкесии — вплоть до 1974 г. включительно. Настоящая статья является продолжением этого очерка.

За период 1975—1980 гг. в Карачаево-Черкесии выявлено и раскопано много новых археологических памятников.

Здесь работали такие археологи как Х. Х. Биджиев (КЧНИИ), Г. Х. — У. Текеев и У. Ю. Эльканов (Карачаево-Черкесский областной музей краеведения), Я. А. Федоров (МГУ), А. В. Гадло (ЛГУ), В. А. Кузнецов (СОНИИ), сотрудники Института археологии АН СССР — В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова, И. С. Каменецкий и другие.

В предлагаемой статье кратко изложены результаты раскопок и разведок, проведенные этими археологами — как правило, в пределах публикаций об этих работах (в сборниках «Археологические открытия» — АО — и других изданиях).

Начнем свою статью мы с характеристики исследований, проведенных экспедициями Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

Большую работу по изучению археологических памятников ведет старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института Х. Х. Биджиев.

В 1974—1975, 1977 и 1979—1980 гг. Х. Х. Биджиев проводил раскопки на Хумаринском городище (1974—1975 гг. — совместно с А. В. Гадло — ЛГУ).

В 1975 г. исследовалась северо-восточная окраина городища (раскоп А), где в 1974 г. была обнаружена оборонительная стена и часть примыкавшей к ней прямоугольной башни. В 1975 г. башня была открыта полностью. К югу от башни исследованы два участка оборонительной стены (22 м). Ширина стены 5 м, сохранившаяся высота 2,20 м. Стена и башня возведены из крупных тесаных блоков, в нижних рядах кладки прослежен известковый раствор. На известковой обмазке внешней стороны стены нанесены тамгообразные знаки.

К востоку от участка оборонительной стены, раскопанного в 1974 г. раскопана часть параллельной стены — протейхизмы.

В 1974 г. в раскопе А было открыто святилище. Как выяснилось при раскопках 1975 г., оборонительные сооружения в раскопе А и святилище были построены на культурном слое более раннего поселения III—VII вв. Керамика раннего поселения близка керамике аланских могильников Верхнего Прикубанья (Байтал-Чапкан).

Рядом с основной оборонительной стеной, к западу от нее, открыты остатки сгоревшей турлучной постройки позднего периода существования городища. Керамика, обнаруженная на городище, датируется VIII—X вв.¹

В 1977 г. на юго-западном склоне цитадели был заложен раскоп 1 и в восточной части городища доследован раскоп А.

Раскоп 1 находился между двумя стенами поселения. Здесь открыты часть северной и восточной крепостных стен городища, а также участок оборонительной стены цитадели. Внутри стены цитадели обнаружены остатки лестницы, идущей параллельно ей, и проход, ведущие к вершине цитадели. Склоны холма внутри оборонительной стены вымощены каменными плитами. На плитах в раскопе 1 встречены рисунки. На одной из плит — изображены две человеческие фигуры на фоне горы, напоминающей Эльбрус. На второй — скачущий всадник. На блоках высечены знаки древнетюрского рунического письма. На одном из блоков северной стены поселения — руническая надпись.

В раскопе А встречены остатки полуземлянки, турлучной постройки, зерновые и хозяйственные ямы. Культурный слой здесь состоит из двух напластований — верхний — VIII—X вв. и нижний — IV—VII вв.

Культурный слой IV—VII вв. исследователь связывает с

аланами. В пользу этой точки зрения свидетельствует катакомбный могильник того же времени, открытый на западном склоне холма цитадели. Раскопана одна катакомба с богатым инвентарем, датируемым VII в. (чернолощенные кувшины, горшки, серебряные пряжки, бляшки, стеклянный кубок, бусы).

В VIII в. здесь построили крепость хазары. Крепость существовала на протяжении VIII—X вв.²

В 1979 г. на Хумаринском городище, в 150 м к западу от цитадели в северной части памятника был заложен раскоп 3 (600 кв. м). Здесь открыты стоящие параллельно друг другу две мощные квадратные башни. Между этими башнями размещались главные ворота крепости. Стены башен, ворота и крепостная стена возведены из хорошо обработанных блоков, сложенных «тычком и ложком» без фундамента. В стенах имелись выступы и повороты, затруднявшие проникновение неприятеля в город. Над воротами были арочные перекрытия, увенчанные зубчатым парапетом, внешние и внутренние двери ворот были сделаны из дерева. С внешней стороны ворота покрывались массивными железными дисками с заостренными головками. Высота ворот — 8—10 м. Пол был вымощен каменными плитами.

В раскопе 3 обнаружена керамика VIII—X вв., обломки дерева и железных предметов (в частности, гвозди), куски смолы, кости домашних и диких животных.

К северо-востоку от городища исследован подбойный могильник II в. н. э. Особо интересной находкой из этих могил являются зеркала, на каждом из которых было по пяти концентрических окружностей. Подбойные могилы найдены впервые в Карачаево-Черкесии.

В балках Инал и Шугара, расположенных рядом с городищем, открыты могильные сооружения различного типа (каменные ящики, склепы, катакомбы, скальные погребения, подземные гробницы), датирующиеся IV—XI вв.³

В 1980 г. раскопки на Хумаринском городище были продолжены. В первом раскопе обнаружена постройки, где гасилась известь и получался известковый раствор для побелки крепостных сооружений VIII—X вв. На втором раскопе (южный склон цитадели) встречены остатки каменных жилищ, очагов. Здесь можно выделить два стратиграфических слоя нижний, VIII—VI вв. до н. э., принадлежавший племенам позднекобанской культуры, и верхний, IV—VII вв., оставленный аланами.

В третьем раскопе экспедиция открыла много жилищ-юрг

VIII—X вв. и катакомбные погребения VI—VII вв. Жилища в таком количестве на городище раскопаны впервые. Очевидно, постройки эти в эпоху раннего средневековья представляли собой легкие наземные каркасные сооружения, конусовидные или куполообразные, крытые войлоком, с открытым очагом в центре. Судя по ямкам от кольев каркаса, диаметр юрт был не более 3—4 м.

В раскопе исследовано шесть катакомб с коллективными, парными и одиночными захоронениями. Здесь найдены бусы из янтаря, горного хрусталя, стекла, бронзовые зеркала, браслеты, подвески, фибулы, брошки с вставными камнями, наконечники ремня, наконечники стрел, ножницы, амулеты в виде диких и домашних животных, керамика. Некоторые из этих вещей — привозные из Сирии, Северного Причерноморья, Ирана, Закавказья, Византии.

В двух километрах к востоку от городища обнаружен ров длиной в 1 км, глубиной 4—5 м, шириной 8—9 м. Ров проходил между скалистым хребтом, который тянулся с севера на юг, восточные городища и верховьем балки. Шугара.

Итак, жизнь на городище возникла в VIII—VI вв. до н. э., когда здесь обитали племена позднекобанской культуры. В первых веках н. э. это место заселили сармато-аланские племена. В VIII—X вв. здесь существовал крупный военно-политический и торговый центр Хазарского каганата⁴.

В 1976 г. экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, возглавляемая Х. Х. Биджиевым, проводила работы по исследованию курганного могильника на левом берегу Кубани, на южной окраине аула Кубина. Раскопано около 20 курганов, имеющих в плане округлую форму. Погребальные сооружения разнообразны. Это грунтовые могилы, гробницы, каменные склепы. Иногда покойники находились прямо под насыпью и сверху были перекрыты массивными плитами. Вокруг захоронений обнаружены кромлехи. В насыпях и в погребениях много камней и краски. В погребениях найдены глиняные миски, горшки, кувшины, бронзовые и каменные бусы, бронзовые кинжалы, тесла, медный котел, костяные булавы, височные кольца из золота и бронзы. Раскопанные захоронения относятся к майкопской и северокавказской культурам. В погребениях майкопской культуры костяки лежали скорченно, головой на юг. В могилах была галечная подстилка и много краски. В захоронениях северокавказской культуры костяки были вытянуты и ориентированы головой на запад.

Самый большой из раскопанных курганов — курган 4 (диаметр 60 и высота 9 м). В насыпи кургана обнаружено три concentрических каменных кольца—кромлеха. Основное погребение находилось в центре внутреннего кромлеха, на уровне древнего горизонта. Над погребенным был возведен курганчик из каменных плит. Костяк помещался скорченно, на правом боку, головой на юг. Вокруг прослеживаются остатки дерева, куски охры, древесного угля, кости животных. Из этого погребения происходят: медный котел с жемчужным орнаментом, красноглиняный сосуд, бронзовые кинжалы, тесло, шило, костяная булава и два бронзовых псаля из круглого в сечении прута. Такие псаля впервые обнаружены в погребении майкопской культуры на территории Карачаево-Черкесии. Кроме этого захоронения, в кургане обнаружено еще пять погребений. Костяки лежали вытянуто и скорченно, иногда в каменных ящиках. Погребение 1 относится к X—XIII вв., погребение 2 — предположительно к срубной культуре, захоронения 3, 4, 5 — к северокавказской культуре.

Раскопано также несколько курганов XIV—XVIII в., принадлежащих адыгам. Погребенные лежали в деревянных колодах, на спине, головой на запад. В этих курганах найдены железные ножницы, нож, кресало и остатки кожи.

Экспедицией открыты поселения эпохи средневековья. Шесть из них находятся в Мало-Карачаевском районе: два на восточной окраине с. Учккен, два — на северо-восточной окраине с. Первомайского, два — возле аула Красный Восток. Одно поселение обнаружено в Усть-Джегутинском районе около с. Важное. Еще одно поселение находилось между Важным и ст. Красногорской, и третье — в 7 км к югу от а. Кубина. Несколько поселений открыты на южной окраине а. Новая Джегута. На поселениях были ранние слои, а также слои VI—XIII вв. На некоторых поселениях обнаружены стены, валы, башни⁶.

Особо следует сказать о городище, которое расположено в 7 км к югу от аула Кубина, в долине речки Байтал-Чапхан. Это городище состоит из двух частей — укрепленной и неукрепленной. Укрепленная часть возведена наверху горного плато, ограниченного со всех сторон неприступными обрывами. Хорошо просматриваются остатки оборонительной стены, башен и других сооружений. Древняя дорога, находящаяся в южной части плато, ведет на вершину городища. Неукрепленная часть городища располагалась в долине реки. Обнаружены остатки жилых построек, керамики и другие вещи. Ря-

дом с поселением открыт могильник. Памятник относится к эпохе раннего средневековья⁷.

Работами экспедиции КЧНИИ, возглавляемой Х. Х. Биджиевым, в 1973—1978 гг. открыто и частично исследовано более 60 поселений и могильников IV—XII вв. в верховьях Кубани, Теберды, Кумы, Подкумка, Большого Зеленчука.

Поселения небольшие, на их территории обнаруживаются остатки каменных жилищ, хозяйственных построек прямоугольной и овальной формы. В могильниках погребальные сооружения различные — каменные ящики, гробницы, склепы, грунтовые могилы. Недалеко от города Теберды в местностях Гидам и Ачитара в 1978 г. раскрыты раннесредневековые захоронения с трупосожжениями. Это очень важная находка, так как до сих пор кремационных погребений в Карачаево-Черкесии, относящихся к раннему средневековью, мы почти не знали. В Джамагате исследовались грунтовые могильники с конскими захоронениями. Х. Х. Биджиев допускает возможность, что Джегаматский могильник принадлежит древним болгарам⁸.

Кроме отмеченных памятников, Х. Х. Биджиевым открыты и другие средневековые памятники на территории Карачаево-Черкесии. Так, в Адыге-Хабльском районе у с. Садовое, на левом берегу Кубани обнаружены остатки древней крепости VIII—XIII вв. В Зеленчукском районе на восточной окраине ст. Исправной находятся городище и могильник. Катакомбы датируются IV—VI вв. В Мало-Карачаевском районе в 8—9 км к юго-востоку от с. Учкекен располагаются поселение и скальный могильник. Ряд интересных памятников имеется в Карачаевском районе. Из них следует отметить Каракентское городище, расположенное на юго-запад от а. Кумыш, поселение и могильник на южной окраине а. Новый Карачай, каменные ящики около поселка Шахта № 11, каменные ящики и подземные гробницы на левом берегу Кубани около аула Каменно-мост, ряд памятников по р. Теберде (селища, подземные гробницы, каменные ящики на речках Гитче-Ачитара, Куруз-Кол, Гидам, Агур, Гымылдык, Аюлю), поселение и могильник в 4,5 км к югу от а. Хурзук, поселение и могильник (каменные ящики) на северо-восточной окраине а. Учкулан и другие памятники⁹.

В 1980 г. Х. Х. Биджиев исследовал Каракентское городище. Городище находится на вершине горного плато, которое ограничивают речки Каракент и Кубань. Территория города по периметру была укреплена мощной каменной стеной с башня-

ми. Крепостные сооружения, жилые и хозяйственные постройки сложены из тесаного камня без раствора. Городище состояло из трех частей-цитадели, основной части крепости и открытого поселения. Цитадель отделена от города каменной стеной, укрепленной башнями и контрфорсами. Открытое поселение примыкало к крепости с восточной стороны. Керамический материал, обнаруженный на городище, датируется в пределах IV—XII вв. В IV—VII вв. существовало открытое поселение. В последующие столетия были сооружены крепостные стены, башни, церкви. Площадь городища около 30 га¹⁰.

В том же 1980 г. экспедиция КЧНИИ под руководством Х. Х. Биджиева проводила разведки в Зеленчукском районе. Здесь выявлено шесть поселений в районе ст. Исправной: Курлукское, Клевцовское, Балашевское, городища в балках Абрекская, Лысая гора и Башкирка. Они обнесены стенами из камня, некоторые имеют рвы и башни. Подъемный материал, собранный на этих городищах, датируется X—XIII вв. Ранее на месте этих городищ существовали неукрепленные поселения¹¹.

В заключение нашего экскурса о работах Х. Х. Биджиева следует упомянуть о случайной находке, которая поступила в руки этого исследователя. В 1975 г. при строительных работах на территории Учкеевского районного объединения «Сельхозтехника» Мало-Карачаевского района на первой террасе правого берега р. Подкумок, в селении Терезе был разрушен могильник. 143 предмета из этого могильника переданы Х. Х. Биджиеву. Из этих предметов следует назвать керамику, оружие, в том числе бронзовые наконечники стрел скифского типа, бронзовые украшения (булавки пуговицы, пронизки, бляхи, височные подвески, крестовидная подвеска, браслеты — со спиральными концами и другого типа). Вещи относятся к числу предметов кобанской культуры и датируются X — VIII вв. до н. э.¹²

В 1975 г. в окрестностях Кисловодска работала экспедиция института археологии АН СССР. Были начаты исследования аланской крепости «Указатель» в долине реки Аликововки. Работами руководила В. Б. Ковалевская. Площадь укрепленного поселения 9—10 га, а цитадели — около 1100 кв. м. Площадка скалы, на которой расположена цитадель, имеет вид треугольника, обращенного острой вершиной к юго-востоку и огражденной неприступными скальными обрывами высотой более 50 м. С западной стороны его органичивает крепостная стена. Стена сложена из грубоотесанных камней кубической формы, и состоит из трех панцирей с забунтовкой. Длина стены около 40 м, ширина и высота — до 4 м. На верхней пло-

щадке цитадели открыта дополнительная стена длиной 18 м, примыкающая к торцу основной стены цитадели. Эта стена завершается небольшой надвратной трехчастной башней. В цитадели была еще «крепость» с небольшой стеной, дозорной башней и другими сооружениями.

На городище найдены остатки юртообразного жилища. Эти участки городища датируются VIII—IX вв. — по многочисленным находкам керамики.

X—XII вв. датируется укрепленная часть поселения, занимающая площадь около 6—8 га. Здесь обнаружены однокамерные жилые сооружения. Одно из них раскопано в 130 м к северу от стены цитадели. Жилище ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением. Как и все жилища на этом участке, оно однокамерное. Дверь находится в восточной стене. У середины южной стены — печь-камин, частично углубленная в стену. Здесь же найдены и остатки обожженной глины. По-видимому, это сооружение было каменно-турлучное, возможно двухэтажное, башнеобразное.

Крепость «Указатель» является одной из 12 крепостей, расположенных на протяжении 10 км от Кисловодского озера до Медового водопада, составлявших систему крепостей со зрительной связью, однородных по конструктивным особенностям¹³.

В 1975 г. на территории Карачаево-Черкесии работал еще один отряд археологической экспедиции Института археологии АН СССР. Возглавлял отряд В. И. Марковин. Были произведены раскопки дольменов в местности Ордан на р. Кривой (бассейн р. Кяфар, у сел. Лесо-Кяфар). Сделаны дольмены из тщательно подшлифованных плит и блоков, под которыми находятся пяточные камни с пазами. Впущены они в склоны гор, а перед их входами найдены следы приношений (древняя керамика и кости), что характерно для дольменов эпохи бронзы. Принятая ранее датировка этих сооружений VIII—XII вв. н. э. в свете новых исследований отвергается.

Внутри дольменов обнаружены впускные могильные обкладки из рваного камня, относящиеся к аланскому времени. В них найдены предметы раннесредневекового периода (бусы, хрустальный перстень, серьги, наконечники стрел и другие)¹⁴.

Л. Г. Нечаева (Институт этнографии АН СССР) в 1975 г. исследовала дольменообразные гробницы в Карачае. В местности Индыш-Баши насчитывается свыше 50 гробниц. Есть и другие группы гробниц, меньшие по размерам. На сильно разрушенном могильнике Канагат (в 15 км вверх по Кубани от г. Карачаевска) встретились облицовочные плиты внутренних помещений гробниц — прием, ранее не замеченный на других

памятниках. Лаз помещался высоко, в некоторых гробницах обнаружены лежанки. В деталях и по размерам гробницы неодинаковы. Высота некоторых — свыше 2 м. Но встречались и гробницы, близкие по размерам длинным ящикам (с лазом). Датировка — первая половина — середина II тыс. до н. э.¹⁵

В 1975—1977 гг. разведывательные работы в верховьях Кубани проводила экспедиция исторического факультета МГУ, возглавляемая Я. А. Федоровым. На 14 км. Учкуланского шоссе, в урочище Джанукку, в ущелье Кёкле обнаружено городище. К городищу со стороны ущелья шла древняя дорога. На плато находились руины шести разрушенных жилых зданий; сохранились остатки стен, следы проемов. Лестница с городища вела к могильнику—наземным гробницам. Гробницы (числом восемь) возведены из камня-плитняка, перекрыты большими плитами, входное отверстие было четырехугольное. Здесь найдено зеркало со звездчатым орнаментом VIII—IX вв. и бусы.

Могильник № 2 находится в стороне от городища. Здесь отмечено 25 скальных катакомб, вернее— скальных гробниц, сложенных из рваного плитняка, на глиняном растворе, в расщелине скалы, в два яруса.

Второе городище обследовано в верховьях р. Индыш, в урочище Сынларарт. Прослежены фундаменты зданий, а на северо-восточном склоне холма — прямоугольные заплывшие ямы со следами строений. На поселении найдена чернолощечная керамика VI—IX вв. с сетчатым и полосчатым лощением, а также с линейно-волнистым орнаментом X—XII вв. Рядом с городищем, на западном склоне плато находилось более двух десятков наземных гробниц, возведенных из необработанного камня-плитняка. Входные отверстия прямоугольные. Второй могильник — катакомбный. Этот — классические скальные катакомбы. Их было 23. Все они ограблены. На входных отверстиях сохранились следы притолок для закладки отверстий каменными плитами. Входные отверстия — прямоугольные, овальные, подтреугольные. Большинство камер расположено перпендикулярно входному отверстию, но две катакомбы имеют камеры, вытянутые по оси входного отверстия, причем камеры соединены друг с другом поперечным лазом. Таким образом, здесь имеются двойные катакомбы.

Каменные склепы осмотрены в урочище Баба-езден в 17 км от селения Верхняя Мара. Обнаружены 32 гробницы, сложенные из хорошо обработанных цельных блоков песчаника. В 300 м от этого могильника находится каменное изваяние человека. Сохранился торс с вытянутыми вдоль туловища руками. Это изваяние напоминает статую из Сторожевой.

В селении Мара встречен подземный каменный склеп.

Интересные памятники обнаружены в ущелье Джалан-кьол. В 10 км от шоссе Карачаевск-Учкулан находится могильник, состоящий из восьми гробниц. Три из них полуподземные, все гробницы возведены из необработанного камня-плитняка. В самом урочище Джалан-кьол в пещере находилось погребение в колоде. На ногах и на руках скелета сохранились остатки мумифицированной кожи. На ногах кожаные чарыки, на запястьях — штытые рукавички. Здесь же встречены остатки деревянного блюда и деревянной основы ножен. Деревянные вещи сходны с утварью из катакомб Шубшурука (исследование Т. М. Минаевой). Под этим погребением было второе погребение в колоде. Скелет подростка разрушен, череп деформирован.

В соседнем ущелье Аман-кьол сохранились восемь больших наземных гробниц, сложенных из хорошо отесанных каменных блоков¹⁶. В 1976—1977 гг. Горнокавказкая экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая В. И. Марковиным, производила исследования внутри Сентинского храма и вокруг него. Внутри храма раскопано два захоронения. В одном из них, в деревянной колоде, обитой медными листами, найдено 15 предметов из золота: четыре витых браслета, мелкие бляшки и застежки, крупная бляха, когда-то унизанная жемчугом, с изображением птицы, выполненная в технике перегородчатой эмали. Бляха эта византийской работы, XI в. Кроме этих предметов, в могиле найдены серебрянные позолоченные бляхи (две покрыты жемчугом), жуковины из турмалина, альмандина, аметиста, фаянсовые жуковины бирюзового цвета, много пуговок-бубенчиков, хрустальная шахматная фигурка (слон), обрывки орнаментированной ткани с изображением зверей и птиц. В погребении захоронена женщина. Гробница, очевидно, построена одновременно с храмом. Под ее полом, выложенным каменными плитами, находился слой угля, толщиной до 3 см.

В другой могиле, находящейся в храме, найдена спиральная золотая височная подвеска, характерная для эпохи бронзы. Внутри приделов и вокруг храма найдено 14 могил, представляющих собой высеченные в скале ямы с одиночными и парными захоронениями.

К востоку и северу от храма выявлен культурный слой с керамикой аланской и татаро-монгольской эпох. Опорные стены, находящиеся на покатной скале материкового песчаника горы Бурун-Сырт, и отдельные участки над ними, выложенные плитами, говорят о том, что во время возведения церкви строители старались искусственным путем увеличить площадку вокруг

постройки и придать ей горизонтальность. Раскопано помещение X—XI вв., в котором гасили известь и замешивали раствор для строительства храма.

К востоку от храма расчищено основание прямоугольного жилища, сложенного насухо, XIII—XIV вв. К западу от храма встречены остатки трех каменных гробниц аланского времени¹⁷.

В 1976 г. в Кумыше В. И. Марковин раскопал курганчик с трупосожжением. Здесь найдена керамика и ножик с крутой спинкой¹⁸. По-видимому, погребение под этим курганом датируется VI в. до н. э.

Там же, в окрестностях Кумыша, у скал горы Джур-Къота В. И. Марковин обнаружил группу наскальных изображений возле двух гротиков. Здесь были 79 врезов в виде глубоких штрихов. Эти «счетные знаки» датируются II тыс. до н. э. Изображения всадников, фигура женщины относятся к аланскому времени. Наиболее многочисленной категорией изображений являются тамгообразные изображения. В. И. Марковин отмечает, что аланы переняли от местных народов обычай отмечать тамгами и предметы и свои усыпальницы¹⁹.

Летом 1976 г. в 7 км от аула Верхняя Теберда, на левом берегу Теберды, в местности «Амгата» производила работы экспедиция Карачаево-Черкесского областного музея под руководством Г. Х. — У. Текеева. Амгатинское городище имеет две укрепленные крепости. Одна находится в северной части городища. Здесь встречены фундаменты двух каменных четырехугольных построек. В восточной части городища обнаружена вторая крепость. Здесь находились остатки древнего храма с полукруглой апсидой в восточной части и дверью с запада.

Между первой и второй крепостью исследовался могильник. Из шести раннесредневековых могил одна оказалась ограбленной. В ней найдены две стеклянные бусины. Могилы подземные, стены их возведены из тесаных песчаниковых брусков. Дно и перекрытия образованы массивными плитами. По-видимому, погребения совершены по обряду трупосожжения (в могилах костей не было, но встречались угольки). В каждом погребении найдено по два-три глиняных сосуда. Есть сосуды с сосцевидными налепами и зооморфными ручками. На одном из сосудов было рельефное изображение змеи. Обнаружен также бокал из зеленого стекла, бусы из халцедона, яшмы, янтаря, стекла, бронзовые поясные пряжки (в том числе — женский поясной набор — 80 предметов), фибулы, копоушки, ногтечистки. Захоронения датируются V—VIII вв.²⁰

В 18 км от Преградной, по течению р. Уруп Г. Х. — У. Текеевым были осмотрены наскальные изображения. Рисунки обна-

ружены в трех местах. Первое изображение бегущего животного, нанесенное красной охрой. В 100 м от этого рисунка отмечено, еще 76 рисунков — всадники и бегущий впереди бык, видимо зубр, всадники, стреляющие из луков, собаки, пешие люди, зубры, олени, козлы, сцены охоты. Солярные знаки — круги с пересекающимися линиями и точками в середине. Всадники изображены в аланской манере и датируются VI—VIII вв.²¹

А. П. Рунич (Пятигорск) в течение многих лет проводил раскопки катакомбных могильников на Рим-Горе. В 1976 г. на Рим-Горе был случайно обнаружен еще один катакомбный могильник. Он был задет при заготовке глины на западном склоне Рим-Горы. В могилах встречались древесные углы, но следов дерева не было. В некоторых катакомбах со скелетами почти не было земли. Из этих катакомб происходят: фрагмент керамического сосуда, бронзовые фигурки всадников, часть железного браслета, бронзовый амулет, подвеска, серьги и различные бусы. Эти вещи датируют могильник IV—VIII вв. Как отмечает А. П. Рунич, Рим-Горское поселение возникло в VI в. и существовало до начала XIII в. Наиболее интенсивное его заселение было в X—XII вв. Здесь в то время существовал феодальный строй. Об этом свидетельствуют башни внутри укрепления, тюрьма и большой катакомбный могильник X—XII вв., занимающий площадь 16—17 га. К могильнику ведет древняя дорога²².

В 1976 г. на территории Карачаево-Черкесии продолжал работы отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемый В. Б. Ковалевской. Продолжены раскопки городища «Указатель» над Медовым водопадом. На цитадели, у древней лестницы, заложен раскоп, включавший надвратную башню и юрту, открытые в 1975 г. Как показали раскопки, в VI—VII вв. на цитадели были построены прямоугольные помещения из грубообработанных камней, положенных на скалу насухо горизонтальными рядами. Углы сооружены «в перевязку». Толщина стен — до 1,2 м. Керамика найденная здесь, датируется VI—VIII вв. В этом раскопе обнаружены и фундаменты юрт. Юрты, вписанные в прямоугольные сооружения, состояли из одного ряда камней, поставленных на ребро на материк. Около юрт обнаружена каменная вымостка — поверхность второго строительного горизонта. Здесь же раскопана углубленная кладовая. В юрте 2 обнаружен железный крюк, типичный для сибирских погребений VII—VIII вв. Среди керамического материала встречены красноглиняные амфоры VIII—IX вв., типичные для степных болгарских памятников.

В 1977—1979 гг. в зоне заготовления проектируемого Эшка-

конского водохранилища проводил работы Мало-Карачаевский отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР. В 1977 г. работы возглавляла В. Б. Ковалевская, в 1978 г. В. Б. Ковалевская и В. И. Козенкова, в 1979 г. — В. Б. Ковалевская.

В зоне Эшкаконского водохранилища отряд обнаружил четыре поселения (два эпохи бронзы и раннего железа и два ранне-средневековых) и три могильника.

Проведены раскопки на поселении и могильнике в устье правого берега Эшкакона. Поселение располагается на мысе между Эшкаконом и его притоком Уллубаганалы. Площадь поселения 25. 000 кв. м. Мощност культурного слоя от 0,3—0,2 д 2 м. Поселение двухслойное — нижний слой с керамикой VIII — VI вв. до н. э. и верхний, ранне-средневековый, VIII—XIII вв. Обнаружены каменные плиты жилых сооружений, вымостки из плит внутри помещения, открытые каменные очаги, вымостки из мелкого камня во дворах и хозяйственных помещениях.

На поселении начала I тыс. до н. э. раскопаны остатки трех больших наземных сооружений подпрямоугольной формы, слегка углубленных в материк. Нижние части стен возведены из булыжника, полы выложены плоскими камнями и плитами. В слое на полу найдены угольки, а также следы внутренних перегородок. Находки, обнаруженные здесь (глиняная модель колеса, костяной ромбический в сечении наконечник стрелы, ладьевидные каменные зернотерки, бронзовые мотыги, фрагменты тонкостенных чернолощенных сосудов с геометрическим орнаментом), датируются X—VIII вв. до н. э.

Поверх раннего слоя встречены остатки каменных помещений позднего времени. Они расположены на северной, западной и южной части мыса. Жилища углублены в землю, пол земляной. Размеры небольшие. Каменные вымостки занимали меньшую площадь. Обнаруженная здесь керамика относится к эпохе раннего средневековья. Найдены фрагменты обожженной глиняной обмазки стен, глиняные пряслица, железные удила, костяная мотыжка, железные пожи и шилья. К этому периоду относятся четыре хозяйственных ямы цилиндрической и колоколо-видной формы. Ямы расширяются ко дну. В одной из ям в золотистом слое найден бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского типа VI в. до н. э.

В 1979 г. на поселении доследованы открытые ранее экспедицией два помещения, углубленные в землю. Стены северного помещения сложены из грубо обработанных блоков и сохранились на высоту двух-четырех рядов. Пол выложен плоскими каменными плитами. В центре он был земляной. Южное помеще-

ние конструктивно аналогично северному. Оно было пятиугольной формы, стены возведены из крупных блоков, горизонтально уложенных камней и крупных скальных обломков. Пол выложен плитами. В центре находились очаги и рядом — большой камень. Второй очаг расположен к стене на плитах пола. Рядом лежал большой камень. Перекрытия в обоих помещениях были, очевидно, двухскатные и держались на столбах, от которых сохранились столбовые ямы. Между северным и южным домами на том же уровне раскопано помещение с каменным основанием стен, вымосткой из плит вдоль стен, очагом в виде обожженной глинобитной площадки, ограниченной камнями и покрытой золой.

Западнее этих помещений, на западном крае мыса располагался могильник. Здесь вскрыто 18 погребений. Взрослые и дети захоронены в грунтовых могилах, обложенных булыжником, изредка в плитяных каменных ящиках, заваленных сверху плитами и необработанным камнем. Вокруг могил находились вымостки и каменные ограды. Захоронения одиночные, в скорченном положении, на левом или правом боку, ориентировка южная или восточная. Одно из погребений было с конем. В могилах найдены глиняные сосуды с геометрическим орнаментом, бронзовые сосуды, серповидные железные ножи, украшения позднекобанского типа (круглые бляшки с треугольными прорезями, фибула), сердоликовые бусы. Обнаружены предметы скифского облика — железные акинаки, топоры-секиры, бронзовые двугерые наконечники стрел с шипом, костяная рукоятка ножа с орнаментом в виде головок грифов, костяной пулевидный наконечник стрелы, костяные застежки колчана. Могильник датируется концом VII — серединой VI в. до н. э.

В 1980 г. в зоне строительства Эшкаконского водохранилища доследовано поселение кобанской культуры. Вскрыто 100 кв. м к югу от могильника VI в. до н. э. и расчищено небольшое углубление в землю жилище, у которого стены были возведены на каменном основании. Жилище судя по керамике, одновременно могильнику.

Разведками Мало-Карачаевского отряда в долине Эшкакона обнаружены 16 крепостей, составляющих единую систему со зрительной связью. Керамика, найденная на них, датируется VII—XII вв. Среди них следует отметить группу из трех поселений, находящуюся в истоках Эшкакона под Бермамытом на высоте около 2000 м над уровнем моря.

На плато среднего течения Эшкакона в шести пунктах обнаружены неукрепленные поселки, состоящие из каменных зданий и примыкающих друг к другу больших каменных загонов

для скота типа абхазских ацангуара. Иногда эти поселки при-
мыкают к внешним стенам крепостей, составляя их посад.

Всего в долине р. Эшкакон от устья до истоков выявлено 40 памятников, в том числе поселения эпохи раннего железа и средневековья, и могильники — каменные ящики, грунтовые погребения, скальные захоронения, грунтовые ямы, накрытые каменной выкладкой²⁴.

На территории поселка Кичмалка доследован могильник — каменные ящики и гробницы. Погребения ограблены. Лишь одно захоронение оказалось нетронутым. В нем найден железный акинак с антенным навершием и глиняные сосуды, в частности — красноглиняная корчага. Из других могил происходят сероглиняные корчаги моздокского типа. Дата могильника — VIII—V вв. до н. э.²⁵

В 1977 г. на территории Карачаево-Черкесии проводил работы Чечено-Ингушский отряд института археологии АН СССР под руководством В. И. Козенковой. Исследования велись на правом берегу р. Подкумок, южнее сел Терезе Мало-Карачаевского района. На террасе при строительных работах разрушен могильник с остатками частичной и полной кремации погребенных, о котором сообщил Х. Х. Биджиев. Выше мы ссылались на статью Х. Х. Биджиева и В. И. Козенковой, где опубликованы находки из этого могильника.

Поверхностные признаки могильника отсутствовали. Отрядом В. И. Козенковой на глубине 1,5 м расчищены близко расположенные друг к другу скопления камней, под которыми в сажистых очажках (диаметром 30—35 мм) находились обожженные, обугленные и полуобожженные человеческие кости и многочисленные изделия из камня, кости и бронзы. Железных вещей мало. Следует отметить находку сильно прокаленной площадки, огороженной двумя стенками из больших валунов, положенных в два ряда. На площадке и вокруг нее помещались многочисленные обломки человеческих костей, в ряде случаев обожженных, а также обгоревшие вещи. Наиболее интересная находка — массивное изображение двух бронзовых рогатых птиц. Памятник датируется VIII—VII вв. до н. э. Он интересен тем, что здесь произведено трупосожжение — редкий случай в памятниках кобанской культуры²⁶.

В 1978 г. раскопки могильника у сел Терезе были В. И. Козенковой продолжены. Сохранялась часть гробницы, стенки которой были сложены из рядов камней, положенных плашмя. Одна из ее сторон имела длину 6 м. Гробница, очевидно, была квадратная, ориентированная по сторонам света. Внутри ее на дне находились остатки обожженных и полуобожженных чело-

веческих костей. Черепа и кости рук лежали вдоль стен, а кости ног — ближе к центру. В кострище скопления располагались предметы — один или два сосуда, вокруг которого находились украшения, орудия труда и иногда — предметы вооружения. Это — кремационные погребения с многократными захоронениями. Вещи типичны для раннекобанских комплексов. Дата гробницы — конец II—начало I тыс. до н. э.

В 12 м к юго-западу от этой гробницы, на глубине 1 м раскопана еще одна гробница с парным захоронением. Гробница представляла собой ящик, сложенный из плит, дно которого было вымощено каменными плитами. Беспорядочно положенные массивные каменные плиты составляли перекрытие. На дне могилы помещались на боку, в слабо скорченной позе, спинами друг к другу два погребенных. Ориентировка — западная. В ногах, головой на юг, лежал взнузданный конь. Скелет коня находился за пределами гробницы и частично под ее восточной стенкой. Предметы, найденные в этой гробнице, имеют кобанский облик и относятся ко времени не позднее VIII в. до н. э.²⁷

В 1977 г. экспедиция Карачаево-Черкесского областного музея краеведения под руководством Г. Х.-У. Текеева производила раскопки курганов в Хабезском районе, в урочище «Байтал-Чапкан», между реками Кубань и Малый Зеленчук. Раскопано 13 курганов из имеющихся здесь 47. Диаметр курганов 5—12 м, высота 1—3 м. В насыпях встречены кремешки и угольки. Насыпи полусферовидные, круглые в плане, костяки находились в дубовых гробах, расположенных строго по центру курганной насыпи, с ориентировкой на запад. Все курганы имеют по одному погребению, за исключением кургана 1, в насыпь которого было впущено два погребения — одиночное и парное — мужчины и женщины. При мужских костяках обнаружены длинные изогнутые сабли, железные ножи, плоские треугольные и ромбические наконечники стрел, бритвы, втульчатый наконечник копья, остатки кожаного колчана с железными треугольными и круглыми кольцами, железные кресала с кремнем и остатками ткани от чехлов. При женских костяках найдены плоские кольцевидные серьги, железные ножницы для стрижки овец, железные ножички и серебряный наперсток. Обнаружены также остатки шлема и кольчуги, в одной могиле — ноговицы из сыромятой кожи. Курганы относятся к типу кабардинских и датируются XIV—XVI вв.²⁸

Кисловодским отрядом экспедиции Чечено-Ингушского гос. университета (руководители С. Л. Дударев и Я. Б. Березин) в 1977 г. в двух размытых захоронениях X—XII вв. за аулом Те-

резе найдены железные палаши, ножи, остатки колчана и набор наконечников стрел, остатки поясного набора²⁹.

В 1978 г. экспедиция Карачаево-Черкесского областного музея краеведения проводила разведки в двух районах Карачаево-Черкесии. В Зеленчукском районе, на правом берегу р. Большой Зеленчук под каменной кладкой расчищен скелет лошади, у черепа которой обнаружена бронзовая уздечка с веслообразными псалиями и пять бронзовых бляшек от сбруи XII в. Здесь же доследовано пять каменных ящиков с находками IX—X вв. Между балками Ковальской и Кобачковой собраны фрагменты глиняных сосудов и другие вещи, относящиеся к VIII—X вв. В районе ст. Исправной обнаружены два плоских камня с загадочными изображениями. В Исправной находятся два кипчакских могильника XII в.

В 28 км от города Карачаевска, в урочище «Гирей елген» экспедицией осмотрен могильник, X века, состоящий из восьми наземных склепов, сложенных из песчаниковых камней насухо³⁰.

В 1978 г. Зеленчукская экспедиция Северо-Осетинского научно-исследовательского института и Карачаево-Черкесского музея краеведения под руководством В. А. Кузнецова и У. Ю. Эльканова проводила работы в районе Ниже-Архызского городища, где обследовала прилегающие к городищу с юга и севера участки долины.

На «Длиной поляне», примыкающей к городищу с севера, и на «Березовой поляне», находящейся к югу от городища, культурного слоя не обнаружено.

На левом берегу Большого Зеленчука, на склонах горы Пароход найдены пещерные захоронения X—XII вв., в которых обнаружены остатки одежды из домотканного холста и шелка, мумифицированный труп мужчины (?), также с остатками одежды. На той же горе раскопаны два больших каменных ящика и три полуподземных или наземных склепа. В одном из склепов было две камеры — культовая и погребальная. В углах культовой камеры находились три раздавленных горшка и угольки. Вещи, найденные в склепах, в частности, стеклянные браслеты, относятся к X—XII вв. Таким образом, могильник был одновременно городищу.

На правом берегу Большого Зеленчука у подошвы хребта Ужум, в лесу за Северным Зеленчукским храмом, к северо-востоку от него, раскопано два каменных ящика с индивидуальными христианскими захоронениями. В одном из них обнаружены три бронзовых византийских перстня. Рядом с ящиками находятся ограбленные полуподземные склепы.

В 580 м к югу от балки исследован участок ва-

ла. Это были остатки каменной стены сухой кладки-северного рубежа Нижне-Архызского городища X—XII вв³¹.

В 1978 г. на территории Карачаево-Черкессии производил разведывательные работы отряд Донской экспедиции Института археологии АН СССР, возглавляемой И. С. Каменецким.

Обследовано ущелье р. Аксаут выше селения Красный Карачай. Обнаружена система укреплений, находящихся в 6—7 км выше по течению реки от известного ранее здесь аланского городища. Судя по расположению этих укреплений, представляющих собой в настоящее время валы, они должны были защищать долину от нашествия со стороны гор. Выше селения Красный Карачай тянется цепь развалин поселений. В долине имеется большое количество сложенных из камня курганов, относящихся, по-видимому, к эпохе позднего средневековья³².

В ущелье Большой Лабы от пос. Пхия до устья р. Большой Блыб выявлены памятники, относящиеся, в основном, к эпохе средневековья. На правом берегу Большой Лабы, ниже устья р. Чорох обнаружен вал. Здесь найдена керамика аланского времени. Небольшое укрепление с каменными стенами располагалось несколько ниже устья р. Большой Ажогги. На мысу, образованном реками Большой Лабой и Мамахурцем, также находились остатки укреплений. Над сел. Свинячи (правый берег Большой Лабы) обнаружено городище (стена, развалины здания), руины небольшой одноапсидной церкви). Керамика—аланского времени. На левом берегу Малого Блыба встречено поселение. Керамика предположительно средневекового времени. По всему ущелью обнаружены курганы с каменной кладкой, относящиеся к позднему средневековью. В самых верховьях Большой Лабы зафиксированы семь раннесредневековых пастушеских комплексов — «ацангуар» (каменные жилые и хозяйственные помещения, ограды для скота). Лепная посуда, найденная здесь, характерна для соседней Абхазии. Очевидно, эти комплексы принадлежали абхазам-скотоводам, которые переселились на северные склоны Кавказского хребта в VII—X вв.³³

В долине р. Теберды отряд Донской экспедиции обследовал местность от ущелья р. Амгаты до аула Верхняя Теберда, и от аула Нижняя Теберда почти до города Карачаевска.

В Верхней Теберде, на левом берегу располагается средневековое поселение, на высоком берегу р. Гидам. На территории поселения хорошо видны фундаменты стен. Напротив поселения, на левом берегу р. Гидам находится могильник. Здесь исследован полуподземный склеп прямоугольной формы, стенки обложены камнями, сверху плита. В могиле обнаружено четыре скелета, один—со следами сожжения. Вещи—серолощенный

кувшин со сливом, двулезвийный топорик, мотыжка, бронзовые бляшки, гривна, браслет — датируются VIII—IX вв.

Ниже Верхней Теберды, на второй надпойменной террасе левого берега Теберды расположен курганный могильник с каменными насыпями.

На левом берегу Теберды, в устье ущелья р. Гималдык обнаружено поселение. Поселение двуслойное — нижний слой относится к эпохе бронзы, верхний слой — к VIII—IX вв. На правом берегу Теберды в устье р. Гадырби зафиксировано поселение с керамикой VIII—IX вв. В долине Теберды встречено много загонов для скота. Так, в ущелье Гидам на расстоянии 4,5—5 км от Верхней Теберды обнаружена серия каменных построек округлой формы. В этих постройках собраны фрагменты средневековой керамики³⁴.

В 1979 г. отряд Севернокавказской экспедиции Института археологии АН СССР продолжал разведки в долинах рек Теберды и Аксаута в зонах будущих водохранилищ. Вторично был осмотрен район верхнего Тебердинского водохранилища. Здесь зафиксированы пять курганных могильников (Гималдык I, Гималдык II, Кошанай и другие). Насыпи правильной куполообразной формы, сооружены из камня. Вновь собран керамический материал эпохи бронзы с поселения Гималдык II.

В долине реки Аксаут, по правому берегу реки на территории верхнего водохранилища сделаны топографические планы четырех курганных могильников, находящихся выше и ниже аула Красный Карачай, в ущельях Гурпун-Чад, Марка, Аман-Куршо. Насыпи курганов сложены из камня. Могильник Гурпун-Чад включает 243 насыпи. На территории могильника находятся два высоких холма, имеющих каменные укрепления и остатки кладок от прямоугольных помещений. Поперек ущелья расположены длинные валы высотой 1—1,5 м, шириной 2—4 м³⁵.

В ущелье р. Аксаут, в 1 км выше городища Красный Карачай, на левом берегу реки обнаружена система укреплений. Найдена каменная стена и развалины круглой каменной башни. Возможно, укрепления рядом с городищем и укрепления, находящиеся в 6—7 км выше по течению реки на правом берегу реки, осмотренные в 1978 г. И. С. Каменецким, составляют единую систему защиты городища и долины от нападения с юга.

В урочище Большой Карчамаз, в 2,5 км выше места впадения реки Кишкет, на левом берегу Аксаута, зафиксированы остатки небольшой квадратной в плане башни. Башня сложена из тесаных камней на известковом растворе. Стены сохранились на высоту 40—50 см.

Завершились обследования ущелий рек Уллу-Кама и Учкула-

на. В ущелье Уллу-Кама обнаружены курганы и другие памятники. В ущелье Учкулана найдены большие могильники с каменными насыпями, грунтовые кладбища и остатки домов на летних стоянках³⁶.

В 1979 г. экспедиция Карачаево-Черкесского краеведческого музея, возглавляемая Г. Х. - У. Текеевым, проводила раскопки на Нижне-Архызском городище. На участке вала, примыкающем к северной стене, вскрыты остатки каменных стен прямоугольных жилых помещений. Высота сохранившихся стен 1 м. Обнаружена часть полукруглой стены, а перед ней — плоский камень с выемкой для установки котла. Найдена также яма с большим количеством битой поливной и обычной керамики X—XIII вв. Здесь же обнаружено много костей домашних животных, два железных наконечника стрел, темносиняя стеклянная бусина, обломок стеклянного браслета, железный шлак.

В окрестностях городища, в 5 км по левому берегу р. Большой Зеленчук, в западной части бывшего поселка Верхняя Ермоловка, найдены вещи VII в, среди них — агатовая бусина, на которой изображен человек в шароварах и сапогах на высоком каблуке. В правой руке его колчан со стрелами, на спине — птица с большими крыльями. Здесь же, против городища, в местности Мцешта, в 1,5 км от реки, обнаружены скальные захоронения. Лазы — трапецевидные, полуовальные, прямоугольные. Погребальная камера, как правило, длинной осью параллельна входу, иногда перпендикулярна ему. Камеры в плане овальные или прямоугольные с закругленными углами. Потолок сводчатый или почти плоский. Погребения разграблены. Из восьми обнаруженных здесь камер лишь одна оказалась неразграбленной. Здесь найдено детское захоронение с бусами из перламутра и синего стекла VIII—IX вв.³⁷

А. А. Иерусалимской (гос. Эрмитаж) исследовался материал из могильника «Мощевая балка» на Большой Лабе — ткани, деревянные изделия и другие вещи³⁸.

В 1980 г. раскопки могильника «Мощевая балка» вел Лабинский отряд Северокавказской экспедиции института археологии АН СССР. На участке А расчищено 62 погребения в каменных ящиках и нишах. Могилы в основном разграблены. Ящики прямоугольной формы, сложены из плит песчаника, уложенных плашмя в три-пять рядов. Перекрыты ящики деревянными плахами или песчаниковыми плитами. Стенки ящиков и перекрытия были обмазаны глиной, смешанной с рубленой травой и побелены мелом или известью. Ниши овальной в плане формы, со сводом, с южной стороны заложены каменными плитами. Погребенные помещались в вытяну-

том положении, головой на запад (с некоторым отклонением к северу или к югу). Под головой лежала большая подушка из мешковины, заполненная травой. Дно могил усыпано угольками. Есть двойные погребения. Инвентарь состоит из металлических, роговых и деревянных предметов. Найдены также глиняные сосуды и ткани — льняные и шелковые. Раскопаны захоронения относятся к VII—IX вв.³⁹

Итак, на территории Карачаево-Черкесии в 1975—1980 гг. работали экспедиции различных учреждений.

Экспедиция КЧНИИ в 1974—1975 гг. совместно с экспедицией ЛГУ исследовала такой интересный и уникальный памятник, как Хумаринское городище. Получено много новых сведений об этом памятнике. Раскапывались курганы в окрестностях сел. Кубина. Выявлено и частично исследовано более 60 памятников — поселений и могильников.

Экспедициями областного музея проведены раскопки на Амгатынском городище, на Нижне-Архызском городище (в 1978 г.— совместно с СОНИИ). Раскапывался курганный могильник в местности Байтал-Чапкан.

Экспедиция МГУ проводила разведывательные работы в верховьях р. Индыш и в других местах Карачаевского района.

Экспедиции Института археологии АН СССР исследовали Сентинский храм и его окрестности, могильник у сел. Терезе, памятники в зонах создания водохранилищ. В Мало-Карачаевском районе раскопано городище «Указатель», поселение и могильник Уллубаганалы II в долине Эшкакона. Всего в этой долине выявлено 40 памятников. Много новых памятников было открыто разведочными работами в долинах рек Аксаут, Большой Лабы и Теберды. Проведены работы в могильнике «Мощевая балка».

Выявленные памятники относятся к различным типам и к различным эпохам. Здесь и курганы III—II тыс. до н. э., поселения и могильники кобанского времени (в том числе — позднекобанского), курганы позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Но больше всего памятников — городищ и могильников, относящихся к эпохе раннего средневековья.

Как видно из всего вышесказанного, на территории Карачаево-Черкесии в 1975—1980 гг. археологами проведена большая работа. Открытые памятники раскрывают новые страницы древней и средневековой истории народов Карачаево-Черкесии.

Археологические изыскания в Карачаево-Черкесии продолжают.

¹ Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища. — Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. (Тезисы докладов). М., 1976, с. 12—13; их же. Раскопки Хумаринского городища в 1975 г. — Сб. «Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1979, с. 14—33.

² Биджиев Х. Х., Тотаркулов Н. Х. Раскопки городища Хумара. — АО 1977, М., 1978, с. 107—108; их же. О некоторых аспектах этнической истории Карачаево-Черкесии в свете раскопок Хумаринского городища в 1977 г. — VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 44—45; Биджиев Х. Из глубины веков. Газ. «Ставропольская правда», 12 ноября 1977 г., № 265 (15749), с. 4; Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 г. — Сб. «Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1969, с. 34—62.

³ Биджиев Х. Х. Раскопки Хумаринского городища. — АО 1979, М., 1980, с. 97; его же. Ворота древней крепости. — Газ. «Ленинское знамя», 13 ноября 1979 г., № 219 (11. 963), с. 4.

⁴ Биджиев Х. Х. Рассказывают камни. — Газ. «Ленинское знамя», 14 ноября 1980 г., № 262 (1665), с. 4.

Результаты раскопок обобщены Х. Х. Биджиевым в монографии «Хумаринское городище», подготовленной к печати.

См. также: Биджиев Х. Х. Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии. — АО 1980, М., 1981, с. 96—97.

⁵ Биджиев Х. Х., Текеев М. К., Фалинов А. Ю., Рубканов Г. Ю. Исследования в Карачаево-Черкесии. — АО 1976, М., 1977, с. 88—89; Биджиев Х. Х. Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии. — Сб. Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 33—43.

⁶ Биджиев Х. Х. Исследования 1976 г. в Карачаево-Черкесии. — VII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов и сообщений. Черкесск, 1977. Машинопись.

⁷ Биджиев Х. Х. Тайны старых курганов. — Газ. «Ленинское знамя», 5 января 1977, № 3 (11, 252), с. 4.

⁸ Биджиев Х. Х. Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии и об этнической принадлежности некоторых из них. — IX Крупновские чтения. (Тезисы докладов). Элиста, 1979, с. 40—41.

⁹ Биджиев Х. Х. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии. — Сб. «Вопросы материальной и духовной культуры народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1982 (в печати).

¹⁰ Биджиев Х. Х. Приоткрывая времени завесу. — Газ. «Ленинское знамя», 12 февраля 1981 г., № 30 (12, 024), с. 4.

¹¹ Биджиев Х. Х. Исследование средневековых памятников Карачаево-Черкесии. — АО 1980, М., 1981, с. 97.

¹² Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе. СА, 1980, № 3, с. 225—237.

¹³ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. — АО 1975, М., 1976, с. 125—126; ее же. Основные итоги и задачи изучения раннесредневековых поселений Карачаево-Черкесии. — VII Крупновские чтения в г. Черкесске, в апреле 1977 г. Тезисы докладов. Черкесск, 1977. Машинопись.

¹⁴ Марковин В. И. Раскопки дольменов в бассейне рек Кяфар и Белой. — АО 1975, М., 1976, с. 138.

¹⁵ Нецаева Л. Г., Кривицкий В. В., Суразаков А. С., Членова Н. Л., Шеглов Д. Е. Дольменообразные гробницы и составные дольмены в Карачаево-Черкесии. — АО 1975, М., 1976, с. 140—141.

¹⁶ Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья. — Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Чер-

жеск, 1979, с. 68—73.; их же. Разведки средневековых памятников в бассейне Верхней Кубани. — АО 1977, М., 1978, с. 145—146.

¹⁷ Марковин В. И. Раскопки в Сентинском храме. — АО 1976, М., 1977, с. 110—111;

Марковин В. И., Полихрониди Н. Г., Огюцкий И. В., Лопатин А. И. Исследование Сентинского храма. — АО 1977, М., 1978, с. 129—130; Марковин В. И. Сентинский храм. — Газ: «Ставропольская правда», 20 января 1977, №16 (15. 500), с. 4; Макарова Т. И., Марковин В. И. Золотое украшение с перегородчатой эмалью из Сентинского храма. — СА, 1981, №3, с. 268—273.

¹⁸ Марковин В. И. Письмо к Е. П. Алексеевой от 15 августа 1976 г.

¹⁹ Марковин В. И. Средневековые наскальные изображения у аула Кумыш. — Сб. «Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1979, с. 146—151.

²⁰ Текеев Г. Х.-У. Раскопки в Амгате. — АО 1976, М., 1977, с. 123—124; его же. Раскопки на Амгате. — VII Крупновские чтения в г. Черкеске в апреле 1977 г. Тезисы докладов. (Машинопись); его же. Находки рассказывают. Газ. «Ленинское знамя», 3 сентября 1976 г. №177/11. 166), с. 4.

²¹ Текеев Г. Х.-У. Рисунки на скале. — Газ. «Ленинское знамя», 14 октября 1976 г.; №206 (11. 195), с. 4; его же. Автографы древних охотников. — Газ. «Ленинское знамя», 3 сентября 1977 г., №177 (11. 426), его же. Раскопки в урочище «Байтал-Чапкан». — VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 91.

²² Рунич А. П. Могильник «Кавказ» и Рим-Гора №2. — VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 81.

²³ Ковалевская В. Б. О работах средневекового отряда Ставропольской экспедиции. — АО 1976, М., 1977, с. 102—103. См. также: Археология СССР Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 84—85, рис. 58, 10; 59, 10.

²⁴ Ковалевская В. Б. Разведки и раскопки на реке Эшкаконе. — АО 1977, М., 1978, с. 122—123; Ковалевская В. Б. Козенкова В. И. О работах Малокарачаевского отряда. — АО 1978, М., 1979, с. 128—129; их же. Новейшие раскопки поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии. — IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979, с. 25—26; Ковалевская В. Б. О работах Мало-Карачаевского отряда. — АО 1979, М., 1980, с. 111—112; ее же. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях. — АО 1980, М., 1981, с. 104.

²⁵ Ковалевская В. Б. Работы в Ставропольском и Краснодарском краях. — АО 1980, М., 1981, с. 104—105.

²⁶ Козенкова В. И. О работах Чечено-Ингушского отряда. — АО 1977, М., 1978, с. 123—124.

²⁷ Козенкова В. И. О работах Учкеевского отряда. — АО 1978, М., 1979, с. 129—130.

²⁸ Текеев Г. Х.-У. VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 90—91; его же. Могильник Байтал-Чапкан. — АО 1977, М., 1978, с. 144—145.

²⁹ Дударев С. Л., Березин Я. Б. Работы Кисловодского отряда. — АО 1977, М., 1978, с. 119.

³⁰ Федоров Я. А., Текеев Г. Х.-У., Эльканов У. Ю. Работы Карачаево-Черкесского областного краеведческого музея. — АО 1978, М., 1979, с. 147—148.

³¹ Кузнецов В. А. Работы Зеленчукской экспедиции. — АО 1978, М., 1979, с. 133.

³² Зельдина В. Я., Каменецкий И. С., Пушкина Т. А. Разведки в ущельях Белой и Аксаута. — АО 1978, М., 1979, с. 127.

³³ Воронов Ю. Н., Гугуев В. К., Каменецкий И. С., Науменко С. А. Разведки в ущелье Большой Лабы. — АО 1978, М., 1979, с. 119—120.

³⁴ Науменко С. А. Разведки в долине Теберды. — АО 1978, М., 1979, с. 138—139.

³⁵ Науменко С. А. Разведки в долинах рек Теберды и Аксаута. — АО 1979, М., 1980, с. 120.

³⁶ Рябова В. Я. Разведки в верховьях Кубани. — АО 1979, М., 1980, с. 125.

³⁷ Тексев Г. Х.-У. Тайны древнего городища. — Газ. «Ленинское знамя», 16 октября 1979 г., № 200 (№ 944) с. 4; его же. Новые сведения о Нижне-Архызском городище. — АО 1979, М., 1980, с. 128—129.

³⁸ Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути». (Мощевая балка — историко-культурный комплекс VIII—IX вв.). — Сб. «Культура Востока. Древность и раннее средневековье». Гос. Эрмитаж. Л., 1979, с. 151—162; ее же. Особенности погребального культа и некоторых верований адыго-аланских племен (по материалам могильника Мощевая балка VIII—IX вв.). — X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 1980, с. 54—57.

³⁹ Савченко Е. И. Исследование могильника Мощевая балка. — АО 1980, М., 1981, с. 116—117.

Е. П. АЛЕКСЕЕВА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СВЕДЕНИЯ АВТОРА XV ВЕКА О КАРАЧАЕВЦАХ И ЧЕРКЕСАХ

В 1404 г. архиепископ персидского города Султанийи Иоанн де Галонифонтибус написал сочинение «Книга познания мира». В основу книги легли впечатления автора от поездки по разным странам, в том числе и по Кавказу, а также сведения более ранних источников. Де Галонифонтибус писал на латинском языке. С латинского на венгерский и английский это сочинение было переведено профессором Лайошем Тарди. В 1978 г. была опубликована в газете статья Тарди, где приводились сведения из книги Галонифонтибуса¹.

В 1980 г. в Баку на русском языке изданы извлечения из сочинения Галонифонтибуса под названием «Сведения о народах Кавказа» с очень ценными и интересными комментариями. С английского на русский эти извлечения были переведены З. М. Буниятовым.

Для истории адыгов сведения Галонифонтибуса изредка использовались исследователями², для истории же карачаевцев эти данные не приводились, если не считать комментария к указанному бакинскому изданию³.

Галонифонтибус пишет, что в Черкесии жили две группы народов — белые и черные черкесы. Слово «черный» означало только название народа, но не говорило о цвете их кожи — поясняет автор.

Белые черкесы — это адыги. На генуэзских картах XV—XVI вв. в районе Сочи отмечен населенный пункт — Альба Зилия⁴, что в переводе с итальянского означает «Белая Черкесия».

Черные черкесы — это карачаевцы. Черными черкесами или карачеркесами называли карачаевцев (карачиолей) и авторы

XVII в. — итальянец Арканджело Ламберти и француз Жан Шарден⁵. В русском документе 1643 г. карачаевцы названы «карачаевскими черкесами»⁶. О черных черкесах Галонифонтибус пишет, что их никто никогда не посещал и сами они никогда не покидали гор, кроме тех случаев, когда им нужна была соль. Они имели свой собственный язык и свою письменность, — продолжает автор. Это последнее заявление представляет для нас большой интерес. Известно, что предки карачаевцев и балкарцев болгары — имели руническую письменность⁷. Может быть эта раннесредневековая руническая письменность сохранилась у карачаевцев и в позднем средневековье в XV в. Возможно допустить и другое: карачаевцы могли пользоваться арабской письменностью. На территории Карачая (Нижне-Архазское городище) найдены камни с арабскими надписями XI—XII вв.⁸. Знание арабской письменности могло дожить и до XV в. Наконец, третья гипотеза. Карачаевцы и черкесы знали греческую письменность, так как они в то время были христианами, воспринявшими христианство от византийских греков. Раннесредневековые греческие надписи на территории Карачаево-Черкесии известны⁹.

О христианских верованиях карачаевцев и черкесов сообщает тот же Галонифонтибус, а также упоминавшийся нами Ламберти¹⁰.

Правда, последовательными христианами карачаевцы и черкесы никогда не были. Галонифонтибус пишет, что в великие посты и в воскресенье они приносили в жертву животных, мясо которых раздавалось и поедалось, а головы отдавались бедным и старым. Рядом с церковью высаживались священные деревья. Деревья почитались черкесами и карачаевцами вплоть до начала XX века. Так, например, в Хурзуке росла сосна, которая у карачаевцев считалась священной.

Из сочинения Галонифонтибуса видно, что у карачаевцев и черкесов не было единых государственных образований. В стране не было городов. Они не имеют царя, у них есть только несколько феодалов, — пишет Галонифонтибус. Многие села имели собственных глав. Из слов Галонифонтибуса можно заключить, что знатные люди хорошо одевались, тогда как простые люди имели очень бедную одежду. Таким образом, уже в начале XV в. у карачаевцев и черкесов были и знатные — феодалы и бедняки.

Итак, из сочинения Галонифонтибуса мы узнаем, что в начале XV века у карачаевцев, во-первых, была письменность, во-вторых, что карачаевцы и черкесы были христианами, хотя и непо-

следовательными, и, в-третьих, что у этих народов уже в тот период были классовые, феодальные отношения.

Сочинение Иоанна де Галонифонтибуса представляет большой интерес для изучения истории карачаевцев и черкесов. Но если о черкесах XV века пишут и другие авторы (например, венецианец Иосафат Барбаро), то о карачаевцах XV века книга Галонифонтибуса пока единственный известный нам источник. В этом большая ценность сведений, сообщаемых названным автором.

¹ *Тарди Лайош*. Адыги 575 лет назад. — Газ. «Кабардино-Балкарская правда», 1978, 31 мая.

² См., например, *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья. XIV—XVII вв. Нальчик, с. 74.

³ Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа, 1404 г. Баку, 1980, с. 35, примечание 81.

⁴ *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1851—1877). Одесса, т. II, 1880, с. 260.

⁵ *Ламберти Арканджело*. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, с картою. 1654 г. Пер. с итальянского К. Ф. Гана. — СМОМПК 43, Тифлис, 1913, отд. 1, с. 192; Шарден Жан. Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Пер. Е. В. Бахутовой и Д. П. Носовича. — Из журнала «Кавказский вестник» №№9 и 10, за 1900 и 1901 гг. Тифлис, 1902, с. 21. Несколько далее, на с. 22 Шарден пишет, что название «карачеркесы» дали карачиолам турки «по причине беспрестанных туманов и облаков в их стране, хотя они самый красивый народ в мире».

⁶ КРО I, М., 1957, с. 222.

⁷ *Кузнецов В. А.* Надписи Хумаринского городища. — СА, 1963, № 1, с. 298—305.

⁸ *Лавров Л. И.* Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. — СМАЭ, т. XXI, 1963, с. 261.

⁹ См., например: *Кузнецов В. А.* Алалия в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 185—188.

¹⁰ *Ламберти Арканджело*, ук. соч., с. 2.

ОБ ОДНОМ СПОРНОМ ВОПРОСЕ ИСТОРИИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ XVI—XVIII вв.

В истории балкарского народа много еще спорных и нерешенных проблем. Одним из них является вопрос об их расселении в XVI—XVIII вв. Определенный свет на этот счет могут пролить два достоверных письменных документа.

Один из них датируется 1743 годом и является сообщением кабардинских феодалов Магомета Атажукина, Алдигерея Гиляксанова, кумыкского феодала Алиша Хамзина в коллегии иностранных дел Русского государства об общественном строе северокавказских горцев, об их языке, обычаях и территориальных границах. Записал и перевел эти сообщения кизлярский дворянин Алексей Тузов¹.

Перечисляя народы абазин, черкесов, шапсугов и карачаевцев на Кубани, на четвертом месте называют народ Соны (Сваны — И. М.). Приведем сообщение о последних полностью, т. к. именно оно обратило на себя особое внимание кавказоведов Л. И. Лаврова², Е. Н. Кушевой³, Е. П. Алексеевой⁴, Н. Г. Волковой⁵ и др.

И именно этот документ вызвал ряд спорных взглядов о расселении не только балкарцев и карачаевцев, но и их непосредственных южных соседей — сванов, с которыми балкарцы и карачаевцы веками были связаны различного рода экономическими, культурными и политическими взаимоотношениями⁶.

Итак... «Четвертый народ Соны, живут на вершинах реки Баксан, близ вершины реки Кумы и Кубани. Имеют особый язык. Носят платье короткое с малыми фалдами, подобное немецкому. Волосы имеют длинные. Многие из оных и до ныне состоят в христианском законе. Есть у них и владельцы. Дорога

к ним простирается через Баксан, где живут Б. Кабарды (Большой — И. М.) владельцы Магомет Коргокин с братьями, и надобно ехать три дни» (здесь и далее подчеркнуто мной—И. М.)

Это сообщение в свое время привело Л. И. Лаврова⁷ к выводу о том, что: а) карачаевцы, известные на Баксане в 1639—1640 гг. к 1743 году переселились на Кубань, где их до этого не было⁸, а Баксанское ущелье, позже известное как Урусбиевское общество балкарцев, было заселено к 1743 году сванами; б) к 1780 году Баксанское ущелье было покинуто сванами и заселено балкарцами-урусбиевцами.

Автор доводит границы сванов на Северном Кавказе до слияния р. Теберды и Кубани на северо-западе и до кабардинских владений в предгорьях Центрального Кавказа⁹.

Этот поспешный вывод Л. И. Лаврова, изложенный им не однажды¹⁰, нашел отражение в ряде работ других авторов¹¹. Однако, еще в 1954 году подобная трактовка истории народов Северного Кавказа была подвергнута серьезной критике¹².

С указанными вопросами тесно переплетается и второй документ—челобитные и статейные списки русских послов дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадрианскую землю (Мегрелию — И. М.) в 1639—1640 гг.¹³, путь которых лежал по Баксану, через земли карачаевцев, по перевалу Донгуз-Орун в Сванетию¹⁴.

Комментируя второй документ, Е. Н. Кушева заключает, что послы по пути в Сванетию заезжали к карачаевцам на Кубань, прежде чем попасть на Баксан, и поэтому переселение карачаевцев с Баксана на Кубань произошло ранее 1639—1640 гг.¹⁵ Е. П. Алексеева по данным археологических материалов приходит к выводу, что часть карачаевцев жила на Кубани, а часть на Баксане¹⁶.

Таким образом, вокруг этих документов сложились разные точки зрения о расселении карачаевцев и балкарцев в XVII—XVIII вв. По Е. Н. Кушевой карачаевцы обитали в верховьях Кубани уже в 1639 году (но не на Баксане), по Л. И. Лаврову и Н. Г. Волковой они заселяли только Баксанское ущелье до 1743 г., по Е. П. Алексеевой заселяли верховья обеих рек. Это же сообщение привело Н. Г. Волкову к выводу о том, что Баксанское ущелье между 1743 и 1780 гг. было занято кабардинским населением потому, что как сказано в документе, дорога к сонам «простирается через Баксан, где живут Большой Кабарды владельцы»¹⁷.

Несостоятельность такого утверждения видна во-первых хотя бы из того, что этническая Большая Кабарда территориально никогда не распространялась до верховий Центрально-Кавказ-

ких ущелий, а занимала после известных событий XIII—XIV вв. полосу выходов из ущелий по зоне лесистых предгорий, а Малая Кабарда такие же районы территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Во-вторых, если отдельные ущелья или балкарские «горские общества Кабарды» в силу исторических и политических обстоятельств в отдельные периоды и находились под влиянием князей Б. Кабарды, то это никак не говорит о том, что эти ущелья были заняты кабардинским этносом, точно так же, как не были кабардинскими подвластные им территории осетин, ингушей и чеченцев или «княжьи владения» Пшеапшоко Кайтукина, «татцкие» и «мшанские» земли Никоновской летописи (см. ниже), под которыми Е. Н. Кушева справедливо видит «не кабардинские, а подчиненные кабардинским князьям земли»¹⁸.

В-третьих, если допустить, что кабардинцы занимали верховье Баксанского ущелья, то таким влиятельным кабардинским князьям как М. Атажукин и А. Гиляксанов незачем было говорить, что до сонов ехать три дня, т. е. из верховьев Баксана 2,5 дня верхней езды через перевалы предостаточно чтобы добраться непосредственно к морю¹⁹.

Вернемся, однако, к самим документам и особенно, к сообщению 1743 года, которое, на наш взгляд, не дает основания для отмеченных выше выводов и споров.

Во-первых, сообщения дают местные жители — кабардинские феодалы, отлично разбиравшиеся в вопросах политической и этнической обстановки на Северном Кавказе в первой половине XVIII в.²⁰ равно как и в политике России на Кавказе, а тем более в границах и расстояниях между отдельными пунктами Большой и Малой Кабарды. Во-вторых, эти сообщения записал кизлярский дворянин, не менее осведомленный и знакомый с народами Северного Кавказа — от ногайцев до кумыков, и не раз посещавший их А. Тузов. Он же в 1736 году бывал в Чегемском обществе балкарцев, где осматривал всякого рода памятники и даже имел доступ к хранящимся у них в глубокой тайне «священным книгам», был хорошо знаком с бытом чегемцев, живших в непосредственной близости от Баксанского ущелья, верховья которого издревле связаны с Чегемом и сейчас широко используемым легким полудневным перевалом. Поэтому особенное недоумение вызывает попытка некоторых авторов включить в зону северо-кавказского расселения сванов и Чегемское ущелье.²¹ В-третьих, в том же документе дается еще ряд географических пунктов и расстояний между ними, определяемые днями езды: от Кизляра до ст. Червленной (на р. Сунже) — 2 дня, от Червленной до аула Ахлово (с Н. Курп в Малой Кабарде) — 1

день, от Ахлово владений до дигоров—1 день, от Кашкатау (р-н сс. Аушигер, Герпегеж, Советское — И. М.) до Баксана, где обитал М. Коргокин с братьями (на р. Гунделен)—1 день, от Коргокина до Сванов—3 дня, от Ахлово до Грузии—5 дней.

Из этих показаний компетентных авторов можно подчекнуть что указывая 1—2 дневные расстояния между отдельными районами Северного Кавказа, они тут же говорят о более дальних маршрутах (3—5 дней) до сванов и Грузии.

Достоверность указанных расстояний видна не только в действительных географических координатах указанных северокавказских пунктов и в совпадении их с более ранними показаниями послов 1639—40 гг. Например, двухдневное расстояние от Терки до Червленной²², как в документе 1743 года от Кизляра до Червленной. В первом случае эти показания исходят из уст русских послов, во втором из уст местных жителей. Это же подкрепляется сведениями более поздних авторов, потративших на верховой переход из Пятигорска до Верхнего Баксана полдня²³. В связи с этим уместно вспомнить, что в 1834 г. Шаховской затратил 2 неполных дня для перехода из сванского сел. Эцери через снеговой хребет до аула Верхний Баксан²⁴.

Ошибка исследователей заключается в том, что они не сопоставили указанные выше расстояния между владениями Большой Кабарды до сванов с другими расстояниями и приняли вершины рр. Кубани и Баксана за верховья р. Баксан.

Пользуясь любой картой можно получить истинное положение исторической Сванетии — на южном склоне Кавказского хребта, так как до них по документу трижды больше чем от Кашкатау до Баксана, чем от малокабардинских владений до дигоров и на 1 день больше чем от Кизляра до ст. Червленной по равнинной дороге. Подобных примеров достаточное количество, чтобы сказать, что авторы указанного сообщения разумели под вершинами Баксана и Кубани не верховья Баксана, а цепь Центрально-Кавказских вершин во главе с Эльбрусом, который является и вершинами Кубани и Баксана, и достоверным географическим ориентиром Балкарии, Карачая и Сванетии.

В любом случае, верхом на лошади или пешком, трехдневный путь от владения Большой Кабарды по Баксанскому ущелью приводит путника за главный Кавказский хребет. К выводу о том, что документ 1743 г., помещает сванов за Кавказским хребтом приходит и Н. Г. Волкова²⁵. Три полных дня пешего хода потребовалось Елчину и Захарьеву в 1639—1640 году, чтобы добраться до сванских поселений (с 28 октября до 1 ноября 1639 г.) и обратно (с 8 по 12 июня 1640 года). Верхом же на лошади («ехать» — по документу) эти сроки можно до-

статочно сократить. Небезынтересно, в этой связи сообщение Гильденштедта (1771 г.) о том, что от высокогорного поселка дигорцев (Стурдугор) до границ Имеретии через перевал считается полдня ходу²⁶. Вероятно так считали и приуменьшали расстояния местные жители, привыкшие к горам, так как сам Гильденштедт затратил на этот переход 2 полных дня (со 2 по 4 ноября 1772 г.). Вероятно поэтому в 1743 г. Атажукин и Гиляксанов указали, что «ехать к ним три дня», а Елчин и Захарьев и туда и обратно приходили на пятый день. Кстати тот же Гильденштедт с 12 июля по 15 августа 1771 г. вояжировавший по Малой Кабарде с Арслан-беком Таусултаном и его двоюродным братом Давлетуга Келеметом и посетивший ему незнакомые до сих пор районы этой гористой страны и Северную часть Кавказских гор, не говорит ни о каких сванах на Северном Кавказе, хотя хорошо знает сванов, дигор, бассы (бассиане-балкарцы— И. М.) на рынках в Они²⁷.

Расселение сванов на Северном Кавказе до границ Кабарды многие пытаются оправдать сообщением Никоновской летописи под 1564 годом о том, что кабардинский князь Темрюк (Идарович, зять Ивана Грозного — И. М.) в числе других шепшуковых улусов отвоевал у Шепшуко «сонские кабаки» и г. Кован²⁸.

Упоминание улусовой системы и кабаков, никогда не характерных для сванов, несомненно свидетельствуют о том, что описанные события происходили на Северном Кавказе. Об этом же говорит и имя кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукина, которого летопись часто называет Шеапшоко, Шапшуко, Шопшуко и т. п.

Поскольку это сообщение так же вызывает разнотолки, необходимо привести¹ его.

«...Октября в 3 день (1564—И. М.) приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Григорий Семенов сын Пшещева ис Черкас Пятигорских, а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку-князю Айдаровичу посольством и оберегати его от недругов от черес, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили... и Темгрюк со государьскими людьми недругом своим недругбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городка: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили: а те городки были Шепшуковы княжие. И люди тех городков добили челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил; и воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шесть-

десять четыре и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурыз.»²⁹

Это сообщение летописи содержит данные о просьбе Темрюка защитить его от своих врагов, о том, как русское государство помогало ему и что через 3 года после этого царь построил г. Терки для «сбережений Темрюковых владений» от его врагов, «черкесов» а не «сонов». А самыми жестокими врагами его были шамхал Тарковский и кабардинский князь Пшеапшоко Кайтукин, имя которого узнается в летописи под названием «Шепшуковы улусы» и «Шепшуково кабака».

Особенно обострились отношения Темрюка и Пшеапшоко после выдачи дочери Темрюка за Ивана Грозного. Поэтому-то Темрюку было послано 1000 воинов с атаманами и воеводами, чтобы они покорили «Шебшуко» и тарковского шамхала, что и было сделано в 1564 году: «Шапшуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов ималы много. И черкасские князи многие собрався на князя Ивана Дашкова и на Матфея Дьяка с товарищи приходили и дело с ними делали. И государьские люди черкас, многих побили, а иных поранили»³⁰ — сообщает Дашков и Ржевский, участвовавшие вместе с Плещеевым в войне Темрюка Идаровича. Эту помощь Темрюку просил у царя, послав к нему своего сына Мамстряка и «великий князь отпустил в Черкасы с Мамстряком князем Темрюковичем по отца челобитью и по его челобитью рать свою на черкасских князей, которые им непослушны, на кавардейских князей на Шопшука з братнею да на Тазрита да на Маита...»³¹

Как видно из летописи, основным противником Темрюка являются не сваны, о которых нет упоминания, а «кавардейские князья».

Темрюк, укрепив свое положение старшего князя, вел про-русскую политику, расширил свои границы за счет народов Северного Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и враждебных ему кабардинских князей, проводивших политику сближения с Крымским ханством и дагестанским Шамхальством. Поэтому по указке крымского хана Давлет-Гирея открыто против Темрюка выступили основные его противники — Пшеапшоко и Шахмал Тарковский, вследствие чего в 1562—1566 гг. Иван IV и отправлял против них свою рать и не раз разбивал их наголову. Во время этих побед и были покорены «Шебшуковы улусы и кабаки» Большой Кабарды на Малке, Баксане и Тереке.

Что же касается города Каван, то поскольку события описываемые летописью происходят в бассейне Терека, наиболее правдоподобно, что речь идет об осетинском сел. Кобан, как

полагает Е. Н. Кушева³². Вероятность этого предположения подтверждается еще и тем, что в районах сражений Темгрюка летопись часто упоминает «земли Метцкие», «мичкисские кабаки» и «весь Мичгиш», которые являются землями чеченцев³³.

В разбираемом месте летописи некоторых исследователей вводит в заблуждение единственный раз упомянутые «сонские кабаки». Однако, ход летописных событий говорит о том, что в данном случае под этим термином подразумеваются осетинские кабаки, прилегающие к перевалам и часто фигурирующие под этим названием в русских документах тех лет³⁴.

Таким образом, ссылка на Никоновскую летопись тоже ничего не дает в пользу расселения сванов на Северном Кавказе в XVII—XVIII вв., а наоборот в XVI—XVII вв. в документах русских посольств очень часто говорится о «сонской земле», «Сони», «Сонский аристон» за Кавказским хребтом³⁵.

В 1654 году долгое время живший в мегрелии А. Ламберти говорит: «у подножия Кавказа на Севере живут еще несколько народов, так называемые карачаевцы (Карачиоли) или Карачеркесы — черные черкесы... Язык их тюркский... но ближайшие соседи Колходы»³⁶.

В 1711 году Шарден, очерчивая границы Иверии, пишет: «Народами Кавказских гор, с которыми оно граничит, являются грузины и турки на юге, а на севере оссы и карачиолы; турки называют этих последних карачеркесами, т. е. черными черкесами»³⁷.

На карте, составленной по множеству письменных источников XVIII в. на Северном Кавказе с 1720 по 1790 гг. не значится ни одного грузинского или сванского поселения выше г. Моздока и ст. Шелковской в низовьях Терека и Сунжи³⁸. Нет этих поселений в интересующих нас районах и на карте реки Терек, части Малой Кабарды и Грузии 1733 года³⁹.

В 1725 году грузинский царь Вахтанг VI излагая планы турецкой экспансии на Кавказе «российским министрам» пишет следующее: — «...горские места и народы Гушети, Гливи, Кисти, Дидо, Зурзуки, Хевсуры, Хеви, Тагаур, Куртаул, Касри-двали, Дигори, Басияни, Сванети, Апхазы желает всех соединить к себе.. А от Кубани до Баку соединить желает и многие прибыточные места останутся без владения и оттого у него интерес и воинские люди умножатся». Поэтому Вахтанг VI предлагает России построить крепость на границе Чечни и Кабарды и увеличить жалование горским людям «по сю сторону Сванети».⁴⁰

В этих сообщениях интересен тот момент, что, говоря о народах Северного Кавказа, автор помещает их «по сю сторону Сванети», что равносильно термину «по сю сторону хребта»,

т. к. речь идет по направлению к Москве. Поэтому показания царя Вахтанга VI не оставляют сомнения в том, что Сванетия и тогда находилась по ту сторону Кавказского хребта.

Появление на Северном Кавказе грузинских поселений, да и то лишь в низовьях Терека и Северном Дагестане, связано с последствиями персидского похода Петра I и деятельностью грузинского царя Вахтанга VI в 1725—1735 гг.⁴¹ В связи с этим интересна и предистория появления документа 1743 года, также отрицающая проживание на Центральном Кавказе какого-либо грузинского племени⁴².

Дело в том, что по Белградскому контракту 1739 года Кабарда была признана как нейтральная зона, как барьер между Россией и Турцией. Поэтому России необходимо было искать пути к осетинам, чтобы через них проводить свою политику на Северном Кавказе. Для этой цели правительство Екатерины II учредило специальную духовную миссионерскую комиссию в Осетию, действительные цели которой хранились в строжайшем секрете⁴³. Но поскольку путь этой комиссии пролегал через нейтральную Кабарду, где русские не могли конвоировать эту комиссию, русское правительство прибегало к услугам кабардинских князей М. Атажукина, А. Гиляксанова и др., в связи с чем и появилось интересующее нас описание народов Северного Кавказа, данное в 1743 году. Заручившись их услугами, правительство Екатерины сформировало при участии царевича Бакара Вахтанговича комиссию преимущественно из грузин — архимандрита Пахомия (руководитель), Игумена Николая и Христофора из свиты Вахтанга VI. В число членов комиссии вошел и племянник того же А. Гиляксанова⁴⁴, — дабы не вызвать подозрения у своих соперников — Турции и Персии.

Перед отправкой комиссии, тщательно подготовившейся с 1741 по 1745 гг., ее руководитель Пахомий представил в правительствующий Синод специально разработанные «требования для благополучного проезда к осетинскому народу», где одной из главных мер благополучия были необходимы, «государевы грамоты для безопасной поездки по землям Кабарды и других владельцев». И в этом документе, исходящем от самых осведомленных грузин, не остается места сомнению в том, что на северных склонах Центрального Кавказа не было никаких горно-грузинских поселенцев. Если бы они были, то их непременно использовали бы для этой важнейшей политической миссии как русское, так и грузинское правительство первой половины XVIII в., в интересах которых и формировалась указанная комиссия Пахомия.

⁴¹ Далее, карта Большой и Малой Кабарды, составленная в

1744 г. еще при жизни того же Магомета Атажукина, никаких сванских, грузинских поселений на Северном склоне Кавказа не знает⁴⁶. Прямое указание на отсутствие сванов на Северном Кавказе дает и документ 1754 года, исходящий из уст грузинского князя Цицилия Гивии, присланного к кабардинскому владетелю Казыю и к другим горским владельцам от грузинского и кахетинского царей⁴⁷. Хорошо знакомый с топографией и этнографией Кавказа Я. Рейнеггс в 70-80 годах XVIII в. довольно точно определяет границы сванов за хребтом.

Наконец, анализ громадного количества документов приводит В. Н. Гамрекели к выводу, что вообще в XVIII в. и до персидского похода Петра I (1721—1722 гг.) сообщений о каких бы то ни было горно-грузинских поселениях на Северном Кавказе не встречается и для этого не было никаких условий в XVII в.⁴⁹, а составленная им карта, упомянутая выше, свидетельствует, что и в XVIII в. эти поселения не выходили выше линии г. Моздока — ст. Шелковской.

В доказательство широких территориальных и хронологических границ (XIV—XVIII вв) расселения сванов на Северном Кавказе некоторые исследователи приводят еще следующие факты: сходство башни Балкаруковых князей на Чегеме с башнями Сванетии; наличие грузинских фресок и писем в христианской церкви в Холамо-Безенгийском ущелье⁵⁰, предания сванов о том, что земли верховьев Кубани и Баксана некогда были сванскими и, наконец созвучие топонимов — Учкулан, Хумара, Лашкута на Кубани и Баксане с Учкуль, Цхумар и Лашкети (Лехшуди) в Сванетии⁵¹.

В данном случае авторы не учитывают некоторых обстоятельств. Во-первых, башня Балкаруковых построена в XVII в. приглашенными мастерами-сванами за определенную плату и ничего удивительного нет, что она похожа на сванские⁵². Во-вторых, земли Балкаруковых простирались до верховьев Баксана и в частности им принадлежал район с. Былым (ныне пос. Угольный), из-за чего происходили частые столкновения Балкаруковых с урусбиевцами. При такой ситуации А. Тузов (один из авторов документа 1743 года) не мог не заметить, если бы на Баксане, куда из Чегема, по указанному выше пути можно было попасть за 5—6 часов пешего хода, жили сваны. А между тем Л. И. Лавров приводит достаточное количество более древних, чем балкаруковская башня, оборонительных сооружений, охранявших перевалы к сванам. В-третьих, сходство одной башни, к тому же сооруженной приглашенными мастерами, наличие грузинских христианских фресок и писем ни в коей мере не могут быть определителями этнических границ. Составоч-

но привести известные великолепные христианские храмы с фресками и письменами, исполненные в византийском стиле на рр. Кубани, Теберды, Зеленчуке, грузинскую церковь Тхаба-Ерды в Чечено-Ингушетии, не говоря уже о других подобных памятниках. Мы же не станем из этих соображений пересматривать этнические границы этих стран. В-четвертых, трудно найти в мировой истории и особенно в истории Кавказа два испокон веков соседствующих народа, чтобы они не сохранили в преданиях или не осуществляли временами на практике взаимные притязания на пограничные зоны — сенокосные, пастбищные, лесные, посевные угодья и т. п. В-пятых, если даже допустить приводимые топонимические совпадения нельзя забывать, что район сс. Лашкуты-Заюково в рассматриваемое время были в основном владениями Атажукиных. Автор сообщения 1743 года Магомет Атажукин был одним из представительнейших и компетентных князей Кабарды того времени и он не мог не знать, что буквально у него под боком, в 6—8 км от его владений живут сваны и говорить, что до сванов «ехать три дни».

Отсутствие каких-либо археологических и эпиграфических памятников в верховьях Баксана и Кубани, связанных с пребыванием здесь сванов сводит на нет попытки доказать их расселение в этом районе Северного Кавказа и наоборот, наличие крупных карачаево-балкарских могильников и поселения XIV—XVIII вв. на Кубани, в Чегемском и Черекском ущельях, у с. Верхний Баксан и г. Тырнауз⁵³ почти не оставляют сомнений том, что верховья Баксана и Кубани в XIV—XVIII вв. были заселены балкарцами и карачаевцами.

Что же касается сванов, то все исторические сведения помещают их на южном склоне Кавказского хребта. Они являются ближайшими соседями балкарцев и карачаевцев. Между ними были теснейшие экономические и культурные связи, они часто были связаны между собой брачными и родственными отношениями и т. п. Эти факты достаточно отражены в кавказоведческой литературе и являются предметом специального исследования.

¹ Кокиев Г. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). — «Известия Северо-Осетинского НИИ», т. VI, Владикавказ, 1932 (далее Г. Кокиев), с. 31—34.

² Лавров Л. И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. «Краткие сообщения института этнографии», вып. 10, М., 1950, его же. Карачай и Балкария до 30 годов XIX в. — КЭС, т. IV, М., 1969, с. 80—81.

³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 169—171.

⁴ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1963, с. 50.

⁵ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, М, 1973; с. 93, ее же; Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII начале XIX вв. М, 1974, с. 96.

⁶ Мизиев И. М. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачевцев. — «Кавказ и Восточная Европа в древности» (сборник, посвященный памяти Е. И. Крупнова). М, 1972, с. 243—244.

⁷ Ср. Лавров Л. И. Расселение..., с. 78—79; Кокиев Г. Ук. соч., с. 31.

⁸ Лавров Л. И. Расселение... с. 82; его же. Балкария и Карачай

⁹ Лавров Л. И. Расселение... с. 79.

¹⁰ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, М, 1968, с. 123—124 (далее ЭПСК).

¹¹ Робакидзе А. И. и Харадзе Р. Л. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — Сб. «Происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960, с. 135—152;

Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа, М, 1974, с. 201—202; Мибчуани Т. Ш. О расселении сванов на Северном Кавказе — «Труды Сухумского Госпединститута», т. XXI—XXII, Сухуми, 1971.

¹² Кузнецов В. А. Об одном извращении истории народов Северного Кавказа — ВИ, 1954, № 9, с. 114—117.

¹³ Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Даднанскую землю (1639—1640). — «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете», кн. 2, М, 1887, с. 301—318 и сл. (далее: Посольство...)

¹⁴ Пошевкетов М. А. Этнографические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе, Тифлис, 1932, с. 38; его же. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, с. 36; Лавров Л. И. Расселение... с. 81, его же. Карачай и Балкария... с. 80; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, с. 93; ее же. Этнический состав населения Северного Кавказа, с. 96.

¹⁵ Кушева Е. Н. Ук. соч., с. 171.

¹⁶ Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 50.

¹⁷ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия... с. 93.

¹⁸ Кушева Е. Н. Указ. соч., с. 240.

¹⁹ Это замечание относится ко всем авторам, которые пытались анализировать сообщение 1743 года.

²⁰ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. т. П. М. 1957, с. 105—111, 116—118; Лавров Л. И. Расселение... с. 79.

²¹ Мибчуани Т. Ш. Этно-культурные взаимоотношения горцев Грузии (сванов) с балкарцами и карачаевцами. (Рукопись автореферата на соискание ученой степени кандидата исторических наук).

²² Посольство..., с. 317, прим. 5.

²³ Давидович С. Ф. Восхождение на Эльбрус. — «Исторический вестник». 1887, май, с. 351—354.

²⁴ Шаховский И. В. Путешествие в Сванетею и Кабарду, 1834. — УЗ КБНИИ, т. 13. Нальчик, 1957, с. 402.

²⁵ Волкова Н. Г. Этнический состав..., с. 96.

²⁶ Осетины глазами русских и иностранных путешественников (сост. и коммент. Калоев Б. А.), Орджоникидзе, 1967, с. 72, 75, 77—78.

²⁷ Там же, с. 72, 81.

²⁸ Лавров Л. И. Расселение..., с. 82—83.

²⁹ КРО, т. 1, М., 1957, с. 11

³⁰ Там же, с. 13.

³¹ Там же, с. 12.

³² Кушева Е. Н. Ук. соч., с. 240.

³³ *Исаева Т. А.* К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. — Известия (статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии), т. IX, вып. 1, ч. III, Грозный, 1974, с. 10—29.

³⁴ *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия... с. 106.

³⁵ *Полшевков М. А.* Европейские путешественники... с. 23, 40; его же. Экономические и политические разведки... с. 29, 30.

³⁶ *Ламберти А.* Описание Колхиды, называемой ныне Менгрелией (1654). Перев. Г. Ф. Ган. — СМОМПК 43, Тифлис, 1913, с. 187, 192.

³⁷ Осетины глазами русских и иностранных путешественников... с. 26.

³⁸ Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., Тбилиси, 1968, с. 97—99 (вкл. карта).

³⁹ Там же, с. 118—119 (вкл. карта).

⁴⁰ Там же, с. 105—108.

⁴¹ *Пайчадзе Г. Г.* Русско-грузинские политические отношения в I пол. XVIII в. Тбилиси, 1970, с. 92—97.

⁴² *Блиев М. М.* Русско-осетинские отношения в XVIII в., Орджоникидзе 1970, с. 82.

⁴³ Там же, с. 85—86.

⁴⁴ *Блиев М. М.* Ук. соч. с. 76—86.

⁴⁵ Там же, с. 81—83.

⁴⁶ Кабардино-русские отношения, с. 1—11.

⁴⁷ Документы по взаимоотношениям... с. 134.

⁴⁸ Осетины глазами русских и иностранных путешественников, с. 103.

⁴⁹ Документы по взаимоотношениям Грузии... с. 21—23, 27.

⁵⁰ *Лавров Л. И.* Расселение... с. 77—78; Мибчуани Т. Ш., ук. соч.

⁵¹ Там же.

⁵² *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая Нальчик, 1970, с. 42—43, 72.

⁵³ *Алексеева Е. П.* Ук. соч., с. 42—50; *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. — АО 1969, М, 1970, с. 128; *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе г. Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. 9, Нальчик, 1961, с. 205—216; *Мизиев И. М.* Раскопки поселения «Эль-Журт». АО 1970, М., 1971 с. 133—134.

Р. Х. КЕРЕИТОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СЕМЬИ У НОГАЙЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Экономическую основу семьи у ногайцев в исследуемый период большей частью составляла коллективная собственность членов семьи от занятий скотоводством. Однако вернее будет, если мы скажем, что эта собственность складывалась вообще от комплексного ведения хозяйства. И в этом вопросе мы солидарны с Г. Е. Марковым, когда он пишет, что «хозяйство всегда комплексное, но при этом одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие — составляют основные способы добывания средств к существованию»¹. Однако, помимо той части собственности, которую составляли доходы от ведения хозяйством, то есть движимого состояния, имелась еще часть собственности, составляемая из недвижимого имущества. В категорию движимого состояния входили: скот, продукты сельского хозяйства, вещи домашнего обихода. Недвижимое состояние образовывали: жилищные постройки, хозяйственные строения, пашня, сенокосные угодья.

Хотя форма собственности у различных групп ногайцев в силу их разности ведения хозяйства была неодинакова, тем не менее собственность, как движимая, так и недвижимая почти не отличались. Если у кубанских ногайцев, ранее перешедших к оседлости, имелись постройки — дом, сарай и т. д., то у кочевников имелись юрты, хозяйственные постройки для зимних условий жизни. В остальном разницы почти не было. Поскольку мы коснулись построек, то постараемся вкратце охарактеризовать их. Прежде всего здесь следует подчеркнуть различие в размерах строений у богатых и бедных. У кубанских ногайцев богачи в конце XIX в. обычно старались строить дома крытые же-

лезом. Двор был большим. Жилой дом помещался в глубине двора. Перед ним обычно строили летнюю кухню, где летом готовили пищу и здесь же кушали. У богатых дом, как правило, имел длинную веранду, где летом могли принять гостя или же женщины занимались рукоделием. За домом, вглубь двора, находились сарай, навесы для скота. Дома бедных отличались как размерами, так и некачественностью застроек. Стены домов были саманными, но иногда встречались и плетневые, обмазанные глиной. В центре длинного дома, как правило, помещалась комната главы семьи, где во время различных советов и совещаний собирались родственники для решения важных вопросов, касающихся семьи. Форма построения жилого дома нам кажется развитой формой построек, которые были у ногайцев еще в прошлые века. Дело в том, что А. А. Шенников говорит о наличии у богатых ногайцев Причерноморья второй спальни². А путешественник Д. Шлаттер, который знал ногайский язык, называет жилой дом в целом «юй», кухню-сени — «аятью», спальню «ичюй»³.

Хозяйственные постройки, в частности сарай для скота, курятник (кедек) строили из плетня, затем обмазывали. Что интересно, многие сараи, имея продолговатую форму, не имели прямых углов, углы были округлые. Видимо, это следствие давней кочевой традиции, когда ногайцы жили в юртах.

Как у оседлых кубанских ногайцев различия в жилище были заметны и у степных кочевых ногайцев. Обычно богатые старались иметь большие юрты и крыли их белой кошмой (ак кийиз), а бедняки покрывали черной кошмой (кара кийиз). Юрта главы семьи выделялась среди юрт семейных сыновей своими размерами и качеством. Если богатые могли иметь двенадцатирешеточные юрты (терме), которые обтягивались белой щегольской полстью, с красными лентами и тесьмами»,⁴ то бедняки имели шести-восьмирешеточные юрты.

В начале XX века форма домов у кубанских и степных ногайцев становится одинаковой. Хозяйственный двор имел четырехугольную форму, некоторые из них огораживались.

Таким образом, жилые помещения и хозяйственные постройки, подчеркивая классовую дифференциацию народа, являли собой ценность в форме недвижимой собственности.

Как нами подчеркнуто, в общую собственность семьи входили скот, продукты сельского хозяйства. Известно, что ведущей отраслью хозяйства у ногайцев было скотоводство. Об этом писали многие иностранные и русские путешественники, исследователи. А. Павлов приводит слова ногайского старика, который говорил: «все наше богатство состоит в тучных стадах;

мясом их и молоком мы пропитываем наши семейства, а шкуры их служат нам защитой от холода»⁵.

В скотоводстве ведущее место занимало коневодство, которое было одним из любимых занятий народа, особенно мужчин, начиная с детского возраста. «Коневодство — самое любимое занятие у ногайцев», — писал Д. Шлаттер, а дальше продолжал: «ногаец начинает приучать лошадь рано, мальчики начинают ездить на восьмимесячных жеребятках, постепенно их приучают, а потом, уже на третьем и четвертом году они уже прекрасные кони»⁶. Он же отмечал, что ногайская порода лошадей среднего роста, шея у них крутая, ноги тонкие и мягкие, копыта прочные, грудь широкая⁷. О ногайской породе лошадей еще в начале XVII века очень лестно отозвался хивинский автор XVII в. Абулгази⁸. А в конце XIX века П. С. Засодимский писал, что «лошади ногайские довольно рослы, статны»⁹. Их выносливость и работоспособность привлекали внимание многих. По сообщению И. В. Равинского «казаки кавказской линии каждый по мере своей возможности имел коней, коров, овец черкесских смешанных с ногайскими»¹⁰.

Выносливость и неприхотливость ногайских лошадей развивались на основе условий их содержания. Обычно уже с первых месяцев жеребенок находился с матерью в табуне. А табуны, несмотря ни на какие погодные условия почти весь гуд находились на подножном корму. Зимой они доставали траву из-под снега тебенованием (от слова тебин — бить копытами). Видимо, качества, выработанные в суровых климатических условиях и явились тем поводом, из-за которого и старались приобрести или же на их основе вывести свои породы коней другие народы. Нам кажется, что в этой связи права В. П. Невская, когда пишет, что ногайская лошадь оказала влияние на формирование кабардинской и черкесской лошади, породы которых были выведены уже к XVII веку¹¹. А спрос на ногайские лошади издавна был большим. Об этом писали многие иностранцы, русские путешественники, очевидцы. Ногайские кони тысячами пригоняли в Москву, Казань, Бухару, где охотно покупались для пополнения конницы. Например, в 1553 году, согласно дошедшему до нас документу, ногайцы пригоняли в Москву 50.000 коней¹². Поскольку ногайские лошади завоевали уже большую популярность, то из их среды выбирали верховых коней и для конюшни царя¹³. Путешествуя по Средней Азии, барон Мелендорф побывал в центре среднеазиатской торговли — Бухаре, куда стекались различные товары из Индии, Китая, Ирана, Египта и других стран. В описании своего путешествия он пишет, что в этом городе существовал специальный ногайский караван-са-

рай, где продавались лошади, овцы, различные товары¹⁴. В исследуемое время большое количество коней ногайцы продавали в Тифлисе¹⁵. Однако нужно заметить, что к концу XIX века количество лошадей у ногайцев заметно снизилось. Это снижение наблюдалось как у степных ногайцев, так и у кубанских. Частые снежные бураны, эпизоотия, сопровождаемая набегами солдат регулярной армии, послужили основной причиной сокращения количества коней у ногайцев. Как сообщает Б. Б. Кочкаев «резко упала численность табунов и у ногайцев закубанских, которые были почти истреблены частыми набегами экспедиционных войск»¹⁶. Интересные данные привел в своей работе знаток жизни караногайцев Ф. И. Капельгородский. По его сообщению в Караногае в 1882 году было 24200 лошадей, в 1892 — 18770, в 1902 году — 17306, в 1914 году — 16000 лошадей¹⁷. Как видим, с каждым десятилетием количество лошадей резко сокращалось. Сокращались и доходы получаемые от занятий коневодством. Тем не менее часть коней все же шло для пополнения казачьей конницы. Например, Г. Ананьев по этому поводу сообщает, «что ногайские лошади, хотя и не высокого роста, отличаются выносливостью и, большею частью, поставляются в Терские казачьи войска»¹⁸. Разумеется, ногайцы от продажи коней, тем более в армию, получали хороший доход, что являлось основательной статьей в семейном бюджете. Стоимость коня в начале XIX века колебалась от 20 до 150 рублей, а лучшие продавались за 400—500 рублей¹⁹.

Поскольку доход от занятий коневодством был немалый, то и уходу за конем уделяли огромное внимание. Новорожденного жеребенка (япаш) с матерью отделяли от табуна, определенное время держали в изоляции. При этом кобылицу (бие) старались кормить лучше. С истечением некоторого времени, жеребенок (тай) уже крепко стоял на ногах, его выпускали в табун. Обычно до одного года жеребята находились в табуне с матерью. На восьмом месяце жеребят начинали приучать к верховой езде. Но это носило чисто игровой характер, так как ими занимались мальчишки, которые ради шалости садились на жеребят. Но подобные шалости поощрялись старшими, ибо посредством таких игр жеребята привыкали к людям. Для ловли в табуне жеребят или коней пользовались длинным шестом «курук» с петлей на конце, сплетенной из конского волоса.

Годовалого жеребенка (кулын) отбивали от матери и из таких жеребят образовывали отдельный табун. При этом их кастрировали, а лучших, которых хотели оставить как жеребцов (айгыр), не трогали. По мере надобности определенных жеребцов (кунан) ловили и приучали к верховой езде, а затем

и для упряжки. При достижении годовалого возраста, то есть уже при отбивке, молодняк таврили. Каждый хозяин на лямке жеребенка специальным железом, имеющим форму тамги рода, выжигал тавро. На третьем, четвертом году лошади уже полностью использовались для хозяйственных нужд. Коня использовали под верховую езду, как тягловую силу запрягали в арбу, в плуг.

Важное значение придавали сбруе лошади. Сбрую обычно изготовляли сами из кожи «кайыс». При верховой езде применяли недоуздок токта, уздечку — ювен, повод — тизгин, нахрапник уздечки — ювен бурынша, подбородник уздечки — ювен тамакшысы. Уздечку украшали серебряными (в зависимости от богатства) бляшками. Седло (иер) изготовляли из крепкого дерева карагач. Заготовки на седло сушили в темном месте. Таким образом дерево лучше сохраняло свои крепкие свойства. Приготовленные из него арчаки были легки и удобны. Ногайские седла на Северном Кавказе пользовались большой популярностью. Дело в том, что они были более практичнее и удобнее, чем седла у других народов. О. В. Марграф писал, что «ногайские арчаки для седел низки, почти вплотную обхватывают спину лошади и держатся на ней твердо. Задняя лука их несколько наклонена назад и седок не рискует при каждом неожиданном движении лошади сесть на заднюю луку, что часто случается при езде на кабардинских седлах, приновренных исключительно для джигитовки и грациозной, высокой посадки наездника»²⁰. Седло «иер» состояло, по рассказам наших информаторов, в особенности Юманбета Кайбакова из двух выделанных дощечек — ленчиков. Ленчики крепились между собой кожаными ремнями. Луки (кас) — передняя и задняя, также изготовляли из дерева. К ленчикам с обеих сторон крепились стремена (зонъге), креплением служили широкие ремни (зонъге бав). Изготовленные из мягкого сафьяна подушки (куъпшик), набитые шерстью, ложились сверху ленчиков, обтягивались передней подпругой, снизу подушки пропускалась другая подпруга (айыл оба). Подпруги подтягивались всегда с левой стороны, также, как и сажались с левой стороны. Под ленчики клали 3—4 слоя войлока (ширги), а под них уже потник (терлик), который также состоял из тонких слоев войлока. «Ширги» сверху обшивался кожей.

Седло крепилось через грудь широкими ремнями (тоьс айыл), и через хвост (куйыскан). Место на спине коня, где лежали ленчики, называлось «иер капталы». Коня погоняли «камчой» или по-другому «ялав», изготовленными из сплетенных кожаных ремешков.

Лошадей ногайцы, помимо продажи и использования для хозяйственных целей, в большом количестве откармливали. Откормленных лошадей резали на зиму, мясо сушили, а из шкуры выделяли высококачественную кожу. Высоко ценилось свежее мясо молодого жеребенка. Оно в большинстве потреблялось против простудных заболеваний. Если заболел человек, особенно ребенок, простудным заболеванием, кашлял, хрипел, то ему давали кушать жеребячий жир, при его отсутствии — просто мясо. Больной через две недели обычно уже не хрипел, прекращался кашель. Кроме того, «комгазы» — жеребячий жир, оказывал положительное воздействие на желудочное заболевание. Из кобыльего молока ногайцы искусно приготавливали «кемыз» (кумыс), пользовавшийся огромным спросом не только у них самих, но и у других соседних народов. Способ его приготовления был очень распространен у многих тюркских народов. Только что надоенное кобылье молоко вливали в изготовленный из шкуры мешок — «торсык». «Торсык» с содержимым обычно выстаивался около суток, молоко бродило. Затем его взбалтывали и держали еще 10—12 часов. После этого «кымыз» был готов к употреблению. Как правило «торсык» не пересыхал от «кымыза». Если в нем оставалось мало кумыса, то в него добавляли свежее молоко и вновь взбалтывали и оставляли, чтоб лучше заквасилось. Употребляли кумыс как тонизирующий, а при специальной долгой выдержке, как алкогольный напиток. Он ценился своими целебными свойствами, о которых очень высоко отзывались не только русские, но и иностранные путешественники и специалисты. Известный своими наблюдениями над жизнью ногайцев А. Архипов в центральном журнале о ногайском кумысе опубликовал отдельную статью²¹. Он очень подробно описал процесс приготовления кумыса, остановился на его целебных качествах. Если кумыс хранили долго, то его обычно держали в специальных кожаных бурдюках (саба). Употребляли кумыс как лекарство против легочных заболеваний. Помимо этого, по сообщению Матвея Меховского, написавшего свою работу в 1517 году, кумыс у ногайцев употребляли и от желудочных заболеваний²². На такие целебные качества кумыса обратили внимание и врачи. Об этом свидетельствует то, что врачи курортов Пятигорска, согласно имеющимся в нашем распоряжении документов, в XIX в. прописывали больным пить кумыс в свежем виде. А чтобы приготовить кумыс, администрация курортов приглашала ногайцев. Хозяева со своими лучшими кобылицами, по договоренности с местными властями, выезжали весной из аулов Тохтамыш, Нижне-Мансуровский и прибывали в курорты. Целое лето они жили здесь, обслуживая боль-

ных, а поздней осенью возвращались в родные аулы²³.

Из шкуры лошадей, как мы отмечали, выделявали отличную кожу, которая шла на изготовление различного вида обуви. Кроме того, изготовляли высококачественные ремни. Хвост и грива служили для изготовления волосяных арканов. Они служили в хозяйстве для различных целей и по крепости не уступали любим фабричным.

Важное место в экономике семьи занимали доходы от разведения крупного рогатого скота. «Главное занятие ногайцев состоит в размножении рогатого скота, овцеводства и коневодства»²⁴, — писал А. Павлов. Характеризуя крупный рогатый скот, в частности коров, он пишет, что у ногайцев «рогатый скот может похвастаться лучшим противу Великороссийского, исключая холмогорского»²⁵. Видимо, говорить подобное можно было, зная, что ногайские коровы веками привыкали к суровым климатическим условиям и кочевничеству. У степных ногайцев скот почти целый год находился на подножном корму. Только в зимние дни загоняли его в огороженные от ветра и холода помещения. За скотом ухаживали мужчины, женщины же доили коров, приготавливали из молока различные продукты. Скот богача пасли наемные батраки, а общественный скот пас пастух «туваршы». Оплата за труд была по договоренности. Трудно жилось батракам баев, которые получали за свой тяжелый труд мизерную оплату в виде одежды, питания. Если в стаде богача пропадала корова, то пастух мог вовсе лишиться оплаты.

Развитие животноводства шло экстенсивным путем. Как мы отметили, у степных ногайцев скот пасли в степи, у кубанских ногайцев было отгонное скотоводство. «Они (кубанские ногайцы — Р. К.) по мере надобности в пастбищных местах для своего скота перекочевывают весною по реке Малому Зеленчуку; летом в горы, а на зиму опять возвращаются в обыкновенное место своего жительства»²⁶, — читаем в одном из документов, относящихся к 1802 году.

Количество голов крупного рогатого скота колебалось в зависимости от климатических условий. Документы частично донесли до нашего времени в какие годы, у какого подразделения было сколько голов скота. Например, караногайцы в 1837 году имели 62028 голов²⁷, а в 1872 году уже 35693²⁸, и 1914 — 33770 голов²⁹. Кроме того, следует заметить, что большое количество скота сосредоточивалось в руках баев, а основная масса народа имела скот лишь для прожиточного минимума. По сообщению Ф. И. Капельгородского 235 человек баев из степных ногайцев, то есть всего 4 процента от общего населения, имели 900 верблюдов (99%), 10000 лошадей (70%), 13400 крупного

рогатого скота (40%), 90530 овец (55%), а 9 процентов населения не имели ни одной головы скота³⁰. Подтвердим это несколькими примерами из архивных документов. Ногайцы из Джембойлуковского подразделения: Мусса Соинчалиев имел 142 лошади, 53 коров, 870 овец, 15 коз; Муталир Ильясов — 45 лошадей, 44 коровы, 940 овец, 12 коз; Байтемир Сулейманов в 1867 году имел 4 верблюда, 1808 овец, 20 коз, а большинство населения имело лишь 2—3 коровы, овец, верблюдов, коз вовсе не имели³¹. В конце XIX века и в начале XX века в ауле Нижне-Мансуровском своими богатствами были известны И. Карасов и И. Найманов, а в ауле Ураковском Келемет Туганов³². Их тучные стада паслись в богатых травами долинах рек Малого Зеленчука и Кубани. В то же самое время сотни из аульчан не имели ничего, кроме одной коровы. В одном из архивных документов есть вывод, что «изобилие у богатых — одно скотоводство, но значительная часть или вовсе не имеет по бедности своей такового, или в малом количестве»³³.

Какую же выгоду имели ногайцы от разведения крупного рогатого скота? Прежде всего хочется подчеркнуть, что ногайцы пополняли семейный бюджет за счет продажи топленого или сливочного масла. Разумеется, сливочное масло вывозилось в близлежащие города или станицы, где существовали базары и его охотно меняли на изделия городских ремесленников, продав, покупали изделия фабричного, заводского изготовления. В год ногайцы продавали около 200 тысяч пудов масла или «выменивали холст, сукно, хлопчатую бумагу, нефть»³⁴. А. Равинский писал, что ногайцы привозят в Ставрополь и продают кожу домашних животных, зверей, изловленных во время охоты, войлок, верблюжью шерсть»³⁵. Помимо масла из молока приготавливали различные виды сыра. Самым распространенным среди них был «пыслак», весьма схожий с брынзой. Мы говорим схожий с брынзой, так как обычно брынзу приготавливали из овечьего молока. Ногайский «пыслак», как правило, приготавливали ежедневно из свежего коровьего молока. Для закваски употребляли сычуг молодых овец. Лучшим считался сычуг совсем из молодого ягненка. Но его специально из-за сычуга резали редко. Назывался он «маялык». Молоко наливали и оставляли до поры, пока оно створожится. Затем руками сдавливали образовавшийся сгусток, вынимали его и ставили на специальную деревянную доску, где из сыра выдавливали сколько можно сыворотку «сарысу», придавали определенную форму и оставляли на полчаса, чтоб сыр чуть затвердел. После этого «пыслак» складывали, присыпали солью. Высокими вкусовыми качествами отличается другой вид сыра — «матакоя». Он приготавливал-

ся описанным способом, но после выжимки сыворотки его коптили. Копченый сыр, как и «пыслак», широко потреблялся с ногойским чаем. Разновидностью сыра была «созба» (букв. тянущийся). Из молока также приготавливали: «каймак» — сливки, «иримшик» — творог, «курут» — выжимки из кислого молока, «йюурт» — кислое молоко, «елдирмеш» — оставляемый после кипячения айрана сгусток, «айран» — (букв. выделенное) т. е. пахта — оставшаяся после выделывания из сметаны масла жидкость, «авырша» — подсоленный «йюурт» с чесноком, «сузьбе» — сырковая масса. Известен и другой вид айрана — напиток из кислого снятого, коровьего молока. Особой популярностью среди них пользовались «айран» и «йюурт», которые потреблялись как жароутоляющие напитки. «Йюурт» — весьма распространенное изделие из молока, характеризовалось целебными качествами. Следует заметить, что «йюурт» известен многим народам, начиная с Болгарии и кончая Индией. Называется оно как и у ногойцев «йюурт»³⁷. Отличными вкусовыми качествами из молочных продуктов выделялся «каймак». Получали его следующим образом. Выдоенное молоко в кастрюле ставили на теплую печь, а в летнее время на солнце, оставляли часа на два — три. Затем охлаждали. Образовавшийся верхний слой молока снимали и клали в деревянную миску. В свежем виде он был по цвету желтоватый и очень нежным при употреблении. Если «каймак» стоял долго, то вкус принимал слегка кисловатый оттенок. «Каймак» ели с мамалыгой «баста», с хлебом. Он также служил приправой для ногойского чая. Из «каймака» готовили сливочное масло «сары май». «Каймак» вливали в «куьби» — высокая узкая кадушка, обтянутая железными обручами. Сбивали специальной деревянной мутовкой «пскек». Сливочное масло потом могли вскипятить и получался «кайнатылган май» — топленое масло. Оставшийся после топления осадок «торта» ели с хлебом или мамалыгой. Таким образом молочные продукты употреблялись как членами семьи, так и вывозились для продажи на рынки, чем пополняли семейный бюджет и укрепляли экономическую основу семьи.

Однако мы недостаточно осветили бы вопрос, если бы не сказали о тех предметах широкого потребления, которые изготовлялись из кожи крупного рогатого скота. Шкуры, после обработки, продавали³⁸, а часть оставляли для изготовления обуви, сбруи, ремней и т. д. По сообщению О. В. Маргграфа ногойцы шили сапоги, галоши³⁹. Сапоги (атув, этик), а также ботинки (баьпиш), шили дратвою. При этом подошва подшивалась к лицевой стороне вывороченной внутрь. Обычно натягивали кожу

на колодку, а после подшиванья колодки вынимались, сапог выворачивался налицо и к нему прибавали подбой. Дратва сучилась самими сапожниками из выдернутых нитей холста или другой ткани и просмаливалась. Шили обычно в два, так называемых, двойных конца. Разница от общепринятой была в том, что на концах дратвы щетина не всучивалась. По наблюдению О. В. Маргграфа хорошие специалисты сшивали одну пару сапог за полтора дня. Из кожи также изготовляли различные сафьяновые бумажники, мешки для хранения «спиртового напитка из молока» и т. д. Бумажники из сафьяна шились женщинами для продажи. Для их изготовления употребляли обрезки сапожного материала. Кожу использовали для изготовления кожаного ведра «кавга». Оно было очень удобно для кочевого образа жизни. По словам О. В. Маргграфа, ведро, употребляемое кочевниками, служило примером того, как ногайцы умели утилизировать продукты скотоводства, заменяя ими дерево и железо⁴⁰. «Кавга» шилась из кожи быка или буйвола в виде мешка, края которого натягивались на деревянный обруч. «Кавга» была тем удобна, что в глубоких степных колодцах она не оббивала деревянного сруба, но в то же время сразу извлекала от 3 до 5 ведер воды.

Важным источником для пополнения семейного бюджета служило овцеводство. Ногайцы были известны как искусные овцеводы. Огромные степи позволяли держать овец в большом количестве. Только в одном Караногае в 1872 году овец было 106300, в 1882 году—122600, в 1892 году—130400, в 1902 году—250500 и в 1912 году—164600 голов⁴¹. Разумеется, основная масса скота была сосредоточена в руках богатых, а тысячи людей влачили тяжелую долю бедняка. Ф. И. Капельгородский, например, отмечал, что «скотоводство сосредоточено в руках крупных хозяев». Хозяева сами в большинстве ухаживали за овцами. Крупные баи пользовались наемным трудом. Овец пасли с ранней весны до поздней осени. В степях по возможности пасли и зимой. Стригли овец весной, в конце апреля, в начале мая. Осенью стригли ранних ягнят (токлы), имевших уже хорошую шерсть. Большая часть шерсти шла на обмен на другие товары, а также на продажу. Часть шерсти шла на собственные нужды. Особой популярностью пользовалась курдючная порода ногайских овец. Курдючный жир продавали в большом количестве на базарах. Из шерсти изготовляли различные изделия. Для собственной нужды и для продажи изготовляли войлок (кийиз). Процесс его изготовления был очень трудоемким. В народе была известна поговорка «не бек арыгансып, кийиз эткесинъме? (Что ты так сильно устал, наверное войлок изготов-

лял?) Об изготовлении войлока написал Б. Б. Кочекаев⁴³. Изготовить войлок могла каждая ногайская женщина. Ногайский войлок высоко ценился. О. В. Маргграф писал, что ногайский войлок был предпочтительнее «по качеству и ценности»⁴⁴. Войлок использовали для различных целей: обтягивали юрту, стелили на пол и т. д.

Шерстяная ткань шла на изготовление ковров (куьйиз), которые были обязательной принадлежностью интерьера комнаты. Ковры украшались различным орнаментом: «бака коьз» (лягущачьи глаза), «куман бав» (куманский шнурок), «кувыршак бас» (голова куклы), «кошкар муьйиз» (бараний рог), «каншалы тамга» (форма ножниц), «коюн кулак» (уши зайца), «казгир бас» (держак лопаты), «кулынтуяк (копыта жеребенка) и т. д. У ногайцев были известны узорчатые ковры — «оьрнекли куьйиз» и «оювлы куьйиз». Первые изготовлялись методом аппликации, т. е. нашивали орнамент из тонкой кошмы. Вторые изготовляли уже из разноцветной шерсти, раскладывая ее по определенной последовательности, а потом «усаживали» шерсть по всей плоскости.

Из шерстяной ткани изготовляли одежду. Предварительно из шерсти ткали сукно (шуга). Для изготовления сукна лучшего качества применяли шерсть яркок (токлы). Шерсть очищали от разных трав, затем ее чесали на специальном приспособлении «юнтарак». Нити получали посредством веретена (уршык). Ткацкий станок был типичным для Северного Кавказа. Исследователь О. В. Маргграф писал, что ногайское сукно «охотно берут за его прочность и толщину крестьяне Ставропольской губернии и казаки Терской области»⁴⁵.

Продажа изделий из шерсти составляла одну из статей бюджета семьи. Ногайцы продавали шерстяные переметные сумки (куржын), мешки (дорба), различные ленты, башлыки (башлык). Согласно исследованию С. Ш. Гаджиевой, ногайский башлык по своей форме близок к шлемовидным головным уборам древнего жителя Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., а также с головным убором гуннов⁴⁶.

Определенный доход получали и от продажи войлочной шляпы (кийиз боьрк). Поля ее были широкие, иные опускали, иные изготавливали чуть загнутыми вверх. Края шляпы, ее тулью обшивали в большинстве случаев самодельной тесьмой.

Таким образом, скотоводство давало ощутимую прибыль народу. Скотоводство не только кормило, обувало, одевало ногайцев, но излишки шли на рынок. В обмен на продукты животноводства народ покупал изделия фабричного и заводского характера.

Вместе с тем, занятие скотоводством было очень затруднено многими причинами. Главной среди них, видимо, следует считать заготовку кормов на зиму. Хотя ногайские скотоводы на зиму заготавливали достаточное количество сена, тем не менее его часто не хватало. Некоторые из немногих исследователей быта ногайцев неверно истолковывают данный вопрос. Мы считаем, что вряд ли права Л. Н. Кужелева, когда пишет, что сена «ногайцы на зиму для скота и н и к о г д а (разрядка моя — Р. К.) не заготавливали»⁴⁷. Данное мнение опровергается многими архивными и другими источниками. Вот некоторые из них. В донесении графа Гудовича в 1808 г. российскому императору отмечено, «ногайцы довольно трудолюбивы, сеют всегда в надобном для себя количестве... изготовляют к зиме весьма достаточно для скота сена»⁴⁸. А. Твалчрелидзе в 1897 г. писал о населении аула Канглы, что они «в довольно большом количестве ежегодно продают сено дома и на базарах в Пятигорске»⁴⁹. Архивный документ указывает, что ногайцы продавали сено на месте за арбу по 50 и 60 копеек серебром⁵⁰. Сообщения середины XVIII века свидетельствуют, что в Крым ежегодно ввозилось более 200 тысяч германских кос и из них много покупалось ногайцами⁵¹. Д. Шлаттер писал, что «есть специально выделенные места, где обычно не пасут скот — это для сена»⁵². Современный исследователь А. А. Шенников пишет, «что у ногайцев были специальные дворы для хранения сена и кормления скота»⁵³.

Как мы выше отметили, животноводство в исследуемое время давало уже меньше дохода, чем в былые годы. Одной из причин сокращения числа скота были долгие суровые зимы, бураны, которые заставляли десятки и сотни людей бедствовать. В 1898 году в газете «Кубанские областные ведомости» было написано, что в ногайских аулах «с октября месяца снег глубоким слоем покрыл окрестные степи, загнал скотину на домашний корм», сено и солома давно кончились, а «тощий вожишко (сена — Р. К.) достигает до 7 рублей и поэтому один продает корову за полны, другой режет одну за другую, третий срывает с дома и преподносит это пыльное и затхлое сено и солому отощавшей скотине»⁵⁴. А в другом источнике читаем, что в марте того же года «несмотря на весенний месяц, идет снег, сено кончилось и нет ни одного, который не пострадал бы»⁵⁵. Положение усугублялось еще и тем, что зимой бывали снежные бураны, известные в народе под названием «ютлык», «джут», уносившие тысячи голов скота. Ф. И. Капельгородский писал, что «иногда разыгрываются снежные бураны и губят огромное количество скота; в 1911 году от стужи и бескормицы погибло 19 верблюдов, 1692 лошади, 2365 голов крупного ро-

гатого скота и 5528 овец»⁵⁶. В ведомостях, содержащих сведения о числе погибших в течение зимы 1829 года отмечалось, что у караногайцев погибло 6931 лошадь, 7636 крупного рогатого скота, 28345 овец; у джембойлуковцев и калаусовцев 1749 лошадей, 1600 крупного рогатого скота, 2152 овец; у касаевцев, мангытовцев, едишкульцев 450 лошадей, 2482 крупного рогатого скота, 2076 овец, т. е. в общей сложности — 57538 голов⁵⁷. Еще в XVII веке доминиканец Эмиддио Дортелли де Асколи писал, что «в зимнее время погибло великое множество скота»⁵⁸. Разумеется, в итоге буранов и других невзгод в большинстве страдал простой народ, так как у него погибали и оставшиеся несколько голов скота. На уменьшение количества скота указывают и следующие данные. В 1868 году на одного жителя ногайских аулов Зеленчукского округа приходилось овец — 3,9, крупного рогатого скота — 2,5, лошадей — 1,1⁵⁹, а в 1911 году приходилось овец — 2, крупного рогатого скота — 1, лошадей — 0,3⁶⁰.

Трудность содержания скота усугублялась эпизоотией (оьлет), сибирской язвой (абырсын), ящуром (силекей мараз). Хотя следует заметить, что по мнению многих наблюдателей ногайцы в уходе за скотом и лечении его не уступали ветеринарам⁶¹. В народе были известны более двадцати способов лечения. Для лечения особенно были популярны травы ювсан (полынь), янтак — (верблюжья колючка), камбак — (перекати-поле) и т. д. Народных ветеринаров называли «эмшилер». «Средства у них простые: смола, скипидар и различные травы, собираемые ими на степи»⁶², — писал А. Павлов о народных ветеринарах. Однако, как бы народные умельцы не были искусны в ветеринарии, тем не менее они против многих болезней были бессильны.

Видимо, следует считать, что трудность содержания скота, ограничение в пастбищных угодьях способствовали ограничению скотоводства и переходу маломощных хозяйств к земледелию. Достаточно подробно причины перехода степных ногайцев к земледелию рассмотрел Б. Б. Кочекаев. К отмеченным нами причинам он добавляет «...к ухудшению экономического положения ногайцев приводила и все растущая колонизация Северного Кавказа»⁶³. В целом хозяйство ногайцев не становилось чисто земледельческим. Как мы отметили, оно было комплексным. По-прежнему скотоводство продолжало составлять важную основу экономики семьи. Продукты животноводства: шерсть, мясо, молоко потреблялись в семье, а излишки вывозились на ярмарки. Но сокращение поставок этих продуктов было уже заметным. Сошлемся на пример. Если в середине XIX в. ногайцы за год продавали скот на сумму от 100 до 175 тысяч руб-

лей, шерсти на 30 тыс. рублей⁶⁴, то к началу XX века оборот Отрадненской и Баталпашинской ярмарок, где помимо ногайцев участвовали и другие народы Северного Кавказа, едва превышал 30 тысяч рублей⁶⁵.

Важную статью в экономике семьи составляли доходы от занятий земледелием. Известно, что ногайцы начали заниматься земледелием издавна. В документе 1492 года читаем, «...а нынче, государь царев человек приехал из Орды (ногайской — Р. К.), и он рассказывает, что орда пашню пахала на Куме»⁶⁶. А в другом докладе Российскому императору в 1844 году было написано: «Ногайцы с большим усердием занимаются земледелием и сеют пшеницу в большом количестве»⁶⁷. А. Сергеев, характеризуя ногайцев, живших в Таврической губернии, писал: «Они сделались не только хлебоборобами, но и стали записываться в купцы и мещане. В 1846 году в Ногайске было 10 купцов 3 гильдии и 4 мещанина из ногайцев»⁶⁸.

В исследуемый период земледелие приняло широкие масштабы. И. Бентковский писал, что «ногайцы с успехом занимаются земледелием, сеют озимую и яровую пшеницу, просо, ячмень и овес»⁶⁹. Он же отмечал, что «зерновой хлеб ногайцы сохраняли в земляных обожженных ямах, а весь излишек продуктов сельского хозяйства сбывали на ближайшем Ставропольском рынке или на месте армянам и разным скупщикам для экспорта в Ростов, Нахичевань. Следует заметить, что пшеница их была всегда тяжеловеснее и лучше очищенная, чем у русских поселян и потому всегда ценилась выше»⁷⁰.

С земледелием у ногайцев были связаны и многие обряды. В обрядах ногайцев, связанных с земледельческим бытом, прослеживаются элементы, возникшие в древности. Одним из них следует считать «навруз байрам». «Навруз» — по-ногайскому календарю название первого весеннего месяца — март. «Навруз ай», т. е. месяц у ногайцев был связан с началом земледельческих работ. В этом месяце устраивали праздник «навруз байрам», возникший в доисламское время. Затем устраивался земледельческий праздник «сабантой» (праздник плуга). Данный праздник знаменовал собой обновление природы, пробуждение ее от зимней спячки. Праздновали его в день весеннего равноденствия «куьнделим».

Праздник «сабантой» отмечало все население. В назначенный день недалеко от аула к холму приносили заготовленные заранее продукты. С утра приводили купленных в складчину бычков, баранов, которых специально назначенные люди резали и готовили национальные блюда. В котлах готовили ногайский чай, в кадушках стояли кислое молоко, айран, буза. К холму со-

биралось все население аула. Как правило, на возвышении сидели старейшие почетные люди аула, лучшие пахари сезона. Избирался «хан», который вел торжества и «ханий» — ханша. Ему подчинялись все. «Хан» провозглашал об открытии праздника. Выступал почетный старик аула, он же проводил первую борозду. Одаривались лучшие пахари прошлого сезона. Состязались борцы, силачи, конники, музыканты, певцы. Таким образом начало полевых работ отмечалось торжественно, при стечении большого количества людей.

Пахота земли начиналась в марте, а если весна была ранней, то и в феврале. В плуг впрягали волов. Их количество зависело от грунта почвы, конструкции плуга (сабан). Например, И. Г. Георги писал, что «пашут плугами, запрягая в них от 4-х до 8 волов»⁷¹, а Д. Шлаттер сообщает, что запрягали 10—12 волов⁷². Работа в поле считалась мужской. Однако у бедняков участие в полевых работах принимали и женщины.

Земледелие носило залежно-переложный характер. Источенные земли оставляли «гулять» 2—3 года, а под сев выбирали новые участки. В засушливых степях ногайцы орошали землю. Для полива полей использовали поливное колесо, известное у ногайцев под названием «шыгыр»⁷³. Оно приводилось в движение лошадьё. При уборке колосовых использовали серп (орак), косу (шалгы). Косили, как правило, мужчины, а участвовавшие на уборке женщины обычно собирали снопы (куьлте) в одно место. Молотили следующим способом. Снопы раскладывали на вычищенной площадке, по ним лошади раскатывали катки. После долгого прокатывания солому (тобан) убирала. Чтобы отделить пшеницу от половы, провеивали на ветру. По сведениям Д. Шлаттера ногайская пшеница была крупной, прозрачной⁷⁴. Хранили пшеницу в специальных ямах (оьр). Для этого стенки ямы обмазывали глиной, давали ей высохнуть, затем насыпали пшеницу, сверху накрывали сеном или соломой, потом уже набрасывали землю. И. Г. Георги сообщает и о другом способе хранения зерна ногайцами. Он пишет, что молотое просо в котлах зарывали в землю⁷⁵.

В конце XVIII века ногайцы сеяли просо, ячмень, пшеницу, изредка лен, коноплю, некоторые огородные растения, табак, а иногда «сорочинское пшено» (рис)⁷⁶. О занятиях жителей Тохтамышевских аулов хлебопашеством доносил в 1835 году пристав этих аулов поручик Зерген. Он писал, что население сеет просо, пшеницу, кукурузу⁷⁷. Ногайцы собирали в исследуемое время достаточное количество зерна. Были даже излишки, которые продавали соседним народам. Например, в 1822 году соседние кабардинцы закупили у ногайцев немалое количество

зерна⁷⁸. По сведениям И. Бентковского, в 1845 г. у ногайцев под различными посевами было занято до 7 тысяч десятин земли⁷⁹. Хлебопашество к середине, особенно к концу XIX века еще более расширилось. Если в 1889 г. по Баталпашинскому отделу, где жили и кубанские ногайцы, которые заселяли в основном зерновые районы, было собрано 298.675 четвертей хлеба, то в 1915 году уже 1.295.857 четвертей хлеба⁸⁰.

Землепользование у ногайцев к концу XIX века было наделным. Надел участками земли происходил по числу душ мужского пола в семье. Но размеры душевого надела с каждым годом сокращались. В ауле Тохтамышевском в 1894 году душевой надел составлял 8,2 десятины, а в 1915 году уже до 6,1 десятины⁸¹. Существовало и арендное землепользование. Выгодно используя безвыходное положение маломощных семей, местные богачи арендовали у них землю по очень низкой цене⁸².

В 1861 году в России была проведена крестьянская реформа. Но она не облегчила участи бедных слоев населения. Характеризуя реформу, В. И. Ленин писал: «Крестьяне вышли «на свободу» оборванные до нитки, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»⁸³. В то же время в Кубанской области днем официального освобождения крестьян было объявлено 1 ноября 1868 года. Но в течение ряда лет крестьяне отработывали свой выкуп. В руках богачей остались крупные землевладения. «Порой целый аул с большим населением ютился на меньшем участке, чем тот, которым владел князь или новый землевладелец, получивший землю за свою службу царизму»⁸⁴, пишет В. П. Невская.

Крупными ногайскими землевладельцами в середине XIX века были князья: Мусса Туганов, Элмурза Канмурзин, Берслан Туганов, Балта Ахлов, Алакай Мансуров, Мурзабек Нобек-ков, Келамбет Ураков, султаны: Салимгерей Безреков, Девлетгирей Сафатгиреев, Шахангирей Саламатгиреев⁸⁵. Под властью князя Ислама Бодракова было 380 дворов, князя Калагирея Карамурзина 190 дворов. Они же имели право держать «за всеми делами народными наблюдение, и каждое решение их принимается вроде законного, они вмешиваются во все дела своих и как старейшины имеют за всеми наблюдениями»⁸⁶.

В то же время в 80-е годы было много бедняков, не имевших ни земли, ни скота. Имевшие же клочки земли бедняки часто страдали из-за неурожая. Например, в 1868 году большинство жителей аула Карамурзинского пострадало от неурожая, а многие не собрали даже семян⁸⁷. Очень много было

безлошадных крестьян. Так, в 1885 году среди ногайцев Кубани 1287 человек не имели ни одной лошади, 2269 — по 1 лошади, 31 от 25 до 50, а отдельные богачи, у которых были и огромные плодотворные земли, имели по 500—600 лошадей⁸⁸.

Встал вопрос и о выделении земли для общинного пользования. Однако эксплуататоры и здесь сумели решить вопрос в свою пользу. Обычно под общинное пользование выделялась очень плохая и неудобная для аулов земля. Многие бедняки жаловались высшему начальству, в надежде, что оно сможет помочь им. Одними из таких были жители Балтинского аула, которые в своей жалобе писали, что отмежеванная на общее пользование земля «малая, тесная, гористая, каменистая и неудобная по малому произрастанию ни для хлебопашества, ни для сенокосения»⁸⁹. Помимо того, что беднякам отводилась плохая земля, ногайские мурзы и князья, пользуясь установленными обычаями, и в общинных землях имели право пасти скот, косить сено. Аналогичное явление в эту пору было не только у ногайцев, но и у соседних народов, например, адыгов⁹⁰. К этому следует добавить и то, что «по существующим обычаям простой народ, занимаясь хлебопашеством на земле свободной или принадлежащей князьям, должен был в виде платы за землю вносить князьям известное количество проса или других засеваемых продуктов»⁹¹. Многие же крупные владельцы земли и скотовладельцы, используя свое положение в обществе, любыми способами старались повредить беднякам, поставить их в безвыходное положение. Они тривиали посевы бедняков, захватывали и угоняли скот. При проявлении бедняками недовольства, представлении иска на возмещение нанесенного ущерба, они могли быть жестоко избиты и разорены.

Проведенная реформа несколько не улучшила положение бедняков. Они по-прежнему влачили жалкое существование, жили впроголодь. Многие бедняки помимо земледелия и скотоводства занимались ремеслом, уходили на заработки в города. Ногайцы, как и все народы Северного Кавказа, постепенно начали втягиваться в сферу капиталистических отношений. Характеризуя сложившуюся на Кавказе ситуацию, В. И. Ленин писал: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из поэтического национального костюма в костюм европейского лакея (Гл. Успенский)»⁹². Капитализм начинал медленно, но неуклонно проникать в хозяйство гор-

цств, в том числе ногайцев. Капиталистические отношения ломали патриархально-феодальный уклад в жизни горцев, нарушали веками устоявшиеся нормы старого быта. К прежнему ассортименту товаров скотоводческого и земледельческого промысла, поставляемого ногайцами, прибавились различные товары домашнего ремесла. Укреплялись экономические связи не только с соседними народами, но и с другими народами России. В этом отношении большую роль сыграла открытая в 1875 году Ростово-Владикавказская железная дорога. А. Твалчредидзе, описывая аул Канглы, писал, что ногайские купцы закупают у односельчан пшеницу, затем «хлеб отправляется через станцию «Минеральные Воды» Владикавказской железной дороги в Ростов»⁹³.

Развивались товарно-денежные отношения, которые разрушали веками устоявшуюся патриархальную замкнутость и натуральный характер хозяйства ногайцев. Помимо этого, проникновение в ногайскую экономику капиталистических отношений углубило в конце XIX и начале XX века классовое расслоение ногайского общества. Теперь это расслоение шло не по признаку родословной именитости и знатности, а по принципу наличия богатства. Поэтому многие князья и мурзы, родословная которых уходила корнями в глубокую древность, ранее имевшие высокий авторитет в обществе и владевшие крупными стадами скота и землями, теперь разорились. Часты были случаи, когда «некоторые из них по бедности стали наниматься к простым... ногайцам».⁹⁴ В то же время некоторые хозяева, ранее не имевшие ни высокого звания, ни богатства, приспособивая хозяйство к потребностям рынка, постепенно превращались в крупных богачей. Вкратце рассмотрим какими же товарами торговали ногайцы в середине XIX века и в пореформенный период, когда усилились капиталистические отношения.

Товарообмен особенно усилился к середине XIX века. Основными предметами купли у ногайцев были металлические изделия, ткани, льняные русские полотна, персидский ситец, шелк в нитках, сафьян, иголки, гвозди. Важную роль в товарообмене играл Баталпашинский меновый двор, об открытии которого ходатайствовал ногайский мурза Эдиге Мансуров. От имени ногайцев он в 1822 году писал, что «просят об учреждении при Баталпашинском карантине менового двора на соль, обещаясь нужный лес на построение для сего дома сами доставить»⁹⁵. В письме, как видим, сделана даже оговорка, что нужный лес привезут сами ногайцы. Видимо, не зря упомянута соль, как один из самых необходимых видов продукта в хозяйстве ногайцев. Соль была первой необходимостью в хозяйстве: она требова-

лась для сушки и приготовления мяса впрок «комгазы», обработке кожи и т. д. О том, что ногайцы потребляли соль в огромном количестве говорит письмо начальника Невинномысской карантинной заставы от 1850 года, где написано: «Годовая потребность казенной соли для закубанских ногайцев... должна простираться до десяти тысяч пудов»²⁶

Как уже было сказано, кубанские ногайцы занимались скотоводством. Большая часть ногайцев жила в степях, также занимаясь скотоводством. Поэтому смело можно сказать, что ногайцы в год потребляли десятки тысяч пудов соли. Цена же соли была очень высокой. Об этом говорит хотя бы то, что соль «должна была цениться в 2 рубля за пуд, за неимением денег у горцев, соль следует менять на мед, сало, масло и прочее, по расчету за 1 пуд меду 4 пуда соли, за 1 пуд воска 10 пудов соли»⁹⁷. На Невинномысскую карантинную заставу ногайцы вывозили лес, которого было продано лишь за год на 5694 рубля, дубовой коры — на 1120 рублей и коровьего масла — на 980 рублей⁹⁸. На соль меняли четыре меновых двора — Усть-Лабинский, Прочнокопский, Невинномысский, Баталпашинский. По сообщению анонимного автора в 1848 году на эти меновые дворы «ногайцы, кабардинцы, осетины и другие «мирные туземцы» пригоняли скот и лошадей, везли лес, кожу, меха, овчины, воск, мед, сукно, бурки, войлоки и другие свои изделия»¹⁰⁰. В марте месяца 1853 года на Баталпашинском меновом дворе кроме овчин, буроков, черкесок, было продано ситца 12000 аршин, бязи — 3000 аршин, платков — 50 штук, сундуков — 88 штук, медных тазов — 60 штук¹⁰¹.

Как видим, роль меновых дворов была огромна. Здесь устраивались ярмарки. Через их посредство происходило взаимопроникновение товаров разных народностей Северного Кавказа, а в быт этих народов проникали товары других народов России. Меновые дворы играли другую роль. Она заключалась в сближении народов Северного Кавказа и России, взаимопроникновении культурных ценностей.

Теперь остановимся на других статьях, составлявших экономическую основу семьи. Здесь, как нам кажется, следует прежде всего заострить внимание на огородничестве и садсводстве, которые играли немаловажную роль в пополнении бюджета семьи. Выращивали капусту, помидоры, арбузы и другие огородные культуры. Разумеется, огородничеством занималось не все население. Да и не везде было выгодно им заниматься. Природные условия позволяли больше заниматься огородничеством кубанским ногайцам и ногайцам, жившим на Приазовье.

В песне о переселении в Турцию, народ с горечью говорит о покинутых огородах, где растут помидоры, капуста, которых теперь никто не уберет¹⁰². Д. Шлаттер писал, что ногайцы выращивают в огородах табак, лук, чеснок¹⁰³.

Дополнительный доход давало и занятие садоводством. Атаман Баталпашинского отдела полковник Братков в 1898 году в письме к аульным старшинам отдела, после проверки состояния аулов, писал: «...выражаю мою признательность обществу селения Мансуровского за стремление к разведению во дворах своих садов» и советовал другим аулам брать пример у мансуровцев¹⁰⁴.

Некоторую дополнительную добавку в бюджет семьи ногайцы получали и от занятия пчеловодством. Обширные степи, леса были местами, где росли отличные медоносы. В 1868 году число ульев в ногайских аулах было: в Тохтамышевском — 230, в Балтинском — 217, в Мансуровском — 47, у владельцев Туганова — 187, Ахлова — 157¹⁰⁵ и т. д.

Из побочных занятий, которые также дополняли бюджет семьи, видимо, нужно отметить охоту и ловлю рыбы. В бескрайних степях, а также лесах водилось множество разных промысловых диких зверей: волков, лис, зайцев и т. д. Еще в XVII веке Жан де Люк писал, что у ногайцев «обширные хорошие пастбища. Очень много водится у них скота, диких лошадей, медведей, лисиц. Ногайцы много их бьют и продают шкуры. Турецкие и армянские купцы являются сюда делать запасы его и снабжают им Константинополь»¹⁰⁶. Другой путешественник А. Я. Стрейс сообщает: «Ногайские татары промышляют ловлей рыб и птиц, разведением скота и охотой. У них большие и сильные коровы, жирные овцы с толстыми хвостами, весом в 20 с лишним фунтов»¹⁰⁷.

В исследуемое время, разумеется, масштабы охоты не были так обширны как в прошлые времена. Тем не менее охота еще была в большом почете у народа. Были специальные люди «аньшы», занимавшиеся охотой. Для охоты, помимо стрел, в конце XIX века, затем ружей в конце века, охотники использовали собак и беркутов. Были такие охотники, которые загоняли зайцев, лисиц, волков на коне. Из шкур волков, лисиц изготавливали шубы, которые затем шли на приданое невесте.

Теперь постараемся охарактеризовать ремесло ногайцев в послереформенный период. Этому вопросу большое внимание в своей работе уделил О. В. Маргграф. Какими же видами ремесла занимались ногайцы в XIX—в начале XX вв.? Большим спросом пользовались изделия, изготавливаемые ногайскими женщинами из шерсти. «Из домашних женских занятий обращают

на себя внимание валяние войлоков, выделка шкур и курпеев и вязание из шерсти сум и мешков, а из мужских занятий — сапожное ремесло, устройство кибиток, свадебных и простых арб, шорное и седельное мастерство»¹⁰⁸, — писал Г. Ананьев. Женщины изготовляли ковры, шерстяное сукно, веревки, валяли чулки и т. д. Как пишет О. В. Маргграф: «Эти товары продаются исключительно на рынках и ярмарках»¹⁰⁹.

Мужчины изготовляли кибитки, седла, люльки, домашнюю деревянную посуду, циновки, сапоги и т. д. Кибиточным промыслом занимались искусные в своем деле кустари, удовлетворявшие спрос кочевого населения Северного Кавказа¹¹⁰. Большим авторитетом пользовались также специалисты — мастера (уста), которые строили дома из сырцового кирпича. Поскольку для строения в количестве, то строители быстро воздвигали дома. Ногайский жилой дом (уьй) был двухкамерным строением, имевшим проходную кухню (аят), сени с очагом (ошак) посередине и спальню. На улице имелась печь для выпечки хлеба. Здесь вообще следует заметить, что, изучая жилой дом ногайцев Причерноморья, А. А. Шенников пришел к выводу: «очевидно, ногайцы создали свой тип дома самостоятельно»¹¹¹.

В большом почете были кузнецы, которые ковали лемех для плуга, изготовляли различные железные предметы домашнего обихода. М. Цаголов о кузнецах пишет, что «они приготавливают для жителей сельскохозяйственные инструменты: топоры, плуги, лемеха, ножи и т. п.»¹¹². Он же отмечал, что в 1888 году в ауле Тохтамышевском было 2 кузнеца¹¹³. А в 1861 году в Ачикулак-Джембойлуковском и Едисанском приставствах насчитывалось: сапожников — 38, шубников — 30, шапошников — 32, серебряников — 3, кузнецов — 3, коновалов — 7, седельников — 7»¹¹⁴.

В связи с характеристикой экономической основы семьи, мы затронули и те вопросы, которые касаются семейного бюджета. В этой связи нельзя не сослаться на работу И. Л. Щеглова¹¹⁵, где он постарался показать экономику семьи ногайцев¹¹⁶. Однако в силу существовавших в царское время порядков автор, видимо, не мог быть объективным, так как, если верить ему, то среди ногайцев даже не было бедняков. По данным И. Л. Щеглова расход только на пищу в год для одной души составлял 49 руб. 46 копеек¹¹⁷. То есть, если в семье было 7—9 человек, то соответственно на них надо было расходовать 346 руб. 22 коп.— 445 руб. 14 коп. В то же время общая сумма всего дохода по определению И. Л. Щеглова «средней семьи» составляла 524 руб. 87 коп¹¹⁸. А ведь кроме питания надо было расходовать деньги на удовлетворение других запросов: покупку материала для одеж-

ды, тканей, сахара, помогать родственникам во время свадьбы, поминок и т. д. То есть, если даже согласиться с И. Л. Щегловым, доход семьи никак не мог удовлетворить запросы семьи и в минимальном.

В пореформенный период широко практиковался вольнонаемный труд. Он выражался в найме в батраки. Большая масса ногайцев уходила отходниками на промышленные предприятия, а также нанималась пастухами, рабочими у богатых ското- и землевладельцев. У степных ногайцев многие уходили работать на виноградниках зажиточных казаков. «Можно положительно сказать, что Кизляр растет и богатеет руками ногайцев»¹¹⁹ — писал пристав караногайского народа А. О. Рудановский в 1863 году, отмечая отходничество ногайцев.

Значительная часть населения занималась извозом. Кубанские ногайцы перевозили уголь из района Хумары в Ставрополь, Пятигорск и другие города Кавказа. «Перевозкой угля занимались главным образом жители ногайских аулов¹²⁰, — пишет В. П. Невская. Караногайцы перевозили казенные и купеческие товары в гг. Моздок, Астрахань, Владикавказ, Тифлис. В 1861 году пристав караногай-едишкульского народа доносил главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии, что многие заняты «в перевозке по подрядам провианта с пристаней..., обрабатывают по найму в Кизляре и уезде виноградные сады и береговые укрепления реки Терека. Во время покосов и жнитва занимаются работою в Пятигорском и Моздокском уездах и по станицам Кавказского казачьего войска ямщиками, пастухами. Занимаются ремеслами, выделявая из корней негноевого и кленового дерева чанаки, чашки и прочие домашние утвари, делают арбы, кровати, занимаются сапожничеством, выделяют из серебра и меди разные украшения мужские и женские»¹.

Таким образом, экономическая основа семьи была неустойчивой. Ведущее место в ее укреплении занимали скотоводство и земледелие. Но в силу обеднения широких масс, эти виды хозяйства не могли достаточно укрепить экономику семьи бедняков. Скотоводство было экстенсивное, зависимое от природных условий. Земледелие, которым больше занимались кубанские ногайцы, не давало должного пополнения в семейный бюджет семьи. К тому же основная масса населения была безземельна. Стабильный доход получали лишь богатые семьи, где эксплуатировался и наемный труд. Значительная часть степных ногайцев, где условия не позволяли заниматься земледелием, была и без скота. Домашние промыслы, отходничество, давая дополнительный доход, в условиях натурального хозяйства не могли в дос-

таточной мере укреплять экономическую основу семьи. Бедственное состояние усугублялось тем, что основная масса населения эксплуатировалась собственными князьями и мурзами, а также подвергалась гнету царских чиновников.

¹ Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — СЭ, 1973, №1, с. 102.

² Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.— Сб. Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 61.

³ Schlatter D. Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. Gallen und Bern, 1836, s. 275—278.

⁴ Архипов А. П. Домашняя ногайская утварь. — «Географические известия». 1850, № 1, с. 73.

⁵ Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб, 1842, с. 7.

⁶ Schlatter D. Op. cit., s. 187, 193.

⁷ Там же, с. 187.

⁸ Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань 1914, с. 279.

⁹ Засодимский П. Б. Татары-ногаи Ставропольской губернии.—Живописная Россия. Т. VII, ч. II. СПб. 1899, с. 84.

¹⁰ Равинский А. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии: по гражданскому и естественному их состоянию. СПб, 1809, с. 413.

¹¹ См. «Очерки истории Карачаево-Черкесии» Т. 1, Черкесск, 1967, с. 315.

¹² Полное собрание русских летописей. Т. XIII, СПб, 1904, с. 420.

¹³ Фехнер М. Ф. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, с. 90.

¹⁴ Отрывок из путешествия в Бухарию полковника барона Мелендорфа в 1820 и 1821 гг. — «Северный архив», 1824, № 3, с. 156.

¹⁵ ЦГВИА, ф. 13464, оп. 2, ед. хр. 196, с. 5.

¹⁶ Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. Алма-Ата, 1973, с. 65.

¹⁷ Капельгородский Ф. И. Караногай. ЗТОЛКС. Владикавказ, 1914, с. 51.

¹⁸ Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. 20, 1894, с. 16.

¹⁹ Schlatter D. Op. cit., s. 188.

²⁰ Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа.

²¹ Архипов А. Замечание о кумысе и айране. «Вестник императорского общества» за 1851 г., ч. II, с. 45—47.

²² Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936, с. 60.

²³ Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897, с. 51; П. 3., 1974, апрель.

²⁴ Павлов А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842, с. 27.

²⁵ Там же, с. 12.

²⁶ ЦГВИА, ф. 482, ед. хр. 192, л. 179.

²⁷ ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 70; д. 2819, лл. 5, 6.

²⁸ Капельгородский Ф. И. Указ. соч., с. 50.

²⁹ Там же, с. 50.

³⁰ Там же, с. 51.

- 31 ГАСК, ф. 249, оп. 2, ед. хр. 250, лл. 35—38, 48.
 32 П. 3., 1971.
 33 ГАСК, ф. 249, оп. 3., ед. хр. 3997, л. 37.
 34 АКАК, т. II. Тифлис, 1868, с. 974.
 35 Равинский А. Указ. соч., с. 484.
 36 Линде Г. Кноблех Х. Приятного аппетита. М., 1974, с. 12, 225.
 37 Подробнее об обработке см. Б. Б. Кочекаев. Социально-экономическое и политическое развитие..., с. 105.
 38 Маргграф О. В. Указ. соч., с. 173.
 39 Маргграф О. В. Указ. соч., с. 175.
 40 Капельгородский Ф. И. Караногай..., с. 51.
 41 Там же, с. 52.
 42 Кочекаев Б. Б. Социально-экономическое и политическое... с. 99—100.
 43 Маргграф О. В. Указ. соч., с. 47.
 44 Там же с. 97.
 45 Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX вв. М., 1976, с. 122.
 46 Кужелева Л. Н. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайского народа. Рукопись канд. дисс., Л., 1964, с. 35.
 47 АКАК, т. III. Тифлис, 1869, с. 687.
 48 Твалчрелидзе. Указ. соч., с. 51.
 49 ГАСК, ф. 249, оп. 2, ед. хр. 3997, л. 7.
 50 Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1752 гг. В изложении Е. Д. Фелицына. Краснодар, 1927, с. II.
 51. Schlatter D. Op. cit., s. 209.
 52 Шенников А. А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья.—Сб. «Славяно-русская этнография». Л., 1973, с. 51.
 53 «Буран разыгрался», КОВ, 1898, № 25.
 54 Цаголов М. СМОМПК, вып. 8. Тифлис, 1889, с. 219. Аулы Тохтамыс с поселком Балтинским, Ураков и Мансуров с поселком Шабазским.
 55 Капельгородский Ф. И. Караногай, ЗТОЛКС Владикавказ, 1914, №10, с. 47.
 56 ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 934, л. 27.
 57 ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. 934, л. 28.
 58 Эмилио Дортелли де Асколи. «Описание Черного моря и Таврии» ЗООИД, т. 24. Одесса, 1902, с. 132.
 59 ГАКК, ф. 774, оп. 1., ед. хр. 124, л. 26.
 60 ГАКК, ф. 460, оп. 2, ед. хр. 4, л. 20.
 61 Павлов А. Указ. соч., с. 29; Корнис. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольский уезд Таврической губернии. — Телескоп, 1836, № 9. Бентковский И. Историко-статистическое обозрение иногородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. I. Ставрополь, 1883, с. 88.
 62 Павлов А. Указ. соч., 1883, с. 8.
 63 Кочекаев Б. Б. Указ. соч., с. 77.
 64 Чекменёв С. А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII-первой половины XIX вв. Труды КЧНИИ, вып. VI. серия историческая. Черкесск, 1970, с. 296.
 65 Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972, с. 43.
 66 Сборник РИО, т. 41, СПб., 1884, с. 149.
 67 Сергеев А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. Известия Таврической ученой архивной комиссии № 49. Симферополь, 1913, с. 187.

- 68 Там же, с. 193.
- 69 Бентковский И. Указ. соч., ч. I, с. 88.
- 70 Там же, с. 88.
- 71 Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. О народах татарского племени. СПб., 1796, с. 43.
- 72 Schlatter D. Op. cit., s. 207.
- 73 Равинский А. Указ. соч., с. 337.
- 74 Schlatter D. Op. cit., s. 208.
- 75 Георги И. Г. Указ. соч., с. 43.
- 76 Там же, с. 32.
- 77 ЦГВИА, ф. 15264, оп. 1, ед. хр. 38, л. 48.
- 78 АКАК, с. VI, ч. II. Тифлис, 1875, с. 487.
- 79 Бентковский И. Указ. соч., с. 84.
- 80 Невская В. П. Аграрный вопрос..., с. 43.
- 81 Невская В. П. Аграрный вопрос..., с. 92.
- 82 ГАКК, ф. 454, оп. 9, ед. хр. 1312, л. 6.
- 83 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.
- 84 Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, Черкесск, 1967, с. 457.
- 86 ЦГВИА, ф. 15264, оп. 1, ед. хр. 38, лл. 32, 35, 47, 49.
- 86 Там же, л. 9.
- 87 ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 124, л. 50.
- 88 Алексеева Е. П., Аджиев И. М. Ногайцы. — Сб. «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, с. 135.
- 89 ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 574, л. 4.
- 90 Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с. 155.
- 91 ЦГВИА, ф. 13454, оп. 2, ед. хр. 500, л. 21.
- 92 Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 3, с. 595.
- 93 Твалчрелидзе А. Указ. соч., с. 51.
- 94 ГАКК, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 9, л. 38.
- 95 АКАК, т. VI, ч. II. Тифлис, 1875, с. 524.
- 96 ГАСК, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 211, л. 1.
- 97 АКАК, т. V. Тифлис, 1873, с. 870.
- 98 ГА КЧАО, ф. 1, оп. I, л. 12.
- 99 Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринбург, 1913, с. 434.
- 100 Газета «Кавказ», 1848, №22.
- 101 ГА КЧАО, ф. I, оп. 4, л. 24.
- 102 Айт десенъиз, айтайым. Составитель Сикалиев А. Черкесск, 1971 29-нши бет.
- 103 Schlatter D. Op. cit., s. 211.
- 104 ГАКК, ф. 454, оп. 2, ед. хр. 1182, л. 59.
- 105 ГАКК, ф. 774, оп. I, ед. хр. 10, л. 26.
- 106 Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625. — ЗОИИД XI, 1879, с. 487.
- 107 Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935, с. 196.
- 108 Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. Ставрополь, 1908, с. 18.
- 109 Маргграф О. В. Указ. соч., с. 61.
- 110 Там же, с. 253.
- 111 Шенников А. А. «Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья» — Сб. Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 62.
- 112 Цаголов М. Указ. соч., с. 219.
- 113 Там же, с. 219.

114 ГАСК, ф. 249, оп. 2, ед. хр. 42, л. 3.

115 Щеглов И. Л. Указ, соч., т. I—IV. Ставрополь, 1910—1911 гг.

116 Там же, т. I, с. 498.

117 Там же, с. 494.

118 Там же, с. 494.

9 Рудановский А. О. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах. — Газета «Кавказ», 1863, № 52.

120 Невская В. П. «Переформенный период». Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I с. 448.

И. М. ШАМАНОВ

СОВРЕМЕННОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Животноводство — традиционно одна из ведущих отраслей народного хозяйства Карачаево-Черкесии. Издавна развитию животноводческого хозяйства здесь во многом способствовали природно-климатические и исторические условия. Из 143 тыс. га общей земельной площади на долю сельскохозяйственных угодий приходится 698 тыс. га (или 48,8%), из них 500 тыс. га составляют горные пастбища и сенокосы.

В отличие от дореволюционного прошлого современное животноводство, всецело построенное на социалистических формах и методах труда, ведется на базе передовой науки и техники. Вместе с тем характерной особенностью пастбищного скотоводческого хозяйства Карачаево-Черкесии является сохранение и умелое использование рациональных навыков и знаний.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС проделана значительная работа по специализации и концентрации этой важнейшей отрасли сельскохозяйственного производства. Пути дальнейшего развития животноводства конкретно и ясно определены на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС и на XXVI съезде КПСС. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» ставится задача дальнейшего увеличения производства зерна и кормов, развития животноводства. В разделе «Развитие агропромышленного комплекса» материалов XXVI съезда КПСС говорится: «Считать животноводство ударным фронтом на селе»¹.

Усилия партийных, советских и хозяйственных органов, руководителей и специалистов, всех тружеников села Карачае-

во-Черкесии сейчас направлены на реализацию планов, вытекающих из исторических решений XXVI съезда КПСС и майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. Они полны решимости продать государству в 1985 году: скота и птицы (в живом весе) 30 тыс. т., молока 80 тыс. т., шерсти 3,5 тыс. т., яиц 42 млн. штук.

Решение этих важнейших задач сельскохозяйственного производства возможно лишь при дальнейшей интенсификации, проведении мероприятий по углублению специализации отраслей, их концентрации на базе межхозяйственных коопераций агропромышленных комплексов, укреплении материально-технической базы, расширении комплексной механизации труда, улучшении культурно-бытовых условий тружеников села.

За годы Советской власти в хозяйствах Карачаево-Черкесии сделано много по увеличению поголовья скота и птицы общественного хозяйства, совершенствованию структуры стада, повышению породности и продуктивности скота. О результатах самоотверженного труда работников животноводства красноречиво говорят приводимые статистические данные о динамике поголовья продуктивного скота в различных категориях хозяйств:

	1922 год	1940 год	В среднем за год, в тыс. гол.			
			1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.
1	2	3	4	5	6	7
Крупный рогатый скот						
Хозяйства всех категорий	151,3	197,9	209,7	233,6	247,2	264,6
в т. ч. колхозы и совхозы	—	88	147,3	162,8	179,1	195,9
прочие гос. организации	—	8,1	8,1	10,6	12,8	14,4
личные подсобные хозяйства населения	151,3	101,8	54,3	63,2	55,3	58,9
Овцы и козы						
Хозяйства всех категорий	339,8	449,5	568,2	612,9	652,5	717,9
в т. ч. колхозы и совхозы	—	368,2	491,9	510,3	557,3	568,7
прочие гос. организации	—	1,5	7,3	6,2	5,0	5,3
личные подсобные хозяйства населения	339,8	79,8	69,0	87,4	90,2	147,3

	1	2	3	4	5	6	7
Лошади							
Хозяйства всех категорий	41,2	54,8	17,5	17,3	16,2	16,3	
Колхозы и совхозы	—	47	15,2	15,4	14,7	13,6	
Прочие гос. организации	—	1,8	2,1	1,7	1,4	1,7	
Личные подсобные хоз-ва населения	41,2	6,0	0,2	0,2	0,1	0,1	

На 1 января 1980 г. в колхозах и совхозах Карачаево-Черкесии поголовье крупного рогатого скота (КРС) увеличилось с 194,3 тыс. голов в 1977 году до 263 тыс., численность овец соответственно — с 609,7 тыс. до 742 тыс. голов. Поголовье птицы составляет 262 тыс. голов, что на 49,8% больше, чем в 1977 году².

Наряду с ростом поголовья продуктивного скота растет и суммарная стоимость валовой продукции животноводства, ее товарность. Так, например, если в 1965 году валовая продукция животноводства составляла 61,3 млн. руб., в 1975 году — 79,6 млн. рублей³, то в 1980 г. продукция земледелия и скотоводства составила 192,0 млн. руб.

Целый ряд мероприятий, разработанных Коммунистической партией и Советским правительством в послевоенные годы и особенно в 60-е годы по подъему сельскохозяйственного производства оказали большое влияние на рост ее товарности. Если в 1940 году уровень товарности скота в колхозах и совхозах составлял 58%, молока — 45%, шерсти — 90%, то в 1979 году товарность скота достигла уже 89%, молока — 99%, яиц — 90% и шерсти свывше — 99%.

На базе агропромышленной интеграции, перевода сельскохозяйственного производства на индустриальные методы, совершенствование форм производства и управления в хозяйствах области среднегодовое производство валовой продукции за 10 пятилетку против уровня 9-й пятилетки увеличилось на 12,7%; производство мяса — на 12,5%, молока — 13%, яиц — 5,2%, шерсти на 23,6%⁵. Несколько замедлены темпы повышения продуктивности скота. Так, средний удой молока от фуражной коровы увеличился с 750 кг. в 1940 году до 1693 кг в среднем за 1967 — 1980 г.г. Настриг шерсти в среднем увеличился с 1,9 кг. в 1940 г. до 3,0 кг. в 1980 году. Относительно низок и средний сбор яиц на курицу-несушку — 169 штук.

К концу 1985 г. колхозы и совхозы области планируют продать государству 33 тыс. тн. мяса, что на 74% больше, чем было продано в 1975 году. Производство молока составит 100 тыс. тн, яиц — 45—50 млн., шерсти 3,5—3,7 тыс. тонн. В хозяйствах области планируется довести удельный вес коров в стаде до 35—40%, а надой молока на фуражную корову до 2100 кг. Ставится задача — перевести молочное животноводство на промышленную цеховую технологию, чтобы Усть-Джегутинская и Эркин-Шахарские межхозяйственные объединения довели к концу пятилетки производство говядины до 14 тыс. тн. в год, т. е. они должны будут продавать почти 47% всего валового мяса⁶.

Несомненно, успешное выполнение этой задачи потребует дальнейшее увеличение продуктивности и поголовья всех видов скота и птицы.

В настоящее время только незначительная часть продукции животноводства вывозится из области в переработанном виде, большая часть ее перерабатывается на маслодельно-сыроваренных заводах и молочных комбинатах, яйцо и шерсть поставляется в крупные промышленные центры для снабжения населения и переработки на промышленных предприятиях. Учет местных природно-климатических условий и исторического опыта горного животноводства обусловили проведение специализации и концентрации в животноводстве, что и привело к коренным изменениям в количественном и качественном составе поголовья скота и птицы. Ныне на мясном скотоводстве специализируются хозяйства горной полосы — совхозы имени О. Касаева, «Тебердинский», «Лабинский», откормочные совхозы «Горный», «Хасаутский»; на мясо-молочном — хозяйства предгорной полосы — совхозы «Кумышский», «Верхне-Кубанский», «Маринский», «Учкекенский», «Красновосточный», «Эльтаркачский» и другие; на молочно-мясном — колхозы «Знамя коммунизма», «Путь Ильича», имени XXII съезда КПСС, опытное хозяйство «Сторожевское», совхозы «Красновосточный», «Учкекенский», «Хабезский» и другие. На молочно-мясном животноводстве специализируются хозяйства Усть-Джегутинского, Прикубанского и Адыге-Хабльского районов.

В результате концентрации и межхозяйственной интеграции в области работают комплексы по откорму КРС в совхозе «Горный», по содержанию мясных коров — в совхозе «Эльбурганский», и птицефабрики «Майская» и «Заря». Идет строительство птицефабрики «Дружба», завершается строительство комплексов по выращиванию нетелей в опхозе «Сторожевой» и колхозе «40 лет Октября».

На равнинной и предгорной полосе содержание большого количества молочного скота сочетается с отгонным овцеводством, а также разведением птицы. В горах колхозы и совхозы, ведущие отгонное животноводство, на лето перегоняют свой скот на высокогорные пастбища.

Если в равнинной полосе удельный вес скотоводства в структуре товарной продукции составляет 62% (в том числе овцеводства — 18%), то в предгорной и горной микрорайонах — 75—80% (в том числе овцеводства — 23—25%).

Овцеводство — одно из основных отраслей животноводства Карачаево-Черкесии. За годы Советской власти оно претерпело значительные изменения в количественном и качественном отношении. В дореволюционное время здесь разводили преимущественно грубошерстных овец карачаевской породы. С 1936 года начались работы по улучшению местных пород; их стали скрещивать с баранами тонкорунных мериносовых пород. Однако в военные годы все эти помеси были почти полностью уничтожены. В горной микрорайоне разводят в основном овец грубошерстного направления — карачаевскую породу. Начиная с 1960 года, в результате правильной организации племенной работы в хозяйствах области удельный вес тонкорунной и полутонкорунной породы овец постепенно увеличивается за счет кроссбредизации. Новая породная группа кроссбредных овец разводится в основном в хозяйствах Зеленчукского и Карачаевского районов. В плоскостной микрорайоне Прикубанского, Усть-Джегутинского, Адыге-Хабльского, частично Хабезского района и в областной сельскохозяйственной опытной станции разводят тонкорунных мериносовых овец. В хозяйствах Зеленчукского района, в колхозе «Знамя коммунизма» и имени Ленина выведена новая группа овец с кроссбредным типом шерсти, которая хорошо зарекомендовала себя во многих районах Северного Кавказа⁷. Немалый интерес представляет опыт разведения кроссбредных овец в указанных хозяйствах. Начиная с 1951 года и до 1960 года развитие кроссбредного овцеводства в хозяйстве шло путем скрещивания лучших карачаевских помесных овец с баранами северо-кавказской мясо-шерстной породы, а впоследствии в хозяйствах были использованы для скрещивания с тонкорунными овцами бараны-производители лискинской породной группы, завезенные из Воронежской области⁸.

С 1961 года значительную роль в создании кроссбредного овцеводства путем скрещивания тонкорунных маток с баранами мясо-шерстных пород лискинской и новой породной группы, со-

зданной в колхозе «Знамя коммунизма», сыграл совхоз «Черкесский». В результате кропотливой селекционной работы удалось создать новую породную группу полутонкорунных овец с высоким настригом шерсти и большой мясной продуктивности. Поэтому с 1971 года совхозы и колхозы Зеленчукского района признаны как племенные хозяйства по разведению кроссбредных овец. Продолжаются работы по совершенствованию овец новой породной группы «горный корридель» в колхозах «Знамя коммунизма», «Октябрь», имени Ленина. Лучшие экземпляры горного корриделя ежегодно отправляются в различные края и области нашей страны⁹.

В 1964 году в совхоз «Маринский» были завезены из Аргентины овцы породы линкольн и корридель, имеющие длинную, крупноволнистую белую шерсть и отличающиеся мясными формами. Корридели и линкольны содержались вначале отдельными группами, в летний период их пасли на естественных пастбищах, а в жаркие дни их оставляли под специально построенным навесом. В первое время животные, завезенные с других районов, нередко заболевали, главным образом воспалением органов дыхания, особенно в летнее и осеннее время. По мере акклиматизации появилась возможность приступить к преобразованию местного овцеголовья путем скрещивания тонкорунно-грубошерстных помесных овцематок с баранами лискинской породной группы, а затем с чистопородными баранами «линкольн» аргентинского типа¹⁰. Существенный вклад в создание кроссбредного овцеводства внесла областная станция. Повседневную методическую помощь оказывают животноводам области научные сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства. Здесь тщательно изучались результаты скрещивания тонкорунных маток с баранами породы «линкольн» английской и аргентинской породы в предгорной зоне области. Первоначально советские мериносы скрещивались с породой линкольн английский. Затем полученные помеси подвергались спариванию с северокавказской мясо-шерстной породой, а помеси с тонкой шерстью — опять с линкольном. Все это дало хорошие результаты. По свидетельству специалистов, овцы полутонкошерстной породы хорошо переносят суровый горный климат: длинная, штапельно-косичного строения шерсть предохраняет животных от дождей и туманов, благодаря чему они меньше подвергаются простуднолегочным заболеваниям, а крепкий копытный рог, унаследованный от местной породы овец, предохраняет их от заболевания микробациллезом¹¹. Использование в селекционно-племенной работе мясо-шерстных баранов типа линкольн позволило создать в

хозяйствах области значительное поголовье овец, дающих кроссбредную шерсть. Сейчас в области свыше 40 процентов поголовья отар составляют кроссбредные овцы¹². Еще в 1973 году удельный вес кроссбредной шерсти в общей ее массе составил 42,7 процента (и 80 процентов от общих заготовок на Северном Кавказе)¹³. В передовых хозяйствах живой вес кроссбредных овец достигает 50—60 килограммов, а среднегодовой настриг шерсти — 4—5 килограммов. Шерсть имеет длину волокна 12—14 сантиметров, в ней содержится до 70 процентов чистого волокна прекрасного качества¹⁴. В целом работа по кроссбредизации овцеводства позволила повысить продуктивность овец и сдачу шерсти государству. Так, в 1970 году ее продано 2575 тн, в 1971 году — 2906 тн, в 1972 году 2955 тн, 1973 году — 3027 тн, 1974 году — 2960 тн, 1975 году — 303 тн¹⁵. В 11-й пятилетке ставится задача довести количество кроссбредных овцематок в стаде до 65—70%.

Таким образом, работа по разведению более продуктивных и в то же время хорошо приспособленных к местным условиям овец — в хозяйствах области ведется путем проведения селекционной работы по созданию новой породной группы. В целях совершенствования племенного дела в каждом хозяйстве работают специалисты по селекционной работе.

Второе место после овцеводства в животноводстве области занимает разведение крупного рогатого мясо-молочного скота. Большое значение в поднятии продуктивности этой отрасли имела проводимая в послевоенные годы работа по улучшению породности скота. Еще в дореволюционное время была признана целесообразность организации в Карачае племенной фермы швицкой породы. Однако по-настоящему этими вопросами занялись после коллективизации. Племенной скот в Карачай поступал из различных областей страны и особенно из Ярославской и Смоленской областей. Впоследствии животноводы Карачая в содружестве и под руководством опытных специалистов вели кропотливую селекционную работу. Если в начале 1960-х годов породного поголовья крупного рогатого скота было 40 процентов, то сейчас все стадо представлено швицкой, симментальской красной степной и абердино-ангусской породами.

По сравнению с прошлым, до последнего времени в хозяйствах области вопросам развития коневодства уделялось мало внимания. Начиная с 1960-х годов вплоть до 1979 г. поголовье лошадей в хозяйствах всех категорий постепенно падало. В 1975 г. поголовье лошадей составляло — 14752, а к 1981 — 15148 голов¹⁶. При каждой бригаде, отделении располагается хозяйственный двор, где имеется несколько десятков рабочих и верхо-

вых лошадей. Лошади используются в основном для верховой езды и перевозки грузов, рабочих и колхозников, непосредственно занятых в животноводческих фермах. В некоторых хозяйствах имеются племенные лошади-скакуны, используемые для разездов. Традиционно на конном заводе № 168 выращивают прекрасных племенных лошадей, выставляемых на международные конные состязания. Выращенные здесь скакуны славятся не только в нашей стране, но и за ее рубежами¹⁷. В таких специальных конюшнях, ныне создаваемых почти при каждом хозяйстве области, работают прекрасные наездники — знатоки и ценители лошадей.

В поисках путей дальнейшего развития животноводства в области успешно проводится работа по акклиматизации быков-яков (в Дуутском ущелье) и оленей (в Алибердуковском урочище). Ученым области и края предстоит провести разностороннюю научно-исследовательскую работу с этими животными.

Решающими условиями успешного ведения животноводства и повышении продуктивности скота является создание прочной кормовой базы и строительство животноводческих помещений. Основную часть кормов колхозы и совхозы области добывают в собственном хозяйстве и распределяют их в зависимости от поголовья по бригадам (отделениям-цехам, фермам и отарам). В 1975 году хозяйствами области было заготовлено кормов в пересчете на кормовые единицы 2705 тысяч цн, витаминно-белковой травяной муки — 237 тыс. цн. и свыше 712 тыс. цн. сенажа¹⁸. В 1980 г в колхозах и совхозах области заготовлено 362,4 тыс. тонн грубых кормов, в т. ч. 168,6 тыс. тн. сена, 93,6 тыс. тн. сенажа, 29,5 тыс. тн. травяной муки, 786,6 тыс. тн. силоса, 100,2 тыс. тн. соломы¹⁹.

Заготовка кормов в плоскостной и предгорной зонах в основном механизирована. Широко используются тракторы и автомашины, тракторные сенокосилки и грабли, подборщики, копнители, соломорезки, механические прессы и т. д. В хозяйствах горной зоны значительные работы по заготовке сенажа проводятся вручную: косьба, сгребание, копнение осуществляется бригадой ручных косарей. Передовые чабаны своими силами, привлекая на помощь членов семей родственников, ведут сенокос. Заготовка кормов в основном переведена на хозрасчетную систему. Грубые корма перевозятся на тракторных прицепах или стягиваются на волах непосредственно к молочнотоварным фермам или же к зимним стоянкам отар.

В последнее время особое внимание в хозяйствах уделяется заготовке различных сочных кормов (сенажа и силоса). Ведущее место среди сочных кормов занимает кукурузный силос.

Уборка кукурузы и сеяных трав на силос начинается в конце июня—начале июля. Уборка производится силосоуборочными комбайнами, а в горах путем скашивания. Для хранения силоса сооружаются специальные ямы вблизи ферм крупного рогатого скота. Разновидностью сочных кормов является также свекловичный жом, закупаемый хозяйствами на сахарном заводе. Различные минеральные, комбикормовые корма и концентраты, заготовливаемые самими хозяйствами и покупаемые, хранятся в центральных усадьбах хозяйств.

Самым трудным и ответственным периодом в развитии общественного животноводства является зимнее содержание скота. Поэтому строительство новых, ремонт старых помещений, заготовка страхового запаса кормов на каждой стоянке завершается в основном до прихода животных на зимовки. Для этого ежегодно формируются сенокосные и строительные бригады, выделяется нужное количество стройматериалов, автомашин и тракторов. На зимних отгонах для стоянки выбираются защищенные от ветра солнечные склоны горных гряд. Рядом со стандартными фермами и кошарами строятся пункты искусственного осеменения, сараи и открытые загоны. Каждое из этих отгонных помещений рассчитано на содержание 700—800 овец и 200—300 голов крупного рогатого скота. На летних отгонах строятся временные сооружения в виде плетневой изгороди.

В горных районах, где основное направление животноводства — овцеводство, имеются свои особенности, отличные от предгорных и плоскостных.

В разведении общественного животноводства ныне громадное значение имеет правильная организация зоотехническо-ветеринарной службы. В каждом хозяйстве области имеются квалифицированные кадры, которые сумели поднять на должный уровень зооветеринарную службу. В районах действуют ветеринарные участки и лаборатории. Ветеринарные работники своевременно проводят вакцинацию и прививку, производят кастрацию бычков и баранчиков, периодически дезинфицируют животноводческие помещения, ежемесячно составляют отчеты, тщательно изучают причины падения животных. При участии специалистов ежегодно проводится бонитировка ягнят и молодняка крупного рогатого скота. Среди животноводов и специалистов регулярно проводятся различные консультации и семинары. Все эти мероприятия способствуют улучшению породности и увеличению продуктивности общественного животноводства. Летом отары и гурты находятся на отгонных пастбищах. Первые гурты животных отправляются в горные выпаса в конце апреля — начале мая. Использование горных лугов ведется организованно,

по плану. За каждым хозяйством, каждым гуртом и отарой закрепляются участки, которые обеспечивают потребность животных в кормах и воде. Члены постоянных оперативных штабов устанавливает контроль за тем, чтобы колхозы и совхозы не превышали пастбищных норм содержания скота. Например, площадь горных угодий всецело позволяет, чтобы на каждом гектаре выпасалось не более двух голов молодняка крупного рогатого скота, одной коровы и семи овец. Хозяйства плоскостных районов для перевозки скота используют специально оборудованные автомашины. Доставка скота автотранспортом не только сохраняет силы животных, но и предотвращает возможность запоя инфекционных заболеваний.

Маршруты скотопроегонных путей в горах определились уже давно и являются постоянными. Тем не менее перегон скота пока еще остается трудным и очень ответственным делом. Перевозка животноводов, их имущества и части животных осуществляется на автомашинах и телегах. Для перегона мелкого рогатого скота заранее составляется план перекочевки, определяется время и порядок движения скота. Очередность движения отар определяется в зависимости от времени года, расстояния маршрута и возрастной особенности животных. Если осенью на зимние пастбища первыми перегоняют отары молодняка, затем овец, выделенных на мясо, и баранов-производителей, наконец — отары овцематок и взрослых валухов, то порядок движения на летние пастбища несколько меняется: первыми перегоняют валухов и баранов-производителей, а затем маточные отары.

В горах наличие нестравленных пастбищ вокруг стоянки имеет большое значение для зимовки овец, содержащихся на подножном корму. Лишь только в период обильного снегопада и непогоды, которая иногда продолжается два-три месяца, овец подкармливают сеном. Для этого на тырле разбрасывают сено небольшими пучками, а затем выпускают отару из кошары. Для поддержания аппетита овец во все времена года на тырлах, в кошарах и в загонах имеется соль-лизунец. Устройство на зимних отгонах благоустроенных кошар и загонв облегчает труд ночного сторожа, который спокойно отдыхает в общежитии, лишь время от времени проверяя, все ли благополучно в отаре. Большую помощь в охране отары оказывают ему сторожевые собаки.

Весенне-летние и осенние пастбища расположены южнее зимних отгонов, на высокогорных альпийских лугах. Наиболее крупными пастбищными массивами являются: Бийчесын, Покун-Сырт, Тохтамишле, Башкирка, Шелканка, Чапалы, София, Джалпакъла. Они выгодно отличаются по своим природным

условиям от зимних пастбищ: не подверженный вредным воздействиям сочный злако-разнотравный растительный покров, прохладный климат, отсутствие назойливых насекомых и чистая горная вода создают благоприятные условия для жизни животных в самые жаркие дни лета. На растительном покрове альпийских лугов четко прослеживается вертикальная зональность. Расстояние между зимними и летними пастбищами для хозяйств области составляет от 30 до 100 км, поэтому два раза в год скот находится в пути (весной и осенью).

Самый ответственный период в работе чабанской бригады — проведение окотной кампании, которая проводится в зимний период. Практика последних лет показала, что там, где проводят зимние и ранне-весенние окоты при наличии достаточных кормов и теплого помещения выход ягнят на 100 овцематок и сохранность значительно выше, чем при весенних окотах²⁰.

В связи с этим особое внимание уделяется внутреннему оборудованию кошар. В крытых кошарах устраиваются родильные отделения. Внутри этих помещений оборудуются из деревянных щитов разборные переносные клетки разного размера и кормушки. Ветеринарные и зоотехнические работники заранее завозят нужные лекарства и пополняют ими чабанские аптечки, проводят консультации среди сакманщиков о ветеринарно-зоотехнических правилах окотной кампании.

Окотную кампанию проводят на зимних пастбищах. Во время окота всей работой в отаре руководит старший чабан. Устанавливается круглосуточное дежурство, поэтому ягнение овец в основном происходит под непосредственным наблюдением сакманщиков. В этот период проводится строго дифференцированное обслуживание каждой группы животных. Отары разбиваются на глубоко суягные и на слабые. Объягнившихся маток размещают в отдельную клетку на 3—5 маток с ягнятами. Дежурные чабаны и сакманщики эти дни усиленно кормят и своевременно поят маток, не допускают в помещении сквозняков, обеспечивают чистоту воздуха. Особое внимание уделяется двойням и впервые окотившимся маткам, которые часто теряют или же отказываются от своих же ягнят. Маток, отказавшихся от ягнят, запирают в клетку вместе с ними на несколько дней. При этом по традиции насыпают соль на спинку ягненка, чтобы облизывая ее, она могла быстро привыкнуть к ягненку. Иногда овцематку привязывают к клетке и к ней пускают ягненка. Наконец, стропивой матке дают небольшую дозу спирта: она вскорее смиряется и привыкает к ягненку. Когда истощенные молодые овцематки после ягнения теряют молоко, то в таких случаях ягнят подсаживают к наиболее молочным маткам. Таким об-

разом, опытные чабаны умело устраняют возможность пребывания в своих отарах осиротевших ягнят. Окотившихся маток через три-четыре дня выпускают пастись отдельно возле кошар, вместе с ягнятами. В двухнедельном возрасте производят кастрацию баранчиков, ампутацию хвостов тонкорунным ягням. Начиная с 20-дневного возраста ягнят содержат отдельно от маток. К маткам их пускают утром и вечером. На ночь ягнят иногда отделяют от маток. В 40—45-дневном возрасте ягнят формируют в группы по 100—120 голов и содержат до выпуска на пастьбу. После четырех месяцев молодняк отбивается от маток, и формируются новые отары.

После завершения окотной кампании начинаются подготовительные работы к стрижке овец. Как правило, не позднее, чем за месяц до начала стрижки главными зоотехниками хозяйств составляются календарные планы, где предусматривается количество овец, подлежащих к стрижке, сроки стрижки отар и их очередность, потребность в стригальях, подсобных рабочих и инвентаре, а также указываются лица, ответственные за учет, классировку, хранение и сдачу шерсти. Этот план обсуждается на производственном совещании. Первым делом приводятся в порядок электростригальные агрегаты, подготавливаются стригальные пункты, подбираются опытные стригали и организуются для них общежитие и столовая.

В совхозах и колхозах области сооружены стационарные типовые стригальные пункты, оборудованные электростригальными агрегатами. Стригальные пункты обычно устраиваются вблизи селений или в горах у скотопропегонного маршрута. Практика показала, что себестоимость шерсти, заготовленной непосредственно на местах пастьбы, оказывается ниже, чем заготовленной на стационарных стригальных пунктах²¹. Стрижку овец в предгорьях проводят в конце апреля—начале мая, в горах — через месяц. Стригальные пункты обычно состоят из двух отделений. Первое отделение представляет собой дощатый загон, над открытой стороне которого имеются входные и выходные ворота. Второе отделение примыкает к первому и представляет собой крытое помещение, где устанавливаются стеллажи, электрошиты, классировочный стол и механический пресс. У выхода из помещения устраивается узкий коридор, ведущий к цементированным ваннам для купания овец.

Перед началом стрижки инструкторы готовят пункт, устанавливают оборудование, проверяют механизмы. Контингент стригалей набирается из энтузиазмов, главным образом — мужчин. Механизированная стрижка овец имеет значительное преимущество перед ручной. Если при ручной стрижке один стригаль за

целый день мог обработать 30—40 овец, то при электрической стрижке он может за день остричь свыше 100 голов; шерсти же с каждой овцы получается на 100—200 гр. больше, чем при ручной стрижке, причем повышается классность шерсти.

Очередность стрижки овец устанавливается в зависимости от возраста, упитанности и породности скота. Первыми пропускают валухов и ярок, затем стригут маток и баранов-производителей. Это объясняется тем, что у более упитанных валухов сравнительно раньше начинается интенсивный рост шерсти, в результате чего свалывающаяся зимняя шерсть, отделяясь от шкуры, создает благоприятные условия для стрижки. Стрижка овец обычно производится под наблюдением опытных стригалей, инструкторов. По традиции для стрижки овец привлекаются женщины. В этой работе многие добились замечательных успехов и теперь охотно передают свой опыт новичкам.

Например, животноводам страны хорошо известно имя чемпиона страны по скоростной стрижке овец Сафара Байрамкулова, который еще в 1962 году освоил скоростной оренбургский метод и завоевал звание чемпиона области. Вскоре его направляют в Новую Зеландию учиться передовому опыту скоростной стрижки у чемпиона мира Г. Бозна. Чемпиону по душе оказался «русский паренёк», прощаясь, он подарил ему свои любимые ножницы²².

В 1964 году Сафар Байрамкулов, участвуя в чемпионате Европы, занял первое место и стал обладателем кубка Европы. С тех пор он в течение многих лет достойно защищал звание чемпиона Европы по скоростной стрижке. В настоящее время С. Байрамкулов —инструктор Министерства сельского хозяйства РСФСР. Во многих местах бывает чемпионом, учит новому скоростному методу стрижки овец. Но не только в нашей стране, но и за рубежом Сафар Байрамкулов демонстрировал свое мастерство. Он ездил в Сирию, Болгарию, Индию, Австралию, Венгрию, Монголию и т. д. Где бы он ни находился, ему оказывали всюду почет и уважение. Ведь немногим более минуты тратил он, чтобы мастерски снять руно. За свои трудовые успехи Сафар Касимович Байрамкулов награжден 7-ю золотыми, 8-ю серебряными медалями, орденом «Трудовой славы». Он ежегодно стрижет 2—3 тысячи овец²³. Звание чемпиона РСФСР завоевал в 1972 году другой прославленный стригаль А. И. Айбазов из совхоза «Сторожевский»²⁴. Мастерами скоростной стрижки овец также рекомендовали себя также Джуртубаев М., Боташев М. и другие. В 1982 г. на Всероссийском чемпионате, проходившем в г. Черкесске, первое место занял А. Н. Биджиев из совхоза им. О. Касаева²⁵.

Работа на стригальном пункте идет как бы конвейером. Подсобные рабочие бесперебойно подают овец к стригалям. Рунщики передают остриженную шерсть учетчику, который, взвесив ее, заносит в учетные листы стригалей поотарной ведомости. Затем шерсть попадает на классировочный стол, оттуда уже к прессовщикам на склады.

По мере накопления остриженного поголовья подавальщики под руководством ветврача купают овец в растворе креолина. Раньше для этих целей использовали раствор азалия. Большинство чабанов области перевыполняют свои ежегодные обязательства по настигу шерсти. За хорошие результаты чабанская бригада получает премию в качестве дополнительной оплаты.

Как известно, стрижка овец — самый трудоемкий и сложный процесс в овцеводстве. Поэтому так важна своевременная подготовка стригалей. Под руководством опытных стригалей-инструкторов молодежь охотно осваивает скоростные методы стрижки, нередко целыми бригадами выезжает на сезон за пределы области и края. Большую роль в повышении мастерства животноводов играют ежегодные соревнования по профессиям, в том числе конкурсы стригалей, которые проводятся в хозяйствах районов и области. Широкому внедрению в производство передовых методов и приемов работы способствуют Всесоюзские, Всесоюзные и Международные конкурсы-смотри стригалей. Первый в СЭВ конкурс стригалей овец, проведенный в 1977 году в г. Черкесске, положил начало новой форме сотрудничества овцеводов из стран — членов СЭВ. Сборную команду Советского Союза составили победители Всесоюзного конкурса стригалей, который также проходил в Черкесске. Это Л. Гедион (Киргизия), Ш. Тайбагаров (Казахстан), Н. Калита (Краснодарский край), М. Боташев (Карачаево-Черкесия), а также женщины-стригали З. Еременко и Л. Шишканова (Ростовская область), В. Кирьянова (Краснодарский край), Н. Самойленко (Украина).

После стрижки и купания овец для тружеников животноводства области наступает важная кампания — перевод скота на летние выпасы, который осуществляется в мае—начале июня. К началу июля стада достигают субальпийской зоны. В высокогорных альпийских (и субальпийских) лугах Карачаево-Черкесии, площадь которых составляет около полмиллиона гектаров, ежегодно в отгонный период размещается около одного миллиона голов скота, из них свыше 700 тыс. овец и коз, 170 тыс. голов крупного рогатого скота и несколько тысяч лошадей. Обилие на горных пастбищах сочного травостоя и хорошие источники водопоя создают благоприятные условия на летовках. В течение

мая-сентября здесь производится свыше 60% годового объема производства молока, мяса и шерсти²⁶.

Для стоянки выбирают ровные и сухие места с хорошим источником водопоя. Вокруг стоянки чабаны и гуртоправы устраивают несложную изгородь из плетня и жердей. В сухую, ясную погоду отары и гурты находятся на пастбище с 4—5 часов утра до 8—9 часов вечера. Если выпала обильная роса, отару задерживают на тырле до 8—9 часов, пока немного не испарится влага. По обычаю пастухов, каждое утро отара уводится на запад от стоянки, а во второй половине дня ее направляют в обратную сторону, как говорится в народе, «следом за тенью». Это делается для того, чтобы не падали в глаза, особенно ягнятам, палящие лучи солнца. Иногда, стравив пастбища вокруг стоянки (коша), перекечевывают на новые места со свежим травостоем, но как правило, не выходят за пределы одного и того же урочища, лучшие чабаны широко и умело используют при этом загонную систему пастбы, периодически стравливая горные выпасы.

После тщательной бонитировки молодняк группируется в отары согласно полу, весу, племенным признакам. С наступлением сентябрьских холодов отары спускаются с летних выпасов, постепенно стравливая отаву (в горах) и живье (в предгорьях). В то же время производится осенняя стрижка грубошерстных овец и купания. После купания отары движутся к осенним пастбищам, где производится искусственное осеменение овец и вольная случка. С приближением зимних холодов овец возвращают к зимовщикам. Яркие, валухи, бараны-производители и овцематки составляют отдельные отары по 700—800 голов. Каждую отару овец обслуживает бригада из четырех человек, один из них, старший, является подотчетным перед правлением.

Профессия пастуха-гуртоправа и чабана — тяжелая и сложная, требует глубоких знаний природы окружающей местности, физиологии и повадок животных. Многие потомственные чабаны работают по 30—40 и более лет. Они хорошо знают, где какие растут травы, хорошо разбираются в их свойствах, знают и лечат многие болезни животных, знают, как говорят «камни и воды».

Специфические условия истари сделали этот труд чабана исключительно мужским, хотя по традиции два выпаса овец чабаны горных селений иногда выезжают с семьями на 2—3 месяца в коши. Но обычно на горные выпасы чабаны выезжают одни, а семьи их остаются в селениях. В село за получением продуктов и для отдыха чабаны приезжают по очереди.

Традиционные черты прослеживаются и при содержании и

уходе за крупным рогатым скотом. Фермы молочного скота обычно летом располагаются на горных пастбищах, а зимой — центральных усадьбах. В предгорьях в основном практикуется пастбищно-стойловое содержание крупного рогатого скота. Для этого используется зеленый конвейер и кормовой цех по производству жидких кормовых дрожжей, запаренной соломы, кормовых гранул. На зимних стоянках имеются большие стандартные помещения и открытые загоны с кормушками. В ряде случаев дворы механизированы, имеются автопоилки. Многие фермы электрифицированы, радиофицированы, имеют телефонную связь. Однако, как показывает полевой материал, в отличие от полеводства, в животноводстве ручной труд является еще преобладающим. Уровень механизации трудоемких работ здесь остается еще низким. Хотя надо сказать, на 1980 г. по данным годовых отчетов колхозов и совхозов видно, что на 74% механизирована подача воды, на 80% — очистка помещений от навоза, а раздача кормов на 61 процент²⁷. Доеение коров в основном осуществляется вручную. На электродойку переведено только 16% всего поголовья коров. На ручной дойке работает около 1000 доярок и дояров. В соответствии с решениями июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС в области взят курс на концентрацию и специализацию сельскохозяйственного производства — с тем, чтобы как можно быстрее поднять продуктивность всех видов скота. Для решения более быстрого подъема животноводства в области вытекающих из программных документов партии, разработанных на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, ведется строительство межколхозных комплексов по одновременному откорму 3—4 тыс. голов крупного рогатого скота, 20—30 тысяч овец; 10—15 тыс. птицы, механизированных животноводческих помещений для содержания овец и коров²⁸.

Большую роль в хозяйствах области играют животноводческие фермы, расположенные непосредственно в селениях. Они имеют несколько зданий для содержания животных, кормовой цех, силосные сооружения, водопровод. Чистые и просторные коровники освещаются электрическим светом. Для животноводов выстроены типовые дома с досчатым полом и шиферной кровлей. Руководит работой фермы заведующий. Вся работа на МТФ осуществляется строго по распорядку дня, составленному специалистами-зоотехниками. Повседневный уход за коровами в условиях стойлового содержания полностью осуществляется скотниками. Эти люди обычно имеют большой опыт ведения животноводческого хозяйства, владеют целым комплексом знаний. От опыта гуртоправа в основном зависит получение высоких надоев и привесов животных на нагуле и откорме. С наступлением теп-

лых весенних дней в конце апреля—начале мая гулевой скот переносится в горы на альпийские пастбища. За пастбищный период, который длится до октября, гулевой скот наращивают много мяса. Чтобы организм животных постепенно перестраивался на новые кормовые условия и тем самым обеспечить высокие надои и привес, дойных коров и гулевой скот подкармливают концентратами, а телят — искусственным молоком, заботятся о водопое, о том, чтобы на тырлах постоянно была соль. Важную роль при переводе скота на зеленый корм играет техника пастбы. Вначале стадо постепенно развертывают по фронту, чтобы животные не скучивались, а передвигались «в рассыпную». Затем пастбищный участок разбивается на отдельные загоны. На каждом таком загоне пасут 4—5 дней. В зависимости от погоды и сочности подножного корма животных поят несколько раз. Животноводы совхозов «Учкекенский», «Терезинский», конезавода № 168, колхозов им. Ленина, «Знамя коммунизма» и др. в течение пастбищного периода получают килограммовые привесы и пудовые удои²⁹.

Немаловажную роль в увеличении производства молока играет правильная организация дойки коров. Поскольку дойка коров — физически тяжелый труд, то в прошлом этим делом занимались мужчины. Эта традиция сохранялась вплоть до коллективизации. Начиная с 30-х годов появилась женская профессия — доярка. В последние годы также замечается, что в ряде хозяйств наряду с женщинами на МТФ доярками работают мужчины. Труд доярок и дояров, особенно на отгонных пастбищах, сложен и многогранен. По-прежнему он требует напряжения как их физических, так и творческих сил. В своей повседневной работе они хорошо разбираются в вопросах гигиены, неплохо владеют зооветеринарными знаниями. Так, например, 18 лет подряд Хауа Кубанова (совхоз «Учкекенский») совмещает работу доярки и заведующей фермы. Насколько успешно она справляется со своей работой говорит тот факт, что коллектив фермы план 4 лет 10-й пятилетки завершил досрочно к 4 марта 1979 года. Из 25 человек коллектива 6 имеют правительственные награды, а сама Х. Кубанова за трудовые успехи награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета»³⁰.

В большинстве ферм введен строгий распорядок. На МТФ рабочий день доярок (дояров), скотников и телятниц начинается в 4—5 часов, а заканчивается в 19—21 час. Летом первую дойку производят с 5 часов, водопой и пастбу с 7—8 часов; вторую дойку — с 12 часов, пастбу и водопой с 13 часов, третью дойку с 17 часов. Между дойками у доярок остается около семи-восьми часов, а следовательно, рабочее время их при значительной рас-

тянутости рабочего дня составляет восемь-девять часов. За каждым дояром (или дояркой) закрепляется группа коров, из которых на активном доении имеются 17—18 животных.

Передовые дояры и доярки области М. Биджиев из совхоза «Красновосточный», М. Тебуев (конзавод 168), Х. Катчиева (колхоз «Родина»), Г. Хрулева (совхоз «Октябрьский») довели годовой надой молока до 3,5—4 тыс. килограммов от коровы³¹.

Зимой содержание животных требует гораздо больше забот. Доярки приходят на работу обычно за полчаса до начала дойки, помогают скотникам закладывать корма. В обязанности скотников входит очистка помещений, кормление животных, вывоз навоза, подвозка кормов, пастьба скота и ночное дежурство. В течение дня у скотников также бывает несколько часов свободного времени, поэтому они нередко работают посменно, меняясь через сутки или двое суток.

В последнее время колхозы и совхозы области уделяют большое внимание улучшению условий труда и быта животноводов. Свыше пяти тысяч животноводов все лето живут и работают в горах, чувствуя о себе повседневную заботу. Животноводы области обеспечены хорошим жильем. В нем люди отдыхают, питаются, проводят часы досуга. Они пользуются электроэнергией и газобаллонными установками. Каждая чабанская бригада обеспечивается выючным транспортом, палаткой, кошмами, посудой и утварью. Пастухи и их семьи регулярно снабжаются мукой, сахаром, овощами и т. д. Ежегодно каждый животновод получает спецодежду: войлочную бурку, стеганную на вате телогрейку, шубу, сапоги. Все колхозники и рабочие ферм получают отпуска с оплатой по среднегодовому заработку.

Большинство животноводов, находящихся в горах, пользуются услугами автолавок потребительских коопераций. Сейчас к ним доставляются овощи, фрукты и другие продукты, а также промышленные товары широкого потребления и дефицитного ассортимента. Достаточно отметить, что в 1978 году 34 автолавок сельпо и рабкоопов продали труженикам товаров на 2 млн. руб. Так как многотысячная армия животноводов находится за десятки км. от дома и центральных усадеб, то широкое распространение нашла такая форма общения с животноводами, как культурно-бытовые и агитационные бригады. Возглавляет такую бригаду обычно секретарь партийной организации. В составе бригады — главный специалист хозяйства, завклубом, медработник, библиотекарь, продавец магазина.

Широкое признание нашли у животноводов автоклубы. Каждый из них имеет киноаппаратуру, магнитофон, библиотеку. Организационно-методическое руководство передвижным клубом

осуществляют районные отделы культуры, а план работы в каждом хозяйстве составляется и утверждается первичной партийной организацией и исполкомом сельского Совета. Постоянно действуют и агитбригады. Члены агитпоезда — агитаторы, самодеятельные артисты, медработники, учителя школ, специалисты хозяйства — дают концерты, проводят беседы, демонстрируют фильмы, выпускают «боевые листки», «молнии». Возглавляет агитпоезд, как правило, работник районного комитета партии.

В крупных летних отгонах, как например, в Бийчесыне, где в течение 4—5 месяцев находится свыше 100 отар, 70—75 гуртов молодняка крупного рогатого скота, более 20 МТФ, создаются областные штабы горных выпасов крупных хозяйственных участков. На таких участках организуется общественное питание, оборудуются комнаты отдыха — красные уголки, где можно почитать свежие газеты и журналы и книги, посмотреть телепередачу и кино, послушать радио³². Тружеников ферм обслуживают портные, парикмахеры, обувщики, фотографы.

Коллегия областного управления сельского хозяйства и президиум обкома профсоюзов устраивают конкурсы на лучшее общежитие при МТФ, победителей награждают денежной премией. Все это поддерживает хорошее настроение у людей и способствует повседневному успеху.

В хозяйствах области ежегодно проводятся итоги социалистических соревнований минувшего сельскохозяйственного года, определяются победители. По традиции животноводы области развернули социалистические соревнования между чабанами и доярками, внутри бригад и ферм, между хозяйствами и районами, а также соседними областями, в частности с Адыгеей.

Труд животноводов достойно оценивается и поощряется. Труженикам полей и ферм Карачаево-Черкесии хорошо известны имена опытных кадровых животноводов, для которых самоотверженный труд стал нормой повседневной жизни. Это — Герои Социалистического труда, гуртоправы Д. Узденов, М. Черкесов, доярка З. Байрамкулова, кавалеры ордена Ленина — чабаны Б. Долаев, Х. Батчаев, М. Байрамуков, Х. Лайпанов, Ф. Кочкаров, У. Боташев, дояры и доярки М. Биджиев, Х. Катчиев, Х. Кубанова, С. Ионова, А. Байрамукова, Х. Хубиев, Т. Айбазов и многие другие.

В процессе вдохновенного труда в общественном производстве вырабатывается воля к достижению высоких производственных показателей; формируется новое сознание человека. Социалистическое соревнование, широкое применение прогрессивных

методов организации труда, постоянное повышение трудовой активности и профессионального мастерства, расширение темпов механизации, совершенствование оплаты труда является необходимым условием как дальнейшего увеличения продукции животноводства, так и для формирования постоянных квалифицированных кадров животноводов. Вместе с пожилыми чабанами, гуртоправами или доярками работает молодежь. В результате такой практики народный опыт передается из поколения в поколение.

Из других занятий в области следует отметить также птицеводство. В прошлом эта отрасль была развита очень слабо. Разводили в основном кур — для получения мяса, яиц и сбора пуха. Птицеводство приобрело важное значение в хозяйстве горцев после завершения коллективизации. В последние годы некоторые колхозы и совхозы области, развивающие зерновое хозяйство, добились заметных успехов в развитии птицеводства. Например, опыт работы птицефермы колхоза им. Красных партизан показывает, что при наличии хорошей кормовой базы, необходимого помещения и соблюдения правил содержания и кормления можно за короткий срок в несколько раз увеличить поголовье птиц, производство яиц и мяса. Большое количество птицы находится в личной собственности колхозников, рабочих и служащих, проживающих на селе. Так, в 1971 году птицеводы области получили 76,7 млн. штук яиц, в том числе в колхозах и совхозах — 23,5 млн. штук, в личных подсобных хозяйствах — 51,7 млн. штук³³. А в 1973 — 1975 гг. — 126,8 млн., в 1976 — 1978 гг. — 83,0 млн.³⁴

Ныне колхозные и совхозные птицефермы комплектуются за счет продукции инкубаторно-птицеводческих станций, созданные в самих хозяйствах. Осуществляя перевод птицеводства на индустриальные методы производства. В области проведена определенная работа по специализации и концентрации. Производство яиц сосредоточено на птицефабрике «Заря», а бройлеров — на птицефабрике «Майской». На птицефабриках, как правило, работают исключительно женщины. В этом сказывается традиция, когда разведением кур в домашнем хозяйстве являлось обязанностью женщины.

Традиционным занятием сельского населения области является пчеловодство. Оно известно в Карачаево-Черкесии с давних времен. Пчеловодство — выгодная и доходная отрасль сельскохозяйственного производства — стало быстро развиваться уже в первые годы колхозного строя. Однако в годы Великой Отечественной войны пчеловодство в Карачаево-Черкесии потерпело большой ущерб. Ныне разведением пчел занимаются в

пчелосовхозе и в ряде хозяйств предгорной зоны, где для этого имеются благоприятные условия. Лучше всего развито пчеловодство в пчелосовхозах и совхозах «Джегутинский», «Холодно-родниковский» и в колхозе им. Красных Партизан. В них содержится по несколько тысяч пчелосемей, главным образом мигрельской породы. Пропаганде и развитию пчеловодства во многом способствует областная пчелобаза и хорошо оборудованные магазины, где производится продажа полного ассортимента пчеловодного инвентаря, искусственной вошины в обмен на воск.

Пчеловодством занимаются также отдельные колхозники, рабочие совхозов и служащие на своих приусадебных участках. Таких семей в каждом селе насчитывается по несколько десятков. Разведение пчел на дому носит в основном потребительский характер. Лишь некоторые из них имеют свыше десяти пчелосемей.

* * *

В первые годы коллективизации колхозы Карачая и Черкесии распределяли натуральные доходы по числу трудоспособных и количеству их выходов на общественные работы. Такая система учета и оплаты труда вела к уравниловке и не способствовала производительной активности колхозников и повышению производительности их труда. В конце 30-х годов в колхозах стали учитывать затраты труда колхозников по установленным нормам выработки по различным видам работ и оценки их в трудоднях. В дальнейшем эта система учета и оплаты труда развивалась и совершенствовалась. Колхозы стали применять сдельщину и премиальное поощрение. Учет количества и качества затраченного труда в общественном производстве значительно способствовал росту производительности труда, повысил материальную заинтересованность тружеников села. С 1959 года колхозы области перешли на гарантированную оплату труда, что также упрочило материальное положение колхозников⁸⁵.

Колхозники, занятые на различных сельскохозяйственных работах и механизаторы выработывали в году различное количество трудодней, что зависело от их индивидуальных способностей и возможностей, а также от оценки самого характера работы. Должностные лица (бригадиры, завфермы, учетчики, бухгалтеры и др.) руководители и специалисты колхоза получали определенное, заранее установленное общим собранием колхозников количество трудодней за день их работы. Колхозники знали, сколько трудодней они выработали за день и месяц, т. к. учетчики, принимая работу, в тот же день вычисляли, сколько трудо-

дней за нее полагается. Бухгалтеры проводили итоги по месяцам и кварталам и записывали в трудовую книжку каждого члена колхоза. В течение года колхозники получали деньги и различные продукты (зерно, овощи, фрукты и т. д.). С 1961 года колхозы области стали переходить на денежную оплату труда колхозников, что позволило более точно установить заработок отдельных категорий работников соответственно фактически затраченному труду, способствовало усилению трудовой активности колхозников, укреплению общественного хозяйства колхозов.

Денежная оплата труда в колхозах Карачаево-Черкесии получила дальнейшее развитие после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства»³⁶, рекомендовавшего всем колхозам ввести с 1 июля 1966 г. гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой) по тарифным ставкам соответствующих категорий работников совхоза.

В настоящее время в колхозах существует денежный учет и денежная оплата труда, которая осуществляется согласно рекомендации, разработанной Министерством сельского хозяйства РСФСР и Всероссийским Советом колхозов и утвержденной Советом Министров РСФСР 28 октября 1971 года.

Денежная оплата труда колхозников складывается из гарантированного ежемесячного заработка, выплачиваемого по установленным расценкам и из фонда поощрения, который распределяется между бригадами (фермами) пропорционально выполненному производственному заданию по выходу продукции, а внутри бригады — пропорционально гарантированному заработку каждого колхозника. Кроме того существуют премиальные фонды и фонды дополнительной оплаты, которые начисляются за отлично качество выполняемых работ, за получение сверхплановой продукции.

Источником оплаты труда колхозников являются денежные доходы от общественного производства. Распределение поступлений от всех отраслей общественного хозяйства по различным статьям определено Уставом сельскохозяйственных артелей. Налоги государству, страховые платежи и т. д. составляют 20% всего дохода, половину доходов колхозники расходуют на дальнейшее ведение и расширение своего общественного хозяйства и 30% составляют на оплату своего труда.

Теперь фонд оплаты труда колхозников выделяется в первую очередь, т. е. до отчислений в общественные фонды. Если раньше распределение по трудодням производилось после расчетов

по обязательным платежам и отчислений в общественные фонды, то теперь при новом порядке необходимые для этого средства исчисляются в пределах потребности, исходя из гарантированного минимума и тех дополнительных сумм, которые колхозы получают за качество и количество произведенной продукции.

В новых условиях сама организация работы воспитывает ответственное отношение к труду, общественной собственности. Раньше система оплаты труда, например, механизаторов в МТС не стимулировала их на борьбу за повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Теперь оплата труда механизаторов тесно связана с количеством и качеством получаемой продукции. Оплата труда животноводов осуществляется строго по установленным нормам выработки и расценкам, с учетом затраченного времени и результатов труда. Труд животноводов ежемесячно авансируется деньгами, а в конце года за перевыполнение плана по сохранению поголовья, увеличению привеса, надоя молока, настригу шерсти, получению приплода, начисляется дополнительная оплата. Точно так же в полеводстве оплата труда производится по конечным результатам труда, которая сочетается в себе основную оплату с дополнительной.

Гарантированная оплата труда, полностью учитывающая принцип материальной заинтересованности, побуждает тружеников села уплотнять рабочий день, лучше использовать технику. В результате повышается производительность труда, увеличивается выход сельскохозяйственной продукции. В совхозах в настоящее время в основном распространена аккордно-премиальная система оплаты, дополняемая рядом форм материального стимулирования. Эта система обеспечивает определенную связь заработка работников с конечным результатом их труда.

Важный шаг в совершенствовании материального стимулирования труда в совхозах представляет собой постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О совершенствовании системы оплаты труда работников совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства», принятое в 1970 году. В июле 1971 г. повышен минимальный размер пенсии колхозников и на них распространен порядок исчисления пенсий, установленных для рабочих и служащих, повышены тарифные ставки механизаторов сельского хозяйства.

Неуклонное и последовательное проведение в жизнь ленинских указаний о материальной заинтересованности — важнейший фактор укрепления общественного хозяйства. В. И. Ленин, рассматривая вопросы перехода от социализма к коммунизму, писал: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на

личной заинтересованности... иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму»³⁷.

Помимо общественного хозяйства колхозники, рабочие совхозов и служащие села занимаются приусадебным земледелием и домашним животноводством. Хозяйства из общественных земель выделяют каждой семье (независимо от числа трудоспособных членов ее) небольшой приусадебный участок, который располагается в непосредственной близости от дома. Размеры приусадебных участков в зависимости от почвенно-климатических и хозяйственных зон колеблется в пределах 0,15 и 0,40 га, а в колхозах ныне они составляют 0,25 га. Из 195 тыс. га пашни по области приусадебные участки колхозников и земли в личном пользовании рабочих и служащих составляют 10,3 тыс. гектаров. На приусадебных участках выращивают садовые и огородные культуры, повсеместно сажают картофель. Значительную часть продукции индивидуального хозяйства труженики села вывозят на колхозные рынки городов, а также сдают в государственные заготовительные пункты.

По мере удаления от города исчезает с участков подсобного хозяйства населения ряд культур, не везде интенсивно разводят фруктовые деревья. В горах сажают картофель, сеют кукурузу на корм скоту, а в предгорьях в основном разводят садово-огородные культуры. Землю вспахивают на лошадях или трактором, а последующие обработки производят вручную, тяпкой. Используют также и ослов для окучивания картофеля.

В наиболее передовых общественных хозяйствах приусадебный участок служит лишь источником снабжения семьи овощами и фруктами, и получения кормов для индивидуального скота и птицы. В настоящее время в личном подсобном хозяйстве населения насчитывается 60 тыс. голов рогатого скота, 100 тыс. голов мелкого рогатого скота и одна тысяча лошадей. Индивидуальные хозяйства области ежегодно производят в среднем 14—15 тыс. тонн мяса, что составляет около 40 процентов ко всем категориям хозяйства области, а также около 70 процентов яиц и 15—16 процентов шерсти. Для значительной группы рабочих и служащих, а также колхозников личное подсобное хозяйство является существенным источником получения продуктов питания — увеличения денежных доходов семей.

Для обслуживания индивидуального скота имеются штатные единицы врачей и веттехников. Они проводят вакцинацию и прививку против различных эпизоотических заболеваний. Поэтому в хозяйствах всегда предотвращены опасности таких заболеваний, как сибирская язва, ящур, оспа овец и т. д. Эта одна из многообразных форм оказания помощи владельцам личных под-

собных хозяйств, о необходимости которого говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду КПСС. Несмотря на то, что подсобное хозяйство еще играет значительную роль в бюджете тружеников сельского хозяйства, во многих передовых колхозах и совхозах в связи с совершенствованием системы оплаты и повышения производительности труда наметилась определенная тенденция к сокращению подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих. С другой стороны, высокая доходность личного подсобного хозяйства способствует в определенной степени сближению уровней доходов сельских и городских тружеников.

Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту помогли советским людям преодолеть в сознании старое, воспитанное веками. Утвердились новые нравственные принципы поведения людей на производстве и в быту. Общественные интересы стали выше, чем личные, расширились дружеские связи между селом и городом.

Выросло социалистическое мировоззрение людей: они стали понимать что коммунистическое сознание выковывается в труде, в борьбе против пережитков прошлого. В корне изменились и духовные запросы: людей стали использовать в общественном хозяйстве и в быту новейшие достижения науки, техники, передового опыта. По мере роста уровня механизации и интенсификации общественного хозяйства растут и технически образованные кадры.

Специалисты сельского хозяйства настойчиво учатся и передают свои знания труженикам полей и ферм. Их труд построен на научных основах, на плановой мысли, на идеях всенародной пользы. Партийные организации колхозов и совхозов прежде всего добиваются, чтобы коммунисты служили образцом для беспартийных, всегда дорожили высоким званием коммуниста, проявляли чуткость и внимание к людям, своевременно откликались на их запросы и нужды, показывали пример в выполнении общественного долга. На каждом участке общественного производства коммунисты организуют соревнование за коммунистический труд, изучают и делают достоянием всех такие примеры, когда трудом перевоспитывается человек. Они развивают в коллективе чувство товарищеской взаимопомощи, глубокого уважения и доверия, высокой требовательности друг к другу.

Интересы рабочих, служащих и колхозников не замыкаются рамками производства, они значительно шире и захватывают различные стороны общественной жизни и быта сельского населения.

- ¹ «Правда», 5 марта 1981.
- ² Статистический сборник. Черкесск, 1979 г., с. 14; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. Стат. ежегодник. М., 1980, с. 190.
- ³ Статистический сборник. Народное хозяйство Карачаево-Черкесской АО за 1971—1975 г. Черкесск, 1976, с. 71.
- ⁴ Статистический сборник. Экономическое и социальное развитие Карачаево-Черкесской автономной области за 1976—1980 годы. г. Черкесск, 1981, с. 24.
- ⁶ Газ «Ленинское знамя», 1980, 23 декабря.
- ⁶ Газ «Ленинское знамя», 1980, 23 декабря.
- ⁷ «Сельские зори», 1972, №1, с. 4.
- ⁸ Газ. «Ленинское знамя», 1967, 17 июня.
- ⁹ Газ. «Ленинское знамя», 1979, 7 августа.
- ¹⁰ Сельские зори, 1971, № 12, с. 35; газ. «Ленинское знамя», 1973, 5 мая.
- ¹¹ Газ. «Ставропольская правда», 1972, 27 июля.
- ¹² Сб. «Карачаево-Черкесия за полвека» Черкесск, 1972, с. 78.
- ¹³ Газ. «Ленинское знамя», 1973, 5 мая.
- ¹⁴ Сб. «Карачаево-Черкесия за полвека», с. 189.
- ¹⁵ Статистический сборник. Народное хозяйство Карачаево-Черкесской АО за 1971—1975 годы. Черкесск, 1976, с. 21.
- ¹⁶ Экономическое и социальное развитие Карачаево-Черкесской АО за 1976—1980 годы. (Статсборник). Черкесск, 1981, с. 113.
- ¹⁷ Сельские зори, 1972, №1, с. 9.
- ¹⁸ Статистический сборник. Сельское хозяйство Карачаево-Черкесской автономной области за 1971—1975 годы. Черкесск, с. 210—214.
- ¹⁹ Экономическое и социальное развитие Карачаево-Черкесской АО, с. 125—127.
- ²⁰ Газ. «Ставропольская правда», 1972, 27 июля.
- ²¹ Газ. «Ленинское знамя», 1972, 24 июня.
- ²² Газ. «Сельская жизнь», 1972, 21 ноября.
- ²³ Сельские зори, 1971, №4, с. 39; газ. «Ленинское знамя», 1971, 6 ноября; газ. «Ленинские байрагъы», 1972, 22 января.
- ²⁴ Газ. «Ленинские байрагъы», 1973, 27 марта.
- ²⁵ Газ. «Ленинское знамя», 1982, 8 июля.
- ²⁶ Газ. «Ленинское знамя», 1978, 26 июля.
- ²⁷ См.: Народное хозяйство Карачаево-Черкесия — к 60-летию автономии (Статсборник), Черкесск, 1981, с. 46.
- ²⁸ Газ. «Ленинское знамя», 1981, 7 ноября.
- ²⁹ Газ. «Ленинское знамя», 1979, 19 апреля.
- ³⁰ Газ. «Ленинское знамя», 1972, 25 мая.
- ³¹ Газ. «Ленинское знамя», 1979, 19 апреля.
- ³² Газ. «Ленинское знамя», 1971, 11 декабря.
- ³³ Карачаево-Черкесия к 50-летию СССР (Статсборник), Черкесск, 1972, с. 85.
- ³⁴ Статистический сборник. Черкесск, 1979, с. 21.
- ³⁵ Сб. «Карачаево-Черкесия за полвека», 1979, с. 110.
- ³⁶ Газ. «Правда», 1966, 18 мая.
- ³⁷ В. И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 151.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ АБАЗИН С АДЫГАМИ И АБХАЗАМИ В XIX ВЕКЕ

Одним из основных вопросов истории народов Кавказа является выявление культурно-исторических связей между ними.

Причиной культурно-исторических связей абазин с отдельной частью адыгских народов в XIX столетии явились их территориальная близость и длительные контакты, вызванные постоянными совместными миграциями в западной части Северного Кавказа, о чем свидетельствуют имеющиеся сведения того периода.

Так, например, М. И. Венюков писал, что абазинские племена, живущие между Кубанью и Белой, суть выходцы с юга, их соседи адыги имели на них большое влияние, а часть башилбаевцев и другие смешались с залабинскими кабардинцами¹.

Н. А. Волконский же указывал, что кизилбековские и тамовские общества находились в постоянных связях с абадзехами². В одном из источников XIX в. говорится, что абазины, обитавшие между Малкой и Кубанью, состояли под управлением Султана Менглигирея, но весьма малочисленны. Между ними есть до семи кабардинских деревень, принадлежащих Большой Кабарде, а население башилбайских и бесленеевских аулов были смешаны³.

Этнические контакты между абазинами и адыгами отмечали А. Н. Дьячков-Тарасов⁴ и А. Победоносцев⁵, при этом они подчеркивали, что черкесы и абазины жили в мирном содружестве. На генетическую связь отдельной части адыгов с абазинами (в XIX в.) указывает и Н. Г. Волкова⁶.

В работе И. Х. Калмыкова «Черкесы» дается краткое описание совместных миграций абазин с адыгскими народами. «Со

временем появления хоперцев, — пишет И. Х. Калмыков, — начинается завоевание царизмом Закубанского края. После их поселения бесленеевцы, кабардинцы и абазины отставивали районы вдоль Большого и Малого Зеленчуков и расселились по Урупу и его притокам»⁷. В 30-х годах XIX в. возникла очередная линия по Большому Зеленчуку, названная Зеленчукской. Через 10 лет была создана Лабинская кордонная линия. С образованием этих линий началось возвращение кабардинцев, бесленеевцев и абазин в долины Зеленчуков и Кубани⁸. С 1835 г. до конца 50-х годов XIX в. черкесы и абазины переселяются с Урупа и других мест на берега Большого и Малого Зеленчуков⁹. В начале 50-х годов XIX в. наряду с черкесскими на Малый Зеленчук были переселены и абазинские аулы.

Аулы Клычевский и Егибоковский по этническому составу населения значительно отличались в прошлом от других абазинских аулов. В них, наряду с абазинами, жили представители и адыгских этнических групп, что впоследствии повлияло на язык абазинского населения этих аулов¹⁰.

Жители абазинского селения Абуково, которое известно с 1852 года, в начале 60-х годов XIX переехали в кабардинские селения Верхний и Нижний Куркужин. Там абуковцы смешались с кабардинцами и потеряли свой язык¹¹.

До начала Кавказской войны черкесы и абазинцы занимали территорию от устья Теберды до г. Невинномысска. Но в годы войны адыго-абазинские группы вынуждены были временно покинуть обжитые места и переселиться туда, где они могли в мирных условиях содержать скот, а возвращались обратно лишь после создания так называемой Лабинской военной линии по течению Лабь¹².

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют о том, что совместные миграции абазин и адыгов были обусловлены общими историческими судьбами, что приводило к установлению тесных связей между ними.

Широкая меновая торговля, которая происходила в станциях Баталпашинской, Прочноокопской, Боргустанской, а также на ярмарках, значительно способствовала возникновению и развитию контактов между абазинами и адыгами. Примечательно высказывание по этому поводу абазинского просветителя XIX в. Адиль-Гирея Кешева (Каламбий). Давая красочное описание ярмарки, где бойко торговали вместе с русскими черкесы, абазинцы, ногайцы и представители других кавказских народностей, Каламбий приходит к выводу: «Торговля — лучшее средство к сближению народов, в ней исчезает все, что разъединяет их друг от друга»¹³.

Особенно следует обратить внимание на смешанные браки абазин с адыгскими народами в период XIX столетия, что является одним из основных факторов их сближения и этно-культурных связей между ними.

В одном из документов отмечалось, что абазины «связь имеют больше всех с закубанцами, с коими многие связаны родством, берут оттуда себе жен и туда дочерей своих отдают»¹⁴.

В этом же документе отмечалось, что абазины с кабардинцами тоже имели родственные связи¹⁵. В источниках также указывалось, что кабардинцы и абазины, отдавая и получая дочерей из одного народа в другой, роднились¹⁶.

В процессе этнических связей абазин и адыгов в быт абазин проникали многие слова и предметы адыгского обихода. «Абазины закубанские, — отмечал К. Ф. Сталь, — кроме своего языка все говорят черкесским языком»¹⁷. Хан-Гирей писал, что черкесский язык у абазин сделался всюду общим¹⁸.

«С точки зрения культурно-исторических взаимоотношений разных народов, — пишет Ш. Д. Инал-ипа, — язык представляет собой, можно сказать, неисчерпаемую и вполне надежную кладовую драгоценных свидетельств»¹⁹.

Специалистами выявлено, что в лексикон абазин включается множество адыгских слов в том же значении, в каком они употребляются в адыгских языках.

Многие черты материальной культуры и обычаи у абазин и адыгов тождественны. По свидетельству Хан-Гирея, «абазины трудолюбивый народ, занимаются с прилежанием скотоводством и, говоря вообще, совсем освоились с черкесами: одежда и образ жизни совершенно те же, как у черкесов; обычаи и даже нравы они более приняли черкесские, нежели сохранили собственные»²⁰.

Этнические связи абазин и адыгов отразились и в их фольклоре. В одной песне говорится о герое Глежрикопш, имя которого стало нарицательным. Качества его таковы, что абазины и кабардинцы состязаются, восхваляя его:

Абазины:

Ой, Глежрикопш! Он могучий пши!
Он повсюду слышен!
Геройской кровью стрелу он умыл
И лук повесил на гвоздь.

Кабардинцы:

Неправда, неправда, неправда!
Неутомимость — невеста его.
Прискачет — и словом врага снимет,
Пальцы меняют полет пули...

Абазины:

Ой ты, ты был круторогий,
Короткой сабли широкая сталь!
Рубить мы хотели, да выпала сабля
Ой, Тлежрикопш.

Кабардинцы:

Он могучий пши! Он повсюду слышен!
Ой, красавицу белую он кобылицу
В морду бьет, заставляет прыгать,
Куда не прыгают даже псы.

Абазины:

Ой, Тлежрикопш!
Он пши всех краше!
Злосчастной сабли рыжа рукоятка!

Кабардинцы:

Усы героя — что рыжий шелк,
Сабля его — из каленой стали:
Кровью умыл да в бой пустил!²¹

В другой кабардинской исторической песне о Каирбеке Татлустанове (один из родов Малой Кабарды) говорится, как пришло на помощь кабардинцам абазинское селение Трамове, а в песне «Песня хажретов» воспевается абазин Трамов Карабатыр:

...Мой маленький серый туркменский конь!
Тот, кто велит написать бумагу,
Рублей на тысячу договор брачный,
И вдруг невесту на хур (т. е. «божественно-прекрасная дева») меняет,
Но не меняет сердце в бою, —
Этот Трамов Карабатыр²².

В XIX столетии отмечены тесные этнические связи между абазинами и абхазами. Вот интересное сообщение Ф. Ф. Торнау: «Башилбай, Шегирей, Там и некоторые другие аулы на северной покатости гор состояли из населения чисто абазинского происхождения, с которым абхазцы поддерживали самые дружеские отношения, находя в этих аулах пристанище. Мое намерение было, пользуясь этим обстоятельством, — пишет Ф. Ф. Торнау, — перейти через горы с абхазцем, имеющим друзей или родственников в одном из аулов»²³. По словам М. И. Венюкова, абазины питали большое уважение к абхазской фамилии Шеваршидзе²⁴. Н. В. Волконский описывал связи абхазской фамилии Маршани с абазинами. «В Бомборах, — пишет он, — генерал-майор Муравьев получил донесение о смятениях, возникших в Цебельде по случаю вторжения партии ахчипсуоуцев

под предводительством беглых дальских князей Шабата, Эсшау и Байсенгура из фамилии Маршани, нашедших себе убежище в Теберде, на северной покатости Кавказа, в землях князей Лоовых»²⁵. Л. И. Лавров указывает, что Сидовы (Сидаа) и Зоуромовы (Заурымма) причисляли себя к роду абхазских князей Марчани²⁶.

На этнические связи между абазинами и абхазами указывает и факт, приводимый Ш. Д. Инал-ипа: «Пожилой абазин Р. Х. Хутов, — пишет он, — переселившийся с Северного Кавказа (с. Красновосточное) в Абхазию (с. Дуриш), в числе первых вещей привез с собою на новое местожительство и свою железную жернововидную тамгу с железной длинной ручкой, с тем же названием «тамга-жернов», как и у абхазов, унаследованную им от своих далеких предков. По его словам, неизвестно, кто и когда ввел ее в роду, но как родовая реликвия она уже давно переходит из поколения в поколение. Ею метили свой скот только члены данной родственной группы, и за целое состояние не уступили бы никому другому»²⁷. Любопытно наблюдение Л. И. Лаврова: «Совпадение рисунка тамги у разных фамилий, — пишет он, — может указывать на их общее происхождение, хотя родственные связи между ними утрачены»²⁸.

В абхазском фольклоре ярко отразились этнические связи между абазинами и абхазами. Так, в одном из сказаний говорится: «Однажды абазин и абхаз вместе отправились в горы. Абазин сказал абхазу: «Возьми свою бурку, а то в горах небо станет ближе бурки». Но абхаз не послушался. Когда они поднялись в горы, то внезапно переменилась погода, налетел ветер, пошел снег, в двух шагах ничего не было видно. Тогда абхаз вспомнил о бурке, но где она? Когда погода улеглась, абазин напомнил абхазу: «Ведь я тебе говорил, что наступит такой момент, когда небо станет ближе твоей бурки. Нужно было взять бурку и любая погода была бы тебе нипочем»²⁹.

В другой легенде рассказывается о том, как группа абхазов шла по горам, и с ними был один абазин. Ему по какому-то неотложному делу нужно было попасть на Северный Кавказ. Около полуночи, когда встала звезда, которую абхазы называли «цагятла», которая похожа на утреннюю звезду, абазин решил, что это утренняя звезда, и стал быстро собираться в путь. Абхазы стали отговаривать его: мол, не иди, погибнешь, это не утренняя звезда. Но абазин никого не послушался. «Я должен идти, — сказал он, — это утренняя звезда»... Он отправился в путь и погиб... После звезды цагятла абхазы стали называть «звездой абазина»³⁰.

До сих пор в памяти народа сохранилась легенда, рассказывающая о существовании в горах Гудаутского района Абхазии места, названного когда-то абхазами местом, где погиб абазин.

В одной из абхазских народных песен говорится: «Между абазинами и абхазами проложивший конную дорогу, Аджыр-ипа Данакай»³¹.

В другой историко-героической поэме поется:

«Мужчина из мужчин, стоявший впереди,
Подобно матерому волку кружился,
Как сокол реявший над ними,
Как абазинский жеребец ржавший,
В племени вражьем стоял...»³²

В одной абхазской шуточной песне рассказывается, как сын князя Каламата, Акудж-ипа Хазарат, отправился к абазинам свататься и его нечаянно убили³³.

Д. Д. Инал-ипа подчеркивает, что абазины в сравнительно недалеком историческом прошлом составляли вместе с абхазами единую этническую группировку. Поэтому, естественно, что они проявляют большое сходство с абхазами во всех областях материальной и духовной культуры. «Сходные и тождественные черты, — указывает автор, — мы находим и в нартском эпосе обоих народов. Абазинские сказания, как и абхазские, повествуют о жизни большого нартского братства или общества, состоящего из 99 (100) братьев во главе с вещей, вечно молодой и сияющей красотой матерью. Мать нартов у абазин называется точно так же, как и абхазов, — Сатаней-Гуаша (иногда просто Сана). Роль и функции ее в обеих версиях сказаний во всем основном идентичны. После Сатаней-Гуаши главным действующим лицом абазинского эпоса, как то мы наблюдаем у абхазов, является герой, выступающий под именем Сосрыква. И тут и там сосрыковский цикл служит центральным и одновременно древнейшим ядром эпоса. Общими являются и такие образы, как Нарджьхоу (абаз. Арджьхоу), Хважарпыс (абаз. Хъабыжьы—Арпыс), Шаурдын (абаз. Шардан), Батаква (абаз. Батако), Татраш (абаз. Тотраш), Патраз (абаз. Батраз), Хмыш (абаз. Шмыш), Голомбак (абаз. Алоак) и др.»³⁴.

«Древний религиозно-мифологический образ под именем «уашко», который был знаком некоторым вымершим аборигенам северо-восточной Малой Азии еще за две тысячи лет до н. э., и сегодня не совсем забыт в кругу абхазо-адыгских и частично осетинского народов», — пишет Ш. Д. Инал-ипа. Прово-

дя параллель между абхазским и абазинским «уашхо», он отмечает: «В абхазском словоупотреблении «уашхуа» и теперь часто используется как выражение самой сильной, верной клятвы и завершения, например, в случае отказа от сопротивления, признания своего поражения, безоговорочного подчинения воле победителя и т. п. У старшего поколения абазин автору удалось установить (летом 1973 г. в ауле Инжич-Чукун Хабезского района Карчаево-Черкесской автономной области), что сохранились воспоминания об «уашхо». Абазины представляют мифическое «уашхо» почти точно так же, как и их южные сородичи — абхазы. Например, по словам 73-летнего инжич-чукунского жителя У. К. Квапсырген, «уашхва», «уашхва татаруп» представляет собой некую высшую, священную силу и с этим именем в устах произносили самую сильную клятву — окончательную и нерушимую ни при каких обстоятельствах. «Уашхва» и ложная клятва несовместимы друг с другом. Если человек сказал «уашхва», это значит, что он говорит правду. Обращает на себя внимание, что у абазин, как и у абхазов, наш термин встречается как отдельно, так и в неразрывном сочетании с другим выражением «татаруп», причем и у них точное значение слова «татаруп» также утеряно»³⁵.

Сходные черты в материальной культуре абхазов и абазин в прошлом мы находим и в их одежде. Так, автор XIX в. Н Дубровин писал, что черкесы носят всегда башлык белого цвета, а абазины и абхазцы предпочитают башлыки темных цветов³⁶.

Абазино-абхазские этнические связи выразились и в религии. Например, в религии абхазов и абазин преобладает культ единого общенародного бога Анчва (Анцва).

По свидетельству Э. Челеби, у абазин был обычай класть тело покойного в деревянный ящик, который прикреплялся к ветвям высокого дерева³⁷. Такой обычай мы находим у абхазов. По словам А. Ламберти, у абхазов есть замечательный обычай, а именно: «Покойников не хоронят, но подвешивают на деревья следующим образом: выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне. И его лошадь должны послать ему вслед, говорят родственники покойника, так как в том мире она понадобится ему»³⁸.

Таким образом, этнические связи абазин с адыгами и абхазами являются продуктом общих социально-экономических условий жизни, которые были характерны для данных народов в

их историческом развитии. Небольшой историко-сравнительный материал, рассмотренный в настоящей работе, подтверждает, нам кажется, этот вывод.

¹ Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — «Записки Русского географического общества». Кн. 2., Спб., 1863, с. 47, 50.

² Волконский Н. А. 1840, 1841 и 1842 гг. на Кавказе. — «Кавказский сборник», т. 14. Тифлис, с. 381.

³ Краткая записка о горских народах. — журнал «Северный архив», ч. 22. Спб., 1826, с. 30—31.

⁴ Дьячков-Тарасов А. Н. Социальные формации Карачая и современная экономическая мощность. — «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института», т. 1, Ростов-на-Дону, 1928, с. 143.

⁵ Победоносцев А. Черкесия. М., 1940, с. 24.

⁶ Волкова Н. Г. Этномы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 55.

⁷ Калмыков И. Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк Черкесск, 1974, с. 41.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 43.

¹⁰ Там же, с. 130.

¹¹ Лавров Л. И. Классовое расселение и племенное деление абазин в XVIII—XIX вв. «СЭ», 1948, № 4, с. 171.

¹² Калмыков И. Х. Указ, соч., с. 131.

¹³ Цит. по работе: Голубева Г. Л. Адиль-Гирей Кешев (Каламбий), как этнограф (1840—1872 гг.). — «Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИ», т. IV (серия историческая). Краснодар, 1965, с. 257.

¹⁴ ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. I, л. 2.

¹⁵ ГАСК, ф. 249, оп. 3, ед. хр. I, л. 2.

¹⁶ Дебу И. Л. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или вообще замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. Спб., 1829, с. 122.

¹⁷ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа. — «Кавказский сборник», т. 21. Тифлис, 1900, с. 114.

¹⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с. 219.

¹⁹ Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 18.

²⁰ Хан-Гирей, Указ, соч., с. 219.

²¹ Кабардинский фольклор. М.-Л., 1936, с. 372—373.

²² Кабардинский фольклор. с. 423.

²³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864, с. 69.

²⁴ Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой. — «Записки Русского географического общества». Кн. 1, Спб., 1863, с. 49.

²⁵ Волконский Н. В. 1840, 1841, и 1842 гг. на Кавказе. — «Кавказский сборник», т. 14, 1890, с. 336.

²⁶ Лавров Л. И. Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII—XIX вв. — «СЭ», 1948, № 4, с. 172—173.

²⁷ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 223.

²⁸ Лавров Л. И. Кавказские тамги. В кн.: Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 105.

²⁹ Со слов Ардзымба Басият Исламовича, 75 лет. Записано в с. Дурипш Гудаутского района Абхазии в 1967 году. — Рукописные фонды Абхазского государственного музея.

³⁰ Со слов Харазна Керем Дамеевича, 105 лет. Записано в с. Баграбара-ран Гульрипшского района Абхазии, в сентябре 1977 года — Рукописные фонды Абхазского государственного музея.

³¹ См.: Шинкуба Б. В. Абхазская народная поэзия. Сухуми, 1959, с. 144.

³² См.: Бгажба Х. С. Абхазская народная поэзия. Сухуми, 1972, с. 49.

³³ См.: Бгажба Х. С. Абхазская народная поэзия. Сухуми, 1972, с. 78.

³⁴ Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977, с. 102—104.

³⁵ Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 146—149.

³⁶ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1886, т. 2, с. 2.

³⁷ Цит. по работе: Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. IX. Одесса, 1875, с. 178.

³⁸ Ламберти А. Описание Колхиды. — «СМОМПК». Вып. 43. Тифлис, 1913, с. 189—190.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВОГО ТОНКОРУННОГО ОВЦЕВОДСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Распространение капитализма в России на новые территории обычно, как правило, начиналось с развития его первоначальных товарно-хозяйственных форм, в дальнейшем там вызревали более сложные формы капиталистического хозяйства, типичные уже для «чисто империалистического капитализма»¹, т. е. развитие капитализма вширь приводило по мере хозяйственного освоения и накопления капиталов к развитию капитализма вглубь. Для исследования развития этих двух взаимосвязанных процессов развития капитализма нам представляется интересным изучение динамики возникновения и развития тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе.

Исторические сведения говорят о том, что до конца 60-х годов тонкорунное овцеводство на Северном Кавказе почти отсутствовало. Так по данным А. В. Фадеева к середине XIX века в Кавказской (Ставропольской) губернии насчитывалось 24219, а на территории Черноморского казачьего войска 8715 меринцов². В 1860-е годы начинается период бурной гражданской колонизации и широкого экономического освоения Северного Кавказа.

Процессу развития капитализма в сельском хозяйстве Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей способствовало не только наличие огромных земельных просторов, но и то, что среди крестьянского и казачьего населения феодальные пережитки в аграрных отношениях прослеживались очень слабо.

Почвенно-климатические условия Северного Кавказа как нельзя лучше подходили для развития тонкорунного овцеводства, целинные степи, не знавшие плуга пахаря, представляли

прекрасные пастбища, а продажные и арендные цены на землю были исключительно низкими³. Обширность нераспаханных целинных угодий, их высокое плодородие отмечали многие исследователи. Так, известный специалист по скотоводству в России проф. П. Н. Кулешов писал: «Обширные степи и предгорья Северного Кавказа особенно благоприятны для разведения всех видов скотоводства. Там существуют условия, напоминающие закавказский край: овцы весной и осенью находят обильный корм в степях, а в жаркое летнее время, когда степные пастбища выгорают от солнца, тогда овцы могут пользоваться предгорными пастбищами. Однако между Северным Кавказом и Закавказьем весьма существенная разница: степи Северного Кавказа несравненно более плодородны и вернее обеспечивают кормами скот в течение целого года, так что настоящей необходимости передвижения скота на горные пастбища для многих местностей там не ощущается»⁴.

Овцеводы - промышленники южных губерний России — Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, где сильное развитие получило мериновое овцеводство, стесняемые растущими ценами на землю и распашкой целинных пастбищ под зерновые хлеба, в короткий срок перешли со своими стадами овец на степные просторы Кубани и Ставрополя. В конце 60-х годов и в 70-х годах XIX века происходило настоящее нашествие южных овцеводов на степные просторы Предкавказья.

В 70-х годах огромные площади войсковых земель на Кубани сдавались в аренду по цене от 15 коп. до 24 коп. за десятину в год. В Ставропольской губернии арендные цены колебались от 25 коп. до 1 руб. 30 коп. за десятину, а в Терской области в этот период десятина степного чернозема обходилась в 10 коп. в год. Причем наиболее благоприятные условия аренды были предложены овцеводам-тавричанам и горским феодалам (князьям), которые имели возможность арендовать казенные и станичные земли сотнями тысяч десятин⁵. Реальные продажные цены составляли в Ставропольской губернии от 7 до 14 руб. за десятину, а на Кубани — от 2 до 20 руб.⁶, в то время как в Херсонской губернии — 27,1 руб., Таврической — 14—19 руб. По сравнению с теми же губерниями накладные расходы на содержание овец зимой на Северном Кавказе были низкими благодаря благодатному климату. В среднем зима длится всего около двух месяцев⁷.

Кормов на такой короткий период стойлового кормления было вдоволь.

Кроме того, мягкий климат позволял обходиться просто сделанными овчарнями. На строительство использовали исключи-

тельно местный материал, поэтому овчарни обходились овцеводам очень дешево. Применяли в качестве строительного материала самая (кирпич-сырец), колья и прутья для плетения так называемых турлучных стен. И того и этого хватало в изобилии.

При такой мягкой зиме мериносов даже в холодные дни кормили снаружи. Период ягнения же совпадал с началом потепления в конце февраля — начале марта. Поэтому овцеводам не было никакой необходимости строить капитальные утепленные овчарни, требующие больших расходов, как на севере России. Наоборот, у многих овцеводов, особенно арендующих землю, из-за нехватки крытых помещений для зимовки ежегодно более или менее значительная часть овец зимовала в открытых загонках или кочевках, огороженных плетнем, навозом, объедками сена, соломой или даже жердями⁸.

Все указанные выше благоприятные условия привлекли внимание овцеводов-капиталистов южных губерний России. На новой территории первое время овцеводы «таврчане» были полновластными хозяевами, не испытывая сколь-нибудь ощутимой конкуренции. Крестьяне разводили овец в основном грубошерстных, а то небольшое число помещичьих хозяйств Ставропольской губернии, разводившие мериносов, не были способны конкурировать с «таврчанами» в силу малочисленности стад и отсутствия крупного оборотного капитала.

Рассвет тонкорунного овцеводства в регионе падает на 70—90-е годы XIX столетия. Рост поголовья овец идет очень быстро. Если в 1870 году на Ставрополье насчитывалось только около 25 тысяч мериносов, то в 1875 их было уже более 264 тысяч⁹. К концу XIX в. развитие тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе достигло максимальной величины за все время его существования в регионе. По оценке П. А. Шацкого, в это время в северо-кавказских степях насчитывалось около 5 млн. мериносов из общего числа 8 млн. в России¹⁰.

В Кубанской области насчитывалось в 1893 г. овец грубошерстных 1.663.384 голов, а мериносовых 1.265.540 голов¹¹. Самые лучшие стада располагались в междуречье Кубани и р. Белой. П. Н. Кулешов определяет численность северокавказского тонкорунного овцеводства в середине 90-х годов XIX в., исходя из отчетов Ростовского шерстяного рынка, той же цифрой 5 млн.¹²

Наиболее крупные «таврчане» владели десятками тысяч овец. Например, в 1891 г. у известных овцеводов И. Ф. Петрика 1-го и И. Ф. Петрика 2-го было соответственно 70 и 46 тысяч овец, у Ф. А. Николенко — 47 тысяч, у Т. Г. Мазаева — 40 тысяч овец и т. д. Следует сказать, что в Ставропольской губер-

нии разведением мериносов занимались также и богатые крестьяне на арендованных землях.

Овцеводы создали громадные экономии и многочисленныи хутора с десятками тысяч десятин земли.

По свидетельству современников, тонкорунное овцеводство было развито на Северном Кавказе на левобережье Кубани, главным образом в Кавказском, Баталпащинском, Лабинском и Ейском отделах Кубанской области и в западной части Ставропольской губернии¹³.

В Терской области овцеводы-промышленники появляются только с начала 80-х годов XIX века. К началу 90-х годов тавричане начинают активно вытеснять с пастбищ западных отделов Терской области казачье коневодство. В отчете начальника Терской области за 1890 год отмечалось, что овцеводы, занимая за ничтожную арендную плату все большее пространство станичных земель Пятигорского отдела, самых удобных для выпаса конских табунов, с каждым годом все более вытесняют казачье коневодство¹⁴. В 1809 году в Пятигорском отделе уже было 300 тыс. тонкорунных овец¹⁵. Кроме того к этому времени мериносов разводили в Хасав-Юртовском округе. Причем, среди овцеводов были и кумыки. В короткий срок «тавричане» со своими стадами мериносов заняли почти все громадное пространство от Азовского до Каспийского морей¹⁶.

«Тавричане» развивали промышленное тонкорунное овцеводство в основном на арендованных и частновладельческих землях. Только в одной Кубанской области на арендованных ими землях в 1892 г. насчитывалось 1167 тыс. тонкорунных овец¹⁷. У крупных овцеводов в Баталпащинском отделе Кубанской области на арендованных землях насчитывалось 240 тыс. тонкорунных овец. Поскольку Баталпащинский отдел был самым гористым и неудобным для земледелия, все крупные капиталистические экономии: Барабаша, Николенко, Мазаевых и т. д. были животноводческие. Они располагались в степной и предгорной зонах отдела. Коренное население степной зоны отдела ногайцы тоже начали разводить мериносовых овец в виду большой доходности. К 1894 году в ауле Мансуровском насчитывалось 5527 голов тонкорунных овец, в Тохтамышевском — 2000¹⁸. В более суровой горной местности горское население отдела — карачаевцы, черкесы, абазины занимались традиционными видами животноводства — коневодством, разведением грубошерстной курдючной овцы, славившейся качеством мяса, разведением крупного рогатого скота.

В Ставропольской губернии процесс развития капитализма в сельском хозяйстве шел таким же путем. Если сравнить темпы

роста поголовья овец у крестьян, ведущих свое хозяйство преимущественно на наделных землях, с овцеводами-арендаторами и частными земледельцами, то получается огромная разница. С 1876 года по 1900 год поголовье среди крестьян-общинников, ведущих свое хозяйство, главным образом, на наделных землях, несколько сократилось, поголовье же овец, принадлежавших частным земледельцам и арендаторам, возросло в десять с лишним раз.

Характерным для Северного Кавказа был факт перехода пожалованной земли из рук офицеров и дворян в руки овцеводов-капиталистов. Для примера скажем: в Кубанской области уже к середине 90-х годов из общей площади пожалованных земель дворянство продало 450 тыс. десятин, или 86 процентов.

Большая часть дворянства и офицерства, пожалованных участками земли после окончания Кавказской войны, не обладая навыками капиталистического предпринимательства, легко продавала свои земли. На этих купленных и арендованных землях создавались экономии фермерского типа, основанные на наемном труде иногородних. Рынок рабочей силы на Северном Кавказе с каждым годом увеличивался в связи с большим притоком переселенцев из центральных областей России и юга Украины. Летом в поисках работы тысячи людей скапливались в крупных станицах и на железнодорожных станциях. «Тавричане» были самыми жестокими эксплуататорами наемных рабочих — чабанов, подпасков, сакманщиков, стригалей. Как указывает П. А. Шацкий, за 40—50 рублей в течение 5—6 месяцев «тавричанин» стремился выжать из батрака все его силы и здоровье¹⁹.

Число наемных рабочих в крупных овцеводческих хозяйствах доходило до нескольких сотен. Например, в экономии Тимофея Мазаева (станция Отрадная Баталпашинского отдела) работало 150 чел. постоянных батраков, а летом в покос число рабочих доходило до 1500²⁰.

Таким образом, капиталистические отношения, распространившиеся на территории Северного Кавказа, породили в лице «тавричан» своеобразный тип крупной сельской буржуазии, который больше нигде не встречался.

Основным стимулом быстрого развития тонкорунного овцеводства на Кавказе был рост потребности капиталистического рынка в продуктах овцеводства. Поскольку тонкорунное овцеводство является сырьевой базой сукопной промышленности, то и направление овцеводства определялось ее запросами, в какой-то степени техническими параметрами станков.

В России разводилось несколько пород тонкорунных овец: негретто, рамбулье, инфандато. Все они были завезены из Европы и являлись потомками испанских тонкорунных овец. К середине XIX в. стараниями русских овцеводов была выведена знаменитая мазаевская порода тонкорунных овец, имевшая длинную камвольную шерсть, большой вес руна, приспособленная к местным условиям. В 1888 г. П. Н. Кулешов писал: «Мазаевская или черноморская овца распространена в Кубанской области, Таврической и Херсонской губерниях. Доход, приносимый этими овцами, превосходил почти вдвое доход, приносимый другими типами мериносовых овец»²¹.

Мазаевская порода мериносов имела шерсть длиной от 1 до 1,75 вершка, с сильным волосом, а количество грязного руна с одной овцы было весьма значительно и даже в шерстяных стадах не менее 10—12 ф. на круг²².

Создателями известной мазаевской породы мериносов, на основе которой развилось в основном северокавказское тонкорунное овцеводство, были два брата малоканина Петр и Гаврил Мазаевы. В 1825 г. они преселились из села Бурнак Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в село Нововасильевку Бердянского уезда Таврической губернии, где и занялись овцеводством. Вскоре они купили экономию в 2799 десятин на балке Утлюк Мелитопольского уезда, впоследствии известной под названием хутор Мазаевка²³.

Мазаевы ориентировались в основном на спрос со стороны заграничных покупателей на длинную камвольную шерсть, хотя в начале своей предпринимательной деятельности они занимались производством штофной и суконной шерсти для тонких сукон. Такой поворот в производстве шерсти был вызван повышением спроса на камвольные ворсистые материи — швиоты, прочный и красивый вид которых удержал на долгое время высокий спрос. Английские машины старого типа могли чесать с выгодой камвольную ленту только из длинной шерсти, а потому такая шерсть оплачивалась на Ростовском рынке гораздо дороже коротких шерстей²⁴. В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. длинная мазаевская шерсть продавалась на Ростовском шерстяном рынке на 1,5—2 руб. дороже, чем короткие шерсти новороссийского типа²⁵.

Как было показано выше, центр тонкорунного овцеводства в России переместился на юго-восток России — степи Северного Кавказа. В соответствии с этим центр торговли шерстью постепенно переместился из Харькова в Ростов-на-Дону. Если в 1885 г. на Ростовский шерстяной рынок поступило около 200 тыс. пуд. тонкорунной шерсти, то к середине 90-х годов

привоз шерсти возрос до 1 млн. пуд²⁶. Шерсть продавалась обычно в виде перегона, т. е. шерсти, мытой на «спине» овцы в карболовых растворах. Поэтому русская мериносовая шерсть носила желтоватый или даже красноватый цвет. Шерсть кавказских мериносов всегда была в цене у фабрикантов, ибо главные ее качества — крепость и длина — позволяли добавлять в аппаратную пряжу более слабые шерсти, что значительно удешевляло ткани.

Торговля шерстью производилась на ярмарках, куда она свозилась овцеводами весной и осенью. Сюда же съезжались и покупатели. Основными оценщиками тонины шерсти, ее сорта были фабриканты, в том числе и иностранные. Хотя сортировка шерсти носила примитивный характер, торговля носила более или менее организованный характер. Выяснялся спрос, выяснялись цены. Под шерсть, завезенную на склады, банки могли выдавать ссуды, что представляло большое удобство для предпринимателей. Таково было, например, положение в Харькове, где было большое число складов.

Наряду с перемещением центра тонкорунного овцеводства на Северный Кавказ и ростом его поголовья, общее поголовье мериносовых овец в России сокращалось²⁷.

В нижеприведенной таблице можно проследить динамику численности тонкорунных овец в России в целом и отдельно по Северному Кавказу.

Таблица 1*

Годы	Количество мериносов в России	Количество мериносов на Северном Кавказе
1870	12.579.500	24.219
1881—1887	14.000.000	2.000.000
1896	8.000.000	5.000.000
1906	4.500.000	2.000.000

Это уменьшение количества мериносов было вызвано усиленной распашкой земель под посевы пшеницы в плодородных черноземных губерниях юга и юго-запада России.

Анализируя подробно социально-экономические последствия реформы 1861 г., В. И. Ленин отмечал, что происходило перемещение главного центра производства зерна из района среднечерноземных губерний в район степных Новороссии и Заповольжья²⁸.

Новороссия к концу XIX в. становится одним из наиболее типичных районов земледельческого капитализма.

Поголовье тонкорунных овец на Северном Кавказе возра-

* Таблица составлена автором на основании данных П. Н. Кулешова и П. А. Шацкого.

стало до середины 90-х годов, когда в России уже наблюдался явный упадок тонкорунного овцеводства, и составлял 82,5% общего поголовья мериносов в России.

В это время количество овец на 100 душ населения было на Северном Кавказе самым высоким в России.

Таким образом, увеличение тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе до середины 90-х годов XIX в. было ничем иным, как проникновением капиталистических отношений на новую территорию. Если в это время капитализм в сельском хозяйстве «Новороссийских» губерний уже развивался вглубь и там производила уже в результате капиталистической конкуренции смена одной отрасли другою, то на Северном Кавказе капитализм развивался еще только вширь. Это происходило через развитие тонкорунного овцеводства, распространение его по всему Предкавказью, везде, где была малейшая возможность скупить землю, арендовать ее, стеснив тем самым иногородних, горцев и кочевые народы.

Начиная с 90-х годов XIX века овцеводство Северного Кавказа постепенно приходит в упадок. Основной причиной резкого уменьшения тонкорунного овцеводства в регионе послужила изменившаяся конъюнктура капиталистического рынка.

Развитие капитализма в регионе резко ускорилось в связи с пуском Владикавказской железной дороги и открытием Новороссийского порта. Если до этого вывоз пшеницы на мировой рынок осуществлялся через порты Азовского моря — Ейск, Приморск-Ахтарск и Ростов-на-Дону, то теперь поток российской пшеницы шел в основном через Новороссийск и Ростов-на-Дону.

Увеличивалась площадь пашни под пшеницу, табак, спрос на которые на мировом рынке возрастал. Этому способствовал быстрый рост населения. Особенно усиленной колонизации подвергалось Закубанье, поскольку в это же время шло массовое выселение горцев в Турцию. По мнению различных исследователей, с 1858 г. по 1869 г. Северный Кавказ покинули до 1 млн. коренных жителей²⁹.

Одновременно происходила казачья и крестьянская колонизация региона. 10 мая 1862 года было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России³⁰. В течение четырех лет с 1861 по 1864 гг. в Закубанье было построено 111 станиц с тремя поселками, в которых было поселено 14396 семейств различных переселенцев³¹. В период с 1872 по 1904 гг. на Кубань переселилось около миллиона че-

ловек, а население увеличилось в общей сложности с 733 до 2248 тыс. человек³².

На плодородной равнине Кубани, где были самые лучшие земли на Северном Кавказе, оседало большинство переселенцев, направлявшихся на Кавказ. Большинство крестьян, арендуя землю маленькими площадями, занималось земледелием. Арендные цены на землю с 80-х годов XIX века неуклонно растут вверх, резко возрастают продажные цены, растет количество мелких крестьянских наделов земли. Все это сильно стесняет овцеводов-промышленников.

За 20 последних лет XIX века цена десятины аренды возросла в 4 раза в Кубанской области, а в Терской области за последние 10 лет века не выросла даже в 2 раза. Очень значительно выросла сумма аренды³³.

Если в Кубанской области процент войсковых земель, состоявших под арендой, уменьшился на 11,9 процента, то в Терской области, наоборот, доля арендованных войсковых и запасных земель увеличилась с 45,5 до 47,6 процента. Причем арендовали, к тому же, мелкими участками крестьяне-переселенцы исключительно под пашню. Этот факт перехода земли от крупных арендаторов к мелким тоже наносил удар овцеводству из-за дробления больших участков.

Все эти причины заставляли овцеводов-промышленников сдвигать зону выпасов в предгорья и горы, где цена аренды была ниже, чем в степной зоне края. К 1895 г. тавричане приобрели в собственность горы станицы Кардоникской и ежегодно стали выпасать свой скот и отары овец летом в юртах высокогорных станиц: Вознесенской, Бесстрашной, Урупской, Ахметовской, Преградной, Псебай, Сторожевой, Исправной, Зеленчукской, Даховской и в верховьях Лабы в долине Закдана (Загедан — Ш. Х.)³⁴. Вся эта местность до конца 80-х годов XIX в. была в пользовании исключительно горцев коневодов. Этот факт — вытеснение коневодства горцев более рентабельным тонкорунным овцеводством—является ярким свидетельством капиталистической конкуренции между различными отраслями сельского хозяйства. Но конкуренцию могли выдерживать только крупные хозяйства овцеводов. Многие мелкие и средние овцеводы распродавали своих овец и переходили на земледелие. Держались только крупные овцеводы, обладавшие достаточным оборотным капиталом.

П. Кулешов и Н. Петров, анализируя статистические сведения, собранные на съезде овцеводов в Екатеринодаре 19 декабря 1895 г., констатируют: «...к сожалению ...тонкорунное кавказское овцеводство идет быстро на убыль»³⁵.

Уменьшение количества овец у 39 овцеводов за 4 года достигает в среднем 50 процентов. Из них 19, или 48,7%, ликвидировали свои хозяйства из-за невыгодности.

Современники отмечали: «Еще недавно овцеводческий тип хозяйства являлся преобладающим; теперь же, с увеличением арендных цен на пахотную землю, даже исконные овцеводы начинают заниматься хлебопашеством»³⁶. Там же отмечается, что «в первые годы переселения таврических овцеводов на Кавказ арендные цены земли были от 15 до 50 коп. за десятину; в последние же пять лет арендные цены возросли до 1 р. 30 к. — 1 р. 50 к. за десятину исключительно под овцеводство и от 2 до 3 р. с правом распашки трети всей арендованной земли»³⁷.

Тонкорунное овцеводство в конце XIX — начале XX вв. под давлением высокой земельной ренты в поисках дешевых и просторных пастбищ смещается из Кубанской области и западного Ставрополя все восточнее, на землю Терской области и Астраханской губернии, несмотря на худшие природные условия.

Параллельно с ростом площади запашки на капиталистическом рынке падала цена на русскую тонкорунную шерсть. В конкурентной борьбе с дешевой импортной шерстью, пряжей, камвольными оческами и производными товарами (в основном австралийской и американской шерстью) российское мериносное овцеводство постепенно уступало свои позиции. Если до 90-х годов XIX в. Россия была в основном вывозящей шерсть, в основном тонкорунную, то с этого времени импортная шерсть начала преобладать над экспортной.

Наибольшее количество шерсти Россия вывозила в период с 1871 по 1890 годы. В это время экспорт шерсти превышал импорт почти в 5 раз. А к началу XX века, наоборот, экспорт был почти в 2 раза меньше импорта.

Уменьшение размеров овцеводства по сравнению с полеводством было явлением, характерным не только для России. Такая же тенденция в капиталистической конкуренции между отраслями сельского хозяйства наблюдалась во всех европейских странах.

Главной причиной этого общего для европейских стран сокращения овцеводства, в том числе мериносного, кроме повышения спроса на зерно, было падение спроса на европейскую шерсть, вызванного конкуренцией со стороны дешевой колониальной шерсти из Австралии, Южной Америки и Южной Африки, где овцеводство, и прежде всего мериносное, росло очень быстрыми темпами. Наиболее сильную конкуренцию составля-

ла мериносовая шерсть. Быстрый рост австралийского овцеводства со второй половины XIX века объясняется в основном наличием сильного увеличения спроса на мировом рынке на тонкорунную шерсть. Потому спрос на тонкорунное сырье вызвал рост овцеводства в Аргентине, Австралии, Южно-Африканском союзе (Капская земля, Наталь, Трансваль, Оранжевая республика), Новой Зеландии. Но в Аргентине «пшеничная горячка»

Таблица 2

Динамика ввоза и вывоза шерсти в России*

Годы	В тыс. пудов	
	вывезено	привезено
1826—1830	78	31
1846—1850	496	25
1866—1870	994	134
1871—1875	1096	262
1876—1880	1329	431
1881—1885	1592	379
1886—1890	1839	371
1891—1895	1018	846
1896—1900	970	1011
1900—1905	837	1589
1906—1910	769	2351

вытеснила овцеводство с плодородных равнин пампасов. В Австралии же, так как основной массив территории представляет собой абсолютно овечьи пастбища, не пригодные под зерновые культуры, овцеводство не встречало там конкуренции со стороны других, более доходных отраслей хозяйства и, при условии продолжающегося хорошего спроса на шерсть, развивалось далее³⁸.

К 1906 г. тонкорунное овцеводство сократилось в России до 4,5 млн., а на Северном Кавказе их оставалось меньше 2 млн. На Кубани за 30 лет (1881—1911) тонкорунное овцеводство сократилось более чем на 70%, привольность и дешевизна пастбищ, которые являлись основной причиной низкой себестоимости овцеводства, отошли в область преданий; в 1900 г. арендная цена выпасов возросла уже до 5—10 руб. за десятину. В 1897 г. в Ставропольской губернии насчитывалось еще около 1840 тыс.

* Труды I Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 года, т. 1, ч. II. М., 1913, с. 103.

голов мериносов, а в 1906 г. их поголовье сократилось на 664,5 тыс. голов, или на 36%³⁹. В дальнейшем сокращение овцеводства еще более ускорилось.

В 1907 г. Кавказский комитет овцеводства Московского общества сельского хозяйства подал в Главное управление землеустройства и земледелия докладную записку «О стесненном положении овцеводства на Северном Кавказе и мерах к сохранению тонкорунного овцеводства в России», где обосновывались экономические причины угасания мериносового овцеводства. П. Н. Кулешов видел главный экономический рычаг спасения Российского овцеводства в прекращении ввоза дешевой колониальной шерсти посредством повышения ввозной пошлины⁴⁰. Ввозная пошлина, конечно, играла большую роль в поставках импортного сырья для российской суконной промышленности. Она менялась за прошлый век несколько раз. С 1841 по 1851 гг. пошлина составляла 1 р. 90 к. с пуда грязной и мытой шерсти, тогда ввиду небольшого импорта она была покровительствующей овцеводству, но с 1859 г. и до весны 1889 г. ввозная пошлина, можно сказать, нисколько не препятствовала конкуренции со стороны колониальных или вообще зарубежных шерстей, а также их суррогатов⁴¹.

Пошлина в то время составляла 1 руб. кредитными с пуда чистой шерсти или 3 руб. с пуда шерстяных лент. Она не могла повысить цену грязной шерсти на внутреннем рынке, которая тогда составляла — 9—12 руб. с пуда, так как в переводе на грязную шерсть обложение составляло всего только с 7 до 30 коп. на пуд. В то же время курс рубля падал иногда в один день на 2—3%, а в период одного месяца на 10—20%⁴².

С весны 1889 г. пошлина на сырую шерсть повысилась до 2 руб. золотом, а в 1890 г. вследствие повышения всех пошлин на 20% — до 2 руб. 40 к. золотом, или 3 р. 16 к. кредитными.

Но это уже не могло помочь развитию тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе, а значит и в России. Ибо, во-первых, вследствие одинаковой пошлины на мытую и грязную шерсть, в Россию ввозили только мытую шерсть, которую фабриканты брали с большой охотой; во-вторых, качество российской тонкорунной шерсти все более снижалось. Стада мериносов паслись на пожнивных остатках, поэтому шерсть забивалась грязью, репейником, колючками, она теряла благородство, крепость, однородность, уменьшался вес руна.

Кроме того, было еще много причин, мешавших развитию мериносового овцеводства в России. Это и отсутствие четкой системы торговли шерстью, и слабая шерстомойная промышленность, и отсутствие морозильников для хранения мяса, и вы-

сокие тарифы на железных дорогах и т. д. Но главными причинами были — конкуренция со стороны земледелия и колониальной шерсти.

На съезде овцеводов Юга и Юго-Востока России, состоявшемся в Петербурге в апреле 1907 г., было принято решение о переброске тонкорунных стад в Юго-Западную Сибирь и Казахстан. Часть ставропольских овец переехала в Сибирь, но накладные расходы на кормление, строительство кошар там оказались значительно выше. И на I Всероссийском съезде по овцеводству, состоявшемся в Москве с 23 по 26 сентября 1912 года, было констатировано, что перевод мериносов в Юго-Западную Сибирь не оправдался.

Спасти мериносовое овцеводство мог только переход с экстенсивного направления на интенсивное, мясо-шерстное направление, но в условиях капиталистического частного предпринимательства это было невыгодно, так как требовало централизованного руководства, больших и долговременных капиталовложений, рационального сочетания всех отраслей сельского хозяйства в соответствии с интересами страны, а это тогда было просто невозможным.

Быстрый рост тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в 70-80-е годы XIX в. является примером развития капитализма вширь, его распространения на новой территории.

Параллельно с этим процессом в сельском хозяйстве Северного Кавказа имело место и развитие капитализма вглубь, которое началось в 80-е годы XIX в.

Эти две стороны развития капитализма на Северном Кавказе связаны неразрывно.

Развитие торгового мериносового овцеводства, за счет которого овцеводы-промышленники накопили огромный оборотный капитал, послужило базой для дальнейшего развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве региона.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

2. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, с. 82.

3. Кулешов П. Н. Мазаевское овцеводство. — Сельское хозяйство и лесоводство, 1895, т. VIII, с. 376—378.

4. Кулешов П. и Петров Н. Мазаевское овцеводство. Перепечатано из журнала «Сельское хозяйство и лесоводство». СПб., 1896, с. 4.

5. Тройно Ф. П. Об арендных и субарендных ценах на землю у горских народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX вв. — История горских кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1976, вып. 2, с. 72.

6. Шацкий П. А. Русская колонизация Карачаево-Черкесии в XIX в.—

История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975, с. 643.

7 Кулешов П. и Петров Н. Указ. соч., с. 40.

8 Там же, с. 54.

9 Шацкий П. А. Указ. соч., с. 611.

10 Там же, с. 646—647.

11 Кулешов П. и Петров Н. Указ. соч., с. 1.

12 Там же.

13 Там же.

14 ЦГИА СССР, ф. 1284 (Департамент общих дел МВД), оп. 223, д. 130, л. 37.

15 Там же, л. 35.

16 Шацкий П. А. Указ. соч., с. 43.

17 Шацкий П. А. Перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию Предкавказья. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964. Кишинев, 1966, с. 645.

18 Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1. Ставрополь, 1967, с. 440

19 Шацкий П. А. Русская колонизация территории Карачаево-Черкесии в XIX в. — История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975, с. 43.

20 Там же.

21 Кулешов П. Н. Овцеводство. СПб., 1888, с. 105—106.

22 Там же, с. 106.

23 Кулешов П. и Петров Н. Указ. соч., с. 5.

24 Там же, с. 19.

25 Там же.

26 Там же, с. 1.

27 Шацкий П. А. Перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию Предкавказья. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966, с. 646.

28 Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 217.

29 Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 208—209.

30 ПЗС—П, 1864, т. 37, отд. 1, № 38256 (Закон о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России от 10 мая 1862 г.).

31 ЦГВИА, ф. 38 (Фонд главного управления генштаба), оп. 7, д. 469, л. 6.

32 Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964, с. 59.

33 Тройно Ф. П. Указ. соч., с. 72—73.

34 ЦГИА СССР, ф. 412 (Фонд главного государственного управления коннозаводством), оп. 4, д. 2195, л. 2.

35 Кулешов П. и Петров Н. Указ. соч., с. 3.

36 Там же, с. 2.

37 Там же, с. 3.

38 Воронцов-Вельяминов К. К. Сырьевая база зарубежной шерстообрабатывающей промышленности, М., 1934, с. 25.

39 Шацкий П. А. Указ. соч., с. 12

40 Кулешов П. Н. Повышение ввозной пошлины на шерсть, как единственная надежная мера к поддержанию нашего тонкорунного овцеводства. М., 1893, с. 11.

41 Кулешов П. Н. Настоящее положение нашего тонкорунного овцеводства и меры к его улучшению. СПб., 1890, с. 21.

42 Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ

АО —	Археологические открытия
АКАК —	Акты Кавказской Археологической комиссии
АС —	Археологический сборник
АЭК — Ч —	Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979 (сборник)
АЭС —	Археолого-этнографический сборник
ВГМГ —	Вестник государственного музея Грузии
ВИ —	Вопросы истории
ВССА —	Вопросы скифской и сарматской археологии
ГАКК —	Государственный архив Краснодарского края
ГАСК —	Государственный архив Ставропольского края
ЖМВД —	Журнал Министерства внутренних дел
ЗАО —	Записки Археологического общества
ЗКОРГО —	Записки Кавказского отдела Русского географического общества
ЗООИД —	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗТОЛКС —	Записки Терского общества любителей казачьей старины.
ИА АН СССР —	Институт археологии Академии наук СССР
ИСОНИИ —	Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
КОВ —	Кавказские областные ведомости
КРО —	Кабардино-русские отношения
КЧНИИ —	Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы.
КЭС —	Кавказский этнографический сборник
ЛГУ —	Ленинградский государственный университет
МАД —	Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО —	Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК —	Материалы по археологии Кавказа
Мацнэ —	«Мацнэ». Известия АН Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии. Тбилиси.
МГУ —	Московский государственный университет
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК —	Материалы по изучению Ставропольского края
ПЗ —	Полевые записи
ППАЭ —	Предгорно-плоскостная экспедиция Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого
ПСРЛ —	Полное собрание русских летописей
РАО —	Русское археологическое общество
СА —	Советская археология
САИ —	Свод археологических источников
СМОМПК —	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОНИИ —	Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
ТВДАЭ —	Труды Волго-Донской археологической экспедиции
УЗ КБНИИ —	Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ЧИГУ —	Чечено-Ингушский государственный университет
ЦГВИА —	Центральный государственный Военно-исторический архив
ЮОНИИ —	Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев.</i> О хронологии некоторых памятников и комплексов начала 1 тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья	7
<i>В. Б. Ковалевская.</i> Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии	18
<i>Х. Х. Биджиев.</i> Раннесредневековые жилища и хозяйственные постройки Карачаево-Черкесии	35
<i>А. П. Рунич, Я. Б. Березин, С. Н. Савенко.</i> Комплекс памятников раннего средневековья в верховьях реки Подкумок	56
<i>В. И. Марковин.</i> Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма	67
<i>Е. П. Алексеева.</i> Археологические раскопки и разведки на территории Карачаево-Черкесии в 1975—1980 гг.	77
<i>Е. П. Алексеева.</i> Малоизвестные сведения автора XV века о карачаевцах и черкесах	101
<i>И. М. Мизиев.</i> Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев XVI—XVIII вв.	104
<i>Р. Х. Керейтов.</i> Некоторые вопросы экономической основы семьи у ногойцев в XIX — начале XX вв.	116
<i>И. М. Шаманов.</i> Современное животноводство и хозяйственный быт в Карачаево-Черкесии	142
<i>М. С. Тхайцухов.</i> К вопросу об этнических связях абазин с адыгами и абхазами в XIX веке	168
<i>Ш. Ш. Хуранов.</i> Развитие торгового тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе в пореформенный период	177
Список сокращений, принятых в книге	191

80 коп.